

Ульяновцы встречают
Олимпийский огонь
XXII зимних Олимпийских игр
2014 года
на площади Ленина.
26 декабря 2013 года

С пользой для Отечества



МОНОТАЖ

№ 1 (79) 2014

Краеведческий журнал

12+





Выходит 6 раз в год

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

И.И. Егоров

А.И. Золотов

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

С.А. Ойкин

Е.Н. Сергеева

И.Э. Сивопляс

А.Ю. Шабалкин

Учредитель:

Министерство внутренней политики

Ульяновской области

Издатель: ОГБУ «МедиаЦентр»

Адрес редакции:

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Тел. (8422) 30-17-70

www.monomah.sis.net.ru;

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00197 от 18.07.2011 г.

Цена свободная

Подписано в печать 22.01.14 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1000 экз. Заказ № 96

Набор и верстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

ОАО «Областная типография

"Печатный двор"»

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, д. 27

На обложке –

фото Павла Шалагина.

Журнал «Мономах» можно приобрести в киосках «Дома печати», «Симбирскпечать», «Ульяновскпечать», в магазине «Ашан», музейном магазине Дома Гончарова, в киосках Ленинского мемориала и других музеях

Содержание:

Персона

Сохраним региональную идентичность.

Интервью с директором НИИ истории и культуры

Ульяновской области С.А. Прокопенко.....2

Человек дела

Любимая наука – о вымерших чудовищах.

Об учёном-палеонтологе Ю.А. Орлове.....4

Ю. Орлов. Человек высокой нравственности и образованности.....6

В. Михайлова. Николай Немцев – витязь русского поля.....8

С уважением к прошлому

В. Радаев. История о музее и его исчезнувшем заведующем.....12

Ю. Осипов. Как на Волге встречали первые пароходы.....15

По краю родному

Д. Семенов. «Приют истинного удовольствия».....18

Е. Авдеева, М. Дудочкин.

Троицкий Сунгур, его прошлое и настоящее.....20

Имя нашего края

М. Валкин.

Недюжинный человек Дмитрий Архангельский.....24

Т. Ознобищина. О воссоздании усадьбы.....26

Земляки

О. Шейпак. Далёкая и близкая Александрия.....28

О. Розов. Командир симбирских улан Ошанин.....32

И. Хайретдинов. Котдус по-арабски – дорогой.....33

С. Петров. Станиславский и симбиряне.....34

Поиски и находки

М. Качалина. Пройти по следам швейцарских коммунаров.....37

М. Уральцева. Бивали купцов архитекторы.....41

Ю. Узрютова.

Граница мира: память пограничников увековечили потомки.....42

На срезе времени

Учить краеведению.....46

Бенефис музейных раритетов.

Сенгилеевский краеведческий музей.....47

Е. Благовещенская. Бабушкин сад.....49

Память

Е. Нецветаева. Радетельницы просвещения50

В. Сахаров. «Делайте добро, и всё у вас будет!».....55

Люди идут по свету

И. Морозова. Вдвоём по белу свету.....56

Прекрасное – рядом

И. Морозова. Живопись от сердца.....60

В поисках духовной истины

А. Корабельников. Антоний Великий о человеческом в человеке.

Из «Наставлений о доброй нравственности и святой жизни».....62

Неси добро!.....65

Почтовые отделения Ульяновской области начинают

подписку на журнал «Мономах» на II полугодие 2014 года.

Стоимость подписки на 2 месяца – 69 рублей, на шесть месяцев – 207 рублей.

По всем вопросам подписки на «Мономах» можно проконсультироваться по телефону 41-04-32

Подписной индекс 73844

Темы номера:



Олимпийский чемпион
по лёгкой атлетике 1988 года,
почётный гражданин
Ульяновской области
Владимир Крылов –
участник ульяновского этапа
эстафеты Олимпийского огня.
26 декабря 2013 года

Фото Сергея Ойклина

Пишем историю Симбирского- Ульяновского края

2014 –
год Человека труда
в Ульяновской
области



Сохраним региональную идентичность

Начал работу
НИИ истории и культуры
Ульяновской области



Витязь русского поля

Трудовой путь
академика РАСХН
Н.С. Немцева



Далёкая и близкая Александрия

Симбирянин И.П. Умов
служил вице-консулом
Александрии

Сохраним региональную идентичность

В 2013 году в нашем регионе создан Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области. Директором института назначен доктор исторических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова Сергей Алексеевич Прокопенко. Мы встретились с руководителем новой научной структуры, чтобы узнать, чем будет заниматься НИИ истории и культуры и оживит ли это научные исследования краеведческого направления.

– *Сергей Алексеевич, расскажите, пожалуйста, о новой структуре и её задачах.*

– Руководство области давно прилагает усилия к тому, чтобы задействовать потенциал культуры в стратегии социально-экономического роста региона. Задача это сложная, не хочу сказать, что совсем новаторская, но анализ содержательных сторон, адаптация многих механизмов к реальным условиям требуют серьёзных усилий и основательности. Один из таких подходов связан с концептом «региональной идентичности». С точки зрения политехнологии его можно рассматривать как способ консолидации и мобилизации населения региона. Но понятно, что дело здесь не ограничивается только инструменталистской стороной. НИИ призван через разработку прежде всего историко-культурного компонента способствовать решению этой задачи.

– *Вы – специалист в области зарубежной истории. Как возникла Ваша кандидатура на пост главы института региональной истории?*

– Вопрос о создании НИИ поднимался нашими краеведами достаточно давно. К весне 2013 года благодаря политической воле губернатора и усилиям экспертно-аналитического департамента администрации проект приобрёл реальные контуры. Как я понимаю, прошёл своеобразный «кастинг» программ и кандидатур на пост директора института. Не скрою, решение попробовать себя в новом качестве далось не просто. Сам я испанист – куда уж дальше от краеведческой проблематики.

Но, во-первых, это действительно живое и важное для области дело. Во-вторых, так сложилось по жизни, у меня есть опыт работы в разных сферах и, думаю, понимание того, как нужно выстраивать проект. Но здесь я должен сказать следующее. Управленческая работа и исследовательская очень различаются. Если относиться к руководству серьёзно, времени на науку просто не остаётся. Особенно это касается гуманитариев, поскольку нам приходится иметь дело буквально с валом информации. Поэтому, чтобы «не выпасть» из профессии, я не мыслю себя на посту руководителя более одного срока. Свою задачу я вижу в том, чтобы поставить дело на правильные рельсы и обеспечить преемственность курса.

– *Не могли бы Вы пояснить, в чём суть Вашего проекта?*

– Если коротко, то это стремление вывести институт на уровень академических стандартов. Определённое противоречие заключается в том, что нам придётся заниматься прикладными проблемами. Но это – жизнь. Будем искать решения, стремиться к оптимальному сочетанию этих функций.

Если вернуться к вопросу задач НИИ, то их несколько. Во-первых, исследовательская. Возьмём историческую науку. До сих пор история Симбирского Поволжья полна лагун или же идеологизирована. Вспомним, например, XX век, когда ленинская тематика приобрела у нас гипертрофированные размеры. Очень хорошо, что в последние годы сотрудники музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

С.А. Прокопенко



и Ленинского мемориала приложили титанические усилия для имплантации «Ленинианы» в более широкий контекст. Во-вторых, методологическая и методическая, призванные обеспечить научно-академический подход к исследованиям и задать определённые стандарты. В-третьих, организационная, нацеленная на координацию региональных исследований основных специализированных сообществ: преподавателей, архивистов, краеведов, научных работников музеев и библиотек. Четвёртая – культурно-просветительская. В конце концов, ради этого мы все и работаем. И, наконец, пятая – экспертная, роль которой со временем должна возрастать.

– *Сергей Алексеевич, какова ситуация у нас в области гуманитарных исследований по сравнению с соседями?*

– Как известно, Поволжье – полиэтнический регион. В результате государственной политики поддержки автономий и строительства этнической идентичности в республиках достаточно давно создана серьёзная инфраструктура в сфере гуманитарных и общественных наук. Нужно констатировать, что на сегодняшний день мы очень серьёзно отстали от соседних регионов в исследовании региональной истории, культуры, этнологии. Ликвидировать разрыв слепым копированием вряд ли получится. Представляется, что, например, в области истории необходимо проводить исследования на базе достижений современной историографии и методологии. (Благо, сам я достаточно хорошо знаком с этой проблематикой.)



Кроме того, нужно системно работать с академическими институтами и ведущими региональными НИИ, тем более что хороший задел здесь уже имеется.

– А НИИ – дорогостоящее предприятие?

– Для нашего бюджета – да, у нас всё-таки ограниченные ресурсы. Одиннадцать с половиной миллионов рублей – сумма немалая. Достаточно большие объёмы в этом году пойдут на обеспечение материальной базы – мы ведь создаёмся с нуля. Сейчас в штате предусмотрено 16 ставок, из них 12 – научных работников. Это неплохо для начала. Хотя для сравнения: в Татарстане в институтах нашего профиля – около 400 ставок, в Коми – около 200.

Структура нашего НИИ – плод компромисса, необходимости решения академических и прикладных задач. На сегодняшний день созданы три научных отдела: археологический; истории и культуры; современных социально-экономических и политических исследований. За штатом будут существовать редакционная комиссия и Учёный совет.

– Каковы наши научные ресурсы?

– Ситуация неоднозначная. По ряду направлений можно говорить о достижении академических стандартов. Назову рабочую группу под руководством М.П. Чердниковой и М.Г. Матлина. За пределами региона известны труды В.А. Гуркина, Е.К. Беспаловой, Ю.А. Семькина и других наших учёных. Вместе с тем у нас нет специалистов по ряду дисциплин, существует серьёзный разрыв между нашими «звёздами» и основной массой краеведов. Как и в стране в целом, эта ситуация накладывается на поколенческий разрыв в научном сообществе. Выход

видится в активном привлечении преподавателей к работе в НИИ. Таким образом, мы решим сразу несколько задач. Во-первых, за счёт студентов расширим привлекаемые силы, которые под руководством наших сотрудников будут вести плановые работы. Во-вторых, уже на ранних этапах будем проводить отбор наиболее способных студентов и вне сетки расписаний целенаправленно готовить кадры впрок.

Мы хорошо понимаем, что залог успешной работы – организация взаимодействия с внешними партнёрами. Это местные вузы, архивы, музеи, Комитет по культурному наследию, общественные организации.

– Несколько слов о ближайших и перспективных планах...

– Сверхзадача: написание многолетней истории региона. Но поскольку это задача на годы, мы вынуждены будем запустить промежуточный проект – «Очерки» отдельных эпох. С этими задачами увязываются другие, в том числе конъюнктурные.

Если говорить об истории, то здесь ведущими выглядят три направления. Это история края до XIX века из-за её наименьшей изученности. Тесно связана с данным направлением археографическая работа на базе фондов центральных и региональных архивов (вне области). Второе направление работы – исследование советского социума. Мы всё-таки надеемся, что проект «Музей СССР» будет реализован, а НИИ станет оператором в разработке концепции и контента музея. Третье направление – Ульяновская область в постсоветский период.

Уже свёрстан план научно-исследовательских работ, который конкретизирует обозначенные задачи. После обсуждения с заинтересованными

лицами он станет основой для научной деятельности. Но скажу откровенно, предстоит со временем серьёзно расширить и детализировать филологическую, лингвистическую, искусствоведческую, культурологическую тематику.

Помимо решения академических задач НИИ должно обеспечить фундамент для анализа долгосрочных и среднесрочных факторов и тенденций. Это предполагается сделать в рамках двух крупных междисциплинарных тем, призванных объединить исследования в области истории и современности: «Культурные пространства и культурные коды» и «Человеческий потенциал».

Кроме того, нам нужно будет организовать этноконфессиональный, социодемографический и археологический мониторинги. Мы уже приступили к реализации первого проекта. Затем, именно в такой последовательности, будем отлаживать другие.

Из крупных проектов, которые должны стать площадкой сотрудничества краеведов, помочь выявлению авторов для «крупных форм» и отладке организационных технологий, назову Ульяновскую авиационную энциклопедию, второе издание Ульяновской-Симбирской энциклопедии, «Историю городов и поселений» региона.

Осенью 2014 года запланирована Всероссийская научная конференция по региональной идентичности. Достигнута договорённость с руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии о проведении Всероссийской конференции в 2015 году. В 2016-м силы будут брошены на подготовку конференции, приуроченной к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина.

– Что-то уже удалось сделать в 2013 году?

– 2013 год завершился созданием НИИ как юридического лица. Работа института как самостоятельного субъекта начинается с нового года. В переходный период занимались адаптацией нормативной базы и документации, разработкой стратегической программы исследований, подбирали кадры. В это же время приступили к решению ряда конкретных научных задач: археографической, исследовательской, учебно-методической. Начали работу над Ульяновской авиационной энциклопедией.

– Желаем НИИ истории и культуры удачи и научных достижений!



Заседание первого «круглого стола». 2013



Скелет плезиозавра. Палеонтологический музей им. Ю.А. Орлова



Имя учёного-палеонтолога, члена-корреспондента АН СССР Юрия Александровича Орлова (1893–1966) известно всему миру. Его научная деятельность являет собою пример исключительной преданности науке и избранной в ней специальности – палеонтологии.

Ещё в детстве сильное впечатление на него произвела книга Гутчиссона «Вымершие чудовища». Тогда же будущий учёный увидел раскопки пермских пресмыкающихся на Северной Двине, в которых участвовал его отец. Как ни странно, юноша не намеревался стать палеонтологом. Уже маститым учёным со степенью доктора биологических наук Юрий Александрович пришёл к любимой науке.

Юрий Орлов родился в Симбирской губернии в семье служащего. Его родители были высоко образованными людьми и смогли передать свои знания детям. В 1911 году юноша поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет, где специализировался в науках биологического цикла. Во время Первой мировой войны он учился на последнем курсе университета и одновременно работал добровольцем-санитаром в военном госпитале.

В 1916 году Юрий Александрович был приглашён в Пермский университет, где в качестве ассистента, а позже преподавателя и доцента принял участие в создании кафедры гистологии, организовал кафедру домашних животных.

В 1924 году Ю.А. Орлов перевёлся в Ленинградскую военно-медицинскую академию, а вскоре стал научным сотрудником Института мозга имени В.М. Бехтерева, где организовал лабораторию по изучению развития мозга.

В 1929 году Юрий Александрович перешёл работать в Геологический

музей АН СССР. В 1932 году был назначен заведующим отделом высших позвоночных Палеозоологического института АН СССР, затем заведовал лабораторией сравнительной анатомии во Всесоюзном институте экспериментальной медицины.

В 1934 году за совокупность работ Ю.А. Орлову была присуждена степень доктора биологических наук.

Его исследования по гистологии нервной системы были уже известны и в России, и за рубежом. Перед молодым учёным открывался большой путь к реализации начатых исследований. Но, к удивлению коллег, Юрий Александрович оставил гистологию и начал работу в новой области – палеонтологии. В этой науке он увидел возможность объяснения кардинальных вопросов биологии – причинности в возникновении морфологических структур.

Продолжая преподавать в военно-медицинской академии, Ю.А. Орлов начал работу в Центральном геологоразведочном институте. Свои отпускные месяцы и личные средства он тратил на исследовательские поездки

в Казахстан для сбора ископаемых млекопитающих. Полевые исследования увенчались блестящими успехами. Юрий Александрович не только открыл в Казахстане несколько горизонтов жизни прошлых геологических эпох, но и нашёл гигантское местонахождение ископаемых млекопитающих на реке Иртыш у города Павлодара. Раскопки этого местонахождения дали ценнейшее собрание – одно из основных в фондах Академии наук.

Опубликование работы о предке ластоногих млекопитающих – семанторе, открытом Ю.А. Орловым в павлодарской фауне, вызвало живейший интерес палеонтологов всего мира. Ещё больше прославилось исследование черепа новой формы хищников (перуниум) из той же фауны. Учёному удалось восстановить контуры мозговых извилин этого животного, истолковать их функциональное значение, а отсюда сделать выводы о биологических возможностях новой формы и даже целой группы. Описания слепков мозговой полости ископаемых животных были давно известны. Существовала уже капитальная сводка



немецкой учёной Тилли Эдингер. Но то, что сделал Ю.А. Орлов, резко отличалось от формального описания Эдингер. В его скромной работе учёные всего мира увидели начало новой отрасли палеонтологии – палеоневрологии, много обещавшей для понимания биологии вымерших животных, особенно млекопитающих.

К сожалению, Ю.А. Орлову не удалось продолжить эти исследования с задуманным широким размахом. Директор Палеонтологического института академик А.А. Борисьяк всё больше и больше привлекал его к организационной деятельности. В период переезда Академии наук СССР из Ленинграда в Москву, в эпоху энергичной реорганизации всех отраслей советской науки организационных дел был непочатый край. Юрий Александрович создавал заново кафедру палеонтологии при Московском государственном университете, восстанавливал и расширял перевезённый из Ленинграда Палеонтологический музей, организовывал крупные экспедиции в Средней Азии, помогал развитию новых палеонтологических ячеек на Украине. С конца 1930-х годов Ю.А. Орлов большую часть своего времени посвящал общей организации палеонтологии и подготовке кадров для неё, разрываясь между Палеонтологическим институтом Академии наук и Московским государственным университетом.

После смерти академика А.А. Борисьяка в 1944 году Ю.А. Орлов возглавил советскую палеонтологию позвоночных. В конце войны Юрий Александрович бросил силы на восстановление эвакуированного Палеонтологического

музея, и только благодаря его усилиям музей приобрёл прежний вид к 220-летнему юбилею АН СССР. Вскоре Ю.А. Орлов был избран директором Палеонтологического института, а также заведующим кафедрой палеонтологии Московского государственного университета.

Сразу после окончания войны учёный организовал палеонтологическую экспедицию в Монголию. Благодаря этой экспедиции в пустыне Гоби были сделаны важные научные открытия, обогатившие Палеонтологический музей АН СССР замечательными экспонатами, впервые в истории нашей страны – скелетами гигантских ящеров – динозавров, удивительных древних млекопитающих, новых, ранее не известных науке черепах и других животных. Несколько лет спустя, в 1954 году, Ю.А. Орлов завершил крупное научное исследование – капитальный труд по морфологии пермских дейноцефалов. Эта особая группа зверообразных пресмыкающихся была открыта с его участием ещё до войны при раскопках в Поволжье.

Исследованные Ю.А. Орловым дейноцефалы СССР представляют переходную группу между двумя великими фаунами пресмыкающихся верхнего палеозоя нашей планеты: архаическими рептилиями Северной Америки и тероморфами республик бывшего СССР, Индии и Южной Африки, которая ещё совсем недавно была предметом поисков и предположений палеонтологов всех стран. Поэтому значение работы Ю.А. Орлова для истории древнейшего наземного населения Земли трудно переоценить. Особенностью



Ю.А. Орлов в экспедиции в Монголии

этой работы, вызвавшей изумление зарубежных палеонтологов, является необычайная для столь древних ископаемых форм детальность исследования. Строение животных выяснено в таких подробностях, как если бы это были современные звери, а не хрупкие, заключённые в твёрдую породу окаменелые кости возрастом в двести миллионов лет.

В это же время Ю.А. Орлов подготовил для опубликования серию очерков об отдельных крупных вымерших фаунах – горизонтах жизни на территории СССР. Эти очерки, как картины жизни прошлых геологических эпох, стали оригинальным и очень интересным пособием для студентов.

Под руководством Юрия Александровича коллектив учёных Палеонтологического института и других геологических учреждений страны подготовил к печати многотомный справочник по палеонтологии, а также новый учебник палеонтологии.

С развитием международных научных связей расширялась деятельность Ю.А. Орлова. Он принимал участие в работе научных конгрессов, выступал с лекциями за рубежом. За помощь в организации молодой индийской палеонтологии награждён золотой медалью Индийского Палеонтологического общества. Последней по времени вехой деятельности Ю.А. Орлова явилась организация совместной Советско-Китайской палеонтологической экспедиции (1959) на территории КНР, обогатившей обе стороны ценными научно-музейными материалами.



Строительство Палеонтологического музея АН СССР

Человек высокой нравственности и образованности



А.Ф. Орлов

Учёный-палеонтолог, член-корреспондент АН СССР Юрий Александрович Орлов никогда не забывал свою малую родину – Симбирский край. Здесь, в Поволжье, под влиянием отца, сформировалась его страстная увлечённость палеонтологией. Юрий Александрович оставил ценные для нас воспоминания о своей семье. Об отце он написал сдержанно, но с сыновьей любовью и теплотой. Александр Фёдорович был широко образованным человеком и учёным. Он – автор одной из первых книг о топонимике – науке о названиях географических объектов.

Мой отец родился в Симбирске (ныне Ульяновск) в семье священника 30 октября 1855 года. Вскоре после его рождения священник Фёдор Орлов переехал в село Берёзовка Сенгилеевского уезда, где прожил в дальнейшем всю жизнь, сам пахал и собирал хлеб. Семья была большая. После духовного училища при мужском монастыре в Сызрани отец учился в Симбирской духовной семинарии, шёл первым учеником, и ему прочили «блестящее будущее» в виде духовной академии.

Архиерей из отца не получился. Чтение произведений Чернышевского, Добролюбова и других близких по духу революционных демократов повернуло отца в иную сторону. Он оставил семинарию и уехал в Петербург в университет, к великому горю родителей.

Сдав дополнительные экзамены на аттестат зрелости по математике и физике, отец поступил в 1874 году на естественный разряд физико-математического факультета (жил уроками – ходил с Васильевского острова на Пески). В университете задержался дольше обычных четырёх лет из-за участия в кружках ранних народо-вольцев, и его диплом помечен 1880-м годом. Профессорами в то время были Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, Н.А. Меншуткин, ботаник А.Н. Бекетов, зоологи К.Ф. Кесслер, Н.П. Вагнер и ряд других знаменитостей.

С осени 1875 года, будучи на втором курсе, отец вступил в народо-вольческий кружок. Вместе с А.К. Левашовым, Гуляевым (позднее ветеринаром), П.П. Викторовым (впоследствии

крупным врачом-психиатром) и другими работал «молотобойцем» в основанной ими для революционной пропаганды кузнице (на Малой Охте), где они подковывали лошадей извозчиков. «Кузнецы» спустя некоторое время покинули кузницу, когда повадился ковать лошадей местный пристав. Получив задание выпилить ключ (для освобождения Петра Кропоткина) по сделанному за подкуп слепку, отец приготовил ключ. Однако, как известно, он не понадобился: Кропоткин бежал во время прогулки у тюремной больницы. Кучером на рысаке Варвар был Левашов, с которым отец ещё раз встретился много лет спустя в Вологде.

По окончании университета в 1880 году отец хотел посвятить себя литературной работе и поместил в журнале «Дело», издававшемся в Петербурге, три рассказа (1880, 1881, 1882) под псевдонимом Плавский. Об одном из них был очень одобрительный отзыв Краевского в журнале «Голос». Журнал «Дело» объединял ряд прогрессивно настроенных людей. И в это время, и позднее отец был знаком с писателями Глебом Успенским, Шелгуновым, Станюкевичем, Южаковым, Н. Михайловским.

Однако крайнее безденежье вынудило Александра Фёдоровича поступить на службу чиновником в удельное ведомство, на то самое место, которое за пятьдесят лет до него занимал в течение года Гоголь. По этому поводу много лет спустя отец говорил в шутку, что «Гоголь оказался никуда не годным чиновником, но выдающимся писателем, я же – никуда не годным писателем, но прекрасным чиновником», так как

в последние годы до революции отец ведал всеми удельными лесами Вологодской и Архангельской губерний и лесопильными заводами в Архангельске, куда сплавливали этот лес для продажи за границу.

Там, во время ежегодных продолжительных походов по лесам бассейна Северной Двины с её притоками, среди весьма первобытной в то время обстановки у него возникла и окрепла мысль о том, что на севере и поселения, и население называются по рекам. В 1906 году А.Ф. Орлов начал писать об этом. В следующем году в г. Вельске, где жил отец, была временно открыта кустарная убогая типография, в ней в начале июня 1907 года была напечатана книга «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов и местностей». Основная мысль книги: по рекам шло расселение, около них охота, рыбная ловля, часто они – пути сообщения. Названия давались по рекам. Последующие поселенцы часто получали готовые названия, смысл их забывался со временем, но уже по реке шли названия возникавших поселений, городов, племён и т.д. Это проверено было отцом на огромном картографическом материале для России, Западной Европы, Малой Азии и Индии.

В своё время работа в народо-вольческих кружках отвлекла отца от научной дороги, которой он был достоин по своей одарённости, и к науке он пришёл много, много позднее.

Моя мать, Вера Павловна Орлова, урождённая Тумаркина – одна из первых наших женщин-врачей, блестящий диагност внутренних болезней – происходила из купеческой семьи



в Бессарабии. Очень красивая, способная; окончив гимназию с золотой медалью, она пожелала учиться медицине. Это было начало не только медицинского, но вообще женского высшего образования в России. Родители – люди старого закала, желавшие выдать её замуж за кого-то «достойного» столь богатой и красивой невесты, – воспротивились. Тогда она уехала учиться вопреки их воле, а родители (как мне рассказывала со слов отца моя воспитательница) от неё «отреклись».

Сдав дополнительные экзамены на аттестат зрелости, она поступила на женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале на Суворовском проспекте (кажется, госпиталь там и по сию пору). Курсы были под покровительством Военной медико-хирургической академии. Директор курсов – Бородин, профессор академии, химик и композитор, автор оперы «Князь Игорь». По рассказам отца, мать жила очень бедно в свои студенческие годы. Это было время, когда медицине часто учились из побуждений помогать народу и идти в народ.

Одно время после окончания курсов мать была врачом Петербургской консерватории (во время второго директорства в ней А.Г. Рубинштейна). Отец и мать очень любили музыку. Дома сохранились фотографии с автографами, подаренные матери Антоном Рубинштейном, Глебом Успенским, Михайловским и другими.

В 1891 году во время голода на Волге она организовала, по рассказам отца, одиннадцать столовых для голодающего населения.

Мать умерла в марте 1899 года в возрасте 37 лет. Её смерть потрясла отца так, что пошатнулось его здоровье. Он с большим трудом ради моего брата четырёх лет и меня (около шести), взяв себя в руки, занялся физической работой, гимнастикой и встал на ноги.

Со мной и моим братом отец переехал в 1899 году в Вельск, маленький уездный городок в лесной глуши, в полуторастах километрах от железной дороги. Город Вельск был центром лесов удельного ведомства на севере, и там находилось управление округа. Леса и уголья этого округа были разбиты на 25 (примерно) «имений», во главе которых стояли управляющие с высшим лесным или вообще естественнонаучным образованием. Некоторые, например П.Н. Серебрянников, имели печатные научные работы по лесоустройству, прикладной энтомологии (вредители лесов) и т. п.

Отец создал там большую библиотеку (более 2000 томов) по истории, географии, естествознанию (ещё при его жизни она вошла частично в городскую, местную).

Отец был противником старой средней школы, учил нас дома и сам, и при помощи ссыльных студентов (меня – таким образом вплоть до аттестата зрелости).

В девятисотых годах Вельск служил местом политической ссылки, и на две с половиной тысячи жителей там бывало до шестисот-семисот человек ссыльных. Это были очень интересные люди, члены разных партий: русские, поляки, евреи, немцы, кавказцы, студенты, курсистки, сормовские рабочие. На обучение математики, физике или музыке у ссыльных требовалось специальное разрешение администрации.

Отец был широко образованным человеком. В Вельске он очень много преподавал (разумеется, бесплатно) латинский и немецкий языки. Очень музыкальный и образованный в области классической музыки, отец уже во взрослом возрасте выучился игре на скрипке и потратил немало усилий на моё и брата музыкальное образование, считая музыку одной из граней духовной жизни. Я ему иногда аккомпанировал. Сам и при помощи других он дал нам недурное знание латинского, французского и немецкого языков (мне и начала греческого) и дал мне, таким образом, базу для быстрого освоения английского, умение «филологически мыслить».

Однако отец жил довольно обособленно. За всю жизнь он не выпил ни одной капли водки или коньяка: в доме не водилось ни вина, ни папирос, ни игральные карты.

Весной 1910 г. и на зиму 1910/11 отец отправил меня всё же в Петербург, готовиться на аттестат зрелости. Экзамен держал весь май 1911 г. при 6-й Гимназии министерства народного просвещения на Чернышевской площади. Держало ещё 75 гимназистов и 41 человек нас, экстернов. Гимназисты сдали всё, а из 41 экстерна сдали четверо: граф Бобринский, сдававший каждый год за один класс, на этот раз только за восьмой; пианист И.П. Виноградов – внук духовного композитора Виноградова, позднее некоторое время мой учитель музыки – из группы талантливших учеников профессора Есиповой, куда входили С.С. Прокофьев, Александр Боровский и др.; князь Урусов, красавец-кавалергард в красной



куртке с позументами, с саблей, которую он торжественно придерживал, когда шёл к столу экзаменатора, помнится, очень слабо подготовленный, но желавший получить аттестат зрелости, почему-то нужный ему для служебной карьеры; наконец, я, глубокий провинциал, схвативший на экзамене по Закону Божию тройку по причине неполноты знаний обряда крещения.

Осенью 1911 г. я поступил в университет на физико-математический факультет и поселился на Васильевском острове.

После Октябрьской революции Александр Фёдорович оставался ещё некоторое время, по желанию Вельского земельного комитета, на работе в должности начальника Вельского управления земледелия и государственных имуществ.

Безупречная нравственность А.Ф. и справедливость были причиной того, что его оставили на посту лесного начальства.

Но из-за начавшегося безжалостного истребления лесов, на которое у него не хватило сил смотреть, после многолетней работы он предпочёл педагогическую деятельность.

А.Ф. стал преподавателем физики в Сельскохозяйственном техникуме, устроил там превосходный физический кабинет и вышел на пенсию в 1939 году на восемьдесят втором году жизни, оставив о себе прекрасную память у многочисленных учеников.

Из воспоминаний **Юрия Орлова**

Материал подготовил
Сергей Петров

1970-е



Николай Немцев – ВИТЯЗЬ РУССКОГО ПОЛЯ

Вот как интересно устроена жизнь. В наших отечественных сёлах рождаются миллионы людей, и только часть из них чувствует связь с землёй, наблюдает за ней, заботится о её восстановлении, выращивает невиданные урожаи. А тех, кто мыслит категориями в масштабах всей страны, всю жизнь посвящает поиску оптимального решения вопроса продовольственного обеспечения, организует других специалистов-коллег для серьёзной научно-исследовательской работы – единицы. Один из них – академик Российской академии сельскохозяйственных наук (2003), наш земляк Николай Сергеевич Немцев (1935–2008).

Отчего произошло так, что родившийся незадолго до Великой Отечественной войны в крошечном селе Шемышейского района Пензенской области мальчик Коля Немцев вырос и стал выдающимся учёным? Только родные, земляки и коллеги Николая Сергеевича Немцева могут ответить на этот вопрос. 17 октября 2013 года в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова на презентации книги «Сын земли», посвящённой этому неординарному учёному-агроному, лауреату Государственной премии в области науки (2001), чей беззаветный труд прославил Ульяновскую область, их собралось немало.

Родом из семьи хлеборобов

Всё началось с родителей. Молодожёны Сергей Васильевич и Ефросинья Фёдоровна Немцевы в начале тридцатых годов прошлого века были направлены на освоение залежных земель из села Старая Янсарка в посёлок Красная Горка вновь образованного Шемышейского района Пензенской области. Двадцатилетние хлеборобы обитали в крытой соломой крестьянской избе, построенной всем миром. До войны в их доме родилось четверо детей, которых

помогала поднимать мать главы семьи – Мария. Первой, в 1933 году, родилась доченька Анна, ну а дальше трое сыновей – старший Николай, 1935 года рождения, Виктор, 1938 года, и Фёдор – в апреле 1941 года. Оторванный от цивилизации посёлок давал лишь один способ выжить – натуральное хозяйство. Освещение – керосиновая лампа и лучина. В лесу можно было добрать дополнительные «витамины» – ягоды, орехи, грибы. В тяжёлые годы не брезговали молодыми листьями липы, искали прошлогоднюю картошку в поле,

собирали травы. Иногда даже и подаяние приходилось просить. В 1941 году тракторист-передовик Сергей Васильевич стал танкистом. Уходя на фронт, обнимая жену и детей мал мала меньше, он предчувствовал, что не вернётся, и всех больше переживал за будущее семьи: «Не дай бог, нищенствовать без меня будете». Похоронка на него пришла скоро. Но Ефросинья Фёдоровна выстояла, билась за жизнь и за детей как могла – работала с утра до ночи. После войны главным помощником матери стал старший сын Николай.



Его младший брат Фёдор, мастер спорта СССР, вспоминает: «Когда мне было пять или шесть лет, а Николаю 11-12, я замечал, что он быстро схватывает и осваивает крестьянские премудрости. Он научился плести лапти, отбивать косу, косить и метать стог сена. Чему сам научился и освоил, передавал мне и Виктору.

Помню случай, как однажды я его чуть не сделал инвалидом. Я уговорил Колю дать мне косу, чтобы покосить траву. Размахнувшись косой, я не удержал её и чуть было не перерезал ему ахиллесово сухожилие. Я тогда испугался, спрятался на сеновале и два дня не показывался дома. Соседка тётя Настя чудом вылечила ногу брата при помощи трав и молитв».

Кто знает, не в это ли время стали формироваться сильный характер, стальная воля и одновременно внимательное, заботливое отношение к близким у Николая Немцева? И эти последние слова отца, запавшие в душу шестилетнего мальчугана. Не они ли предопределили цель жизни Коли? Ещё юношей он знал: их семья не должна нищенствовать, в их доме всегда будет хлеб. Тогда он пообещал себе, что выйдет в люди.

Высокий и симпатичный Николай был спортивным юношей. Земляк Николая Сергеевича Немцева, подполковник запаса Василий Алексеевич Козин помнит будущего академика с раннего возраста: «Он первый, кажется, единственный в нашем посёлке, кто сам сделал турник. И поставил он его не в своём дворе, чтобы пользоваться только одному, а прямо у дороги, чтобы там могли потренироваться все жители

Николай Немцев – школьник. 1948



Студенческая свадьба
Лидии и Николая Немцевых.
22 ноября 1962 года



посёлка. Я не раз видел, как большие дяди вынимали сигарки изо рта, бросали их на землю, подходили к турнику и пробовали подтянуться на перекладине или же просто висели на ней». Детвора с восторгом смотрела, как Немцев работал на турнике и играл в волейбол.

Учился Николай с охотой, был в числе лучших. Чтобы получить среднее образование, каждый день ходил в соседнее село, преодолевая за день по 12 км. После школы и армии решил стать агрономом.

Выбор был сделан правильный

Дорог перед молодёжью страны с гордым названием Советский Союз открывалось немало. Но Николай решил остаться в тех краях, где родился, по-видимому руководствуясь простой народной мудростью: «Где родился, там и пригодился». Для поступления выбрал Ульяновский сельскохозяйственный институт. Его будущая жена Лидия Ивановна также была студенткой этого вуза, только училась на ветеринарном факультете. В 1963 году Николай стал учёным-агрономом, а о его способностях и воле говорила красная корочка диплома об окончании сельхозинститута. Первое место работы – Ульяновская государственная сельскохозяйственная опытная станция, куда он был направлен старшим агрономом-семеноводом. Позже этот посёлок назовут Тимирязевским, в память об академике Клименте Аркадьевиче Тимирязеве. В 1867 году он, тогда ещё мало кому известный учёный, по заданию Д.И. Менделеева проводил здесь, в Симбирской губернии, полевые опыты, проверяя действие химических удобрений на урожайность сельскохозяйственных растений. В 60-е годы прошлого века этот богом забытый уголок ничем не мог привлечь молодых выпускников УСХИ.

«Как сейчас помню, до чего же мне не понравился посёлок, – вспоминает Лидия Ивановна Немцева. – Улиц нет, бараки какие-то стоят вразнобой, дорог нет, грязь по колено, вода привозная, затем построили колонки. Получили мы однокомнатную квартиру с балконом, которой были очень рады – своё жильё. Из мебели – один кухонный стол привезли из Ульяновска. Со склада опытной станции взяли стол для зала, тумбочку, кровать с панцирной сеткой, вот так стали жить».

Николай с рассвета до заката пропадал на работе. Да и не он один. Весь коллектив стремился к успеху. В результате в опытно-производственном хозяйстве стали получать высокие урожаи. Его неуёмная энергия, умение ставить цель и добиваться её, осуществлять всё задуманное, творчески мыслить не остались незамеченными со стороны руководства опытной станции: последовали государственные награды, продвижение по карьерной лестнице. Николай Сергеевич всегда с благодарностью отзывался о своих первых наставниках – директоре опытной станции Георгии Павловиче Куликове, который вырабатывал у него такие важные качества для будущего исследователя, как терпение и последовательность; директоре ОПХ Борисе Андреевиче Александрове и его жене – главном агрономе Александре Михайловне Чичеровой. «Это они меня научили и землю по-настоящему любить, и работу свою, и агрономические истины я постигал под их руководством. Да и впоследствии мне не просто везло, мне грандиозно везло на талантливых учёных и наставников», – писал в воспоминаниях Николай Немцев.

Не только Немцев рос как специалист, вместе с ним развивался и посёлок Тимирязевский. Сначала здесь был построен клуб «Колос», затем двухэтажные дома, коттеджи, здание научно-исследовательского института,



Президент РАСХН академик Г.А. Романенко на полях УНИИСХ. 2000

в который впоследствии в 1989 году была преобразована опытная станция, лабораторный корпус, так называемый «белый дом», начинённый современным оборудованием. Дороги постепенно были заасфальтированы, провели газ. Теперь здесь есть и школа, и амбулатория, и аптека. Все эти «радости цивилизации» появились в агрогородке Тимирязевский во многом благодаря директору Ульяновской сельскохозяйственной опытной станции Николаю Сергеевичу Немцеву. Всё это он пробовал и решал путём поездок по инстанциям. Чтобы провести газ в посёлок, ему пришлось только в Москву ездить 17 раз!

Надёжный тыл в лице жены Лиды брал на себя основные заботы по дому, хлопоты с подрастающим поколением – Сергеем и Татьяной. Сам глава семьи обожал своих близких, любую свободную минуту старался проводить с ними. Да и их стремился приобщить к своей любимой работе, с гордостью показывал им самое красивое зрелище в мире – золотые хлебные поля, на которых чувствовал и знал буквально каждый колосок.

Когда-то были другие урожаи

Ветераны сельского хозяйства Ульяновской области с болью отмечают, что их не радуют нынешние «сводки с полей». Собираемый в настоящее время в Ульяновской области миллион тонн зерна в год, о котором с гордостью рапортуют по радио, по меркам советского времени результат совсем неважный. Все они помнят, что тридцать лет назад совсем другими цифрами измеряли урожаи – от полутора до двух миллионов тонн в год! Наша область, расположенная в зоне рискованного земледелия, двадцать три года давала

такие показатели во многом благодаря разработанной в области системе семеноводства, хорошему финансированию, беззаветному, полному самоотдаче труду работников сельского хозяйства.

Заведующий кафедрой земледелия и растениеводства Ульяновской сельскохозяйственной академии им. П.А. Столыпина, доктор с/х наук Владимир Иванович Морозов был знаком с Николаем Сергеевичем Немцевым с 1975 года, с того самого времени, когда Немцев стал директором Ульяновской областной сельскохозяйственной опытной станции.

Владимир Иванович считает, что селекционные достижения учёных этой станции и их вклад в организацию системы семеноводства зерновых, кормовых и других культур поистине неосценимы. В советское время новые высокопродуктивные сорта быстро продвигались в производство, находили своё место не только на полях Ульяновской области, но и всей России. Есть данные, что сейчас около 50 процентов посевных площадей овса в России заняты сортами, выведенными в Ульяновском научно-исследовательском институте сельского хозяйства. Сорт яровой пшеницы «Симбирка» рекомендован в шести регионах России.

Согласно ульяновской системе семеноводства элитные сорта семян поступали в учебно-опытное хозяйство Ульяновского сельхозинститута и там размножались. Объём производства семян зерновых и зернобобовых культур высших репродукций составлял в учхозе УСХИ-УГСХА порядка 9-10 тысяч тонн в год! Этот огромный объём высококлассных семян выбирали на размножение семеноводческие хозяйства, организованные в каждом районе области. Поэтому на полях региона можно было провести и обновление сортов, и сортосмену в самые короткие сроки.

Кроме того, ульяновский аграрий Н.С. Немцев в условиях наступающего глобального продовольственного кризиса работал на перспективу. Уже в первые годы своей работы в качестве директора Ульяновского научно-исследовательского института сельского хозяйства он возглавил масштабный проект по созданию Новоникулинского почвозащитного комплекса. Ведь почва, которая собственно и производит 98 процентов продуктов питания, для сохранения своего плодородия сама остро нуждается в защите от многих разрушительных и истощающих её процессов.

Благодаря Немцеву Ульяновский НИИСХ получил большой авторитет в стране. Проводимые здесь научно-практические конференции привлекали крупных специалистов-земледельцев, растениеводов, почвоведов, агрохимиков со всей России. Здесь ставились и решались многие проблемы научной агрономии, имеющие и теоретическое, и прикладное значение. Ведь любая отрасль, в том числе и сельское хозяйство, должна работать в соответствии с передовыми данными науки!

Дипломат и педагог

Признание, уважение коллег, полученные высокие звания, должности и награды несколько не изменили Немцева. Он ко всем относится уважительно, звал по имени-отчеству и простого труженика, и высокого начальника. Врождённый такт, умение находить общий язык со всеми отмечают практически все знавшие его люди. Скочилов А.А., Кузнецов И.М., Колбин Г.В., Самсонов Ю.Г., Горячев Ю.Ф., Шаманов В.А., Морозов С.И. – со всеми первыми лицами, в разное время возглавлявшими Ульяновскую область, Николай Сергеевич умел договориться, а взамен получить от них внимание и поддержку в работе.

Начальник отдела аграрного комитета Заксобрания Ульяновской области Анатолий Николаевич Самойлов считает, что у Немцева были все данные для того, чтобы стать хорошим чиновником: «Помню, как Николая Сергеевича назначили начальником управления сельского хозяйства Ульяновского района. Но через два месяца он отказался от этой должности. Не стоит, наверное, этому удивляться. Молодой, перспективный и одарённый специалист был склонен к научно-практической работе. И мы убедились в этом, когда появились первые его научные труды, его первая диссертация.



Удивительно ещё и то, что за 40 лет нашего знакомства я не припомню случая, чтобы он в каком-нибудь споре на кого-то повысил голос. Великолепная выдержка, природная скромность – эти человеческие качества были ему присущи... Наверное, это отличительная черта всех талантливых людей».

Его личные замечательные человеческие качества особенно ярко проявлялись и в его преподавательской деятельности. В течение десяти лет он был профессором Мордовского университета и заведовал кафедрой в институте агробизнеса. Как преподаватель он подготовил немало специалистов-аграрников, в том числе и для Республики Мордовия. Доктор с/х наук из Мордовии Иван Фёдорович Каргин подметил основные качества академика: «Николай Сергеевич всегда следовал правилам: уважай себя, уважай других, будь в ответе за все свои поступки. Он учил молодое поколение быть достойными гражданами своей страны... Его девиз: будь готов изменить свои цели, но никогда не изменяй свои ценности. Ценности научные, ценности семейные, ценности общечеловеческие. Об этом он всегда говорил будущим специалистам».

Николай Сергеевич призывал: как только ты осознал, что совершил ошибку, немедленно сделай всё, чтобы исправить её...».

Не трудиться – хлеба не добиться!

О необыкновенной трудоспособности Николая Сергеевича, о его лидерских качествах на презентации книги говорили многие. Коллега Немцева, начальник управления сельского хозяйства Ульяновской области Николай Акимович Пантюшин, обращаясь к присутствовавшим на презентации студентам Ульяновской сельхозакадемии им. П.А. Столыпина, посчитал нужным напомнить о том, какой ценой приходят такие выдающиеся достижения, как у Николая Сергеевича: тяжёлая, каждодневная до изнеможения работа в поле, доскональное знание предмета изучения, практика, анализ результатов, ошибок. Ведь работа – не праздник.

Учёные Ульяновской опытной сельскохозяйственной станции никогда не гнушались самой чёрной работы. Директор ООО «Хлебороб» К.Б. Идиатуллов в книге «Сын земли» приводит такой пример из истории совхоза «Никулинский». В те годы Немцев со своей командой помогал ему внедрять

посевы яровой пшеницы. «Приходилось звонить Николаю Сергеевичу, просить совета, а порой и конкретную помощь. В таких случаях он мне говорил по телефону: «Я к тебе, Кямель Бурганович, подошло своих учёных, они разберутся на месте и подскажут, как действовать дальше». Действительно, приезжал к нам в хозяйство Виталий Архипович Потушанский. Его ценные советы я помню до сих пор. Потому что они дали нам ожидаемый результат...»

Удивительно, учёные Ульяновской сельскохозяйственной опытной станции никогда не боялись ходить по полям пешком. Приходилось иногда шагать столько, что уже ноги подкашивались, а учёные мужи чувствовали себя прекрасно. У них на ногах были кирзовые или резиновые сапоги. Про себя я порой думал: «Вот тебе кабинетные работники! За ними не угонишься!». Потом пешком добирались до уазика, оставленного на краю поля.

Мне по душе были эти люди, которые хотели и умели работать настоящему. Я догадывался: руководитель опытной станции Н.С. Немцев умеет подбирать себе кадры. Его почерк работы был виден и в его коллегах».

Полезным советом, консультациями Николай Сергеевич помогал людям всю свою жизнь. И если человек был склонен к труду на земле, понимал суть процесса, то у него всё получалось, культура приносила хороший урожай. А если нет... происходили и анекдотические случаи.

Полковник запаса ФСБ России Владимир Фёдорович Григорьев, уроженец посёлка Тимирязевский, как-то в годы перестройки познакомил Николая Сергеевича со своими коллегами – офицерами, и Немцев предложил выделить им землю для посадки картофеля. Он сказал, что весной картошку посадят с помощью специальной машины, а осенью выкопают картофелекопалкой. «Лётчики поняли всё буквально: весной наблюдали за посадкой картофеля, а осенью приехали выкапывать урожай. О ужас! На участке в 10 соток рос один бурьян! Конечно, между посадкой семян и сбором урожая нужно было проводить прополку, – смеётся Владимир Фёдорович. – Но у каждого – своя стихия. У Николая – это была земля, которая рада дать человеку всё, что может она взрастить, если он даст ей труд, умение, терпение и уважение».

Тридцать три года бесценно руководил Николай Сергеевич крупным коллективом Ульяновского НИИСХ. За это время авторитет ульяновской

сельскохозяйственной науки значительно вырос. Академики РАСХН со всей страны стали привычными гостями нашего края. Ведь решения, найденные учёными института, актуальны для многих регионов страны. Николай Сергеевич Немцев, несмотря на сверхзанятость, значительно продвинул аграрную науку. Разработанная им дифференцированная система обработки почвы и по сей день актуальна для лесостепных зон Поволжья. Она обеспечивает большую продуктивность при меньших затратах средств и является наиболее безопасной для экологии, так как предполагает использование естественных законов природы и учитывает принципы функционирования экосистем и агроландшафтов. Написанные им научные работы, а их более 200, широко используются специалистами. Николай Немцев воспитал себе достойную научную смену: под его руководством защитились три доктора и пять кандидатов сельскохозяйственных наук. Его сын, доктор с/х наук Сергей Николаевич Немцев сейчас возглавляет Ульяновский НИИСХ и является достойным преемником своего отца.

В настоящее время система земледела на ландшафтной основе, разработанная в Ульяновском НИИ, внедрена в семи хозяйствах Ульяновской области, на очереди ещё 25 хозяйств. Следовательно, урожайность зерновых культур там повысится в среднем на треть. Жизнь академик Немцев прожил достойно. Он всегда честно смотрел в глаза людям, и ни один человек не может сказать о нём ничего плохого. А что касается его личных качеств, то самым лирическим в книге мне показались слова ректора Ульяновского технического университета Александра Дмитриевича Горбоконеко, который сравнил свою дружбу с Николаем Немцевым с... родником: «Представьте себе жаркий солнечный день, вас томит жажда. И вдруг вы слышите журчание воды и через несколько шагов натываетесь на бьющий из-под земли родник. Наклоняетесь к нему, набираете в ладони ледяную воду и с удовольствием её пьёте. Утолив жажду, легко шагаете дальше. И дорога уже кажется вам лёгкой, чувствуете, что можете шагать без конца».

Земля ульяновская, богатая родниками, порой дарит нам таких талантливых самородков, как Николай Сергеевич Немцев, и хочется, чтобы таких людей, после общения с которыми возникали такие чувства, было у нас как можно больше.

Вероника Михайлова



История о музее и его исчезнувшем заведующем



10 декабря 2013 года Дом-музей В.И. Ленина в Ульяновске отметил своё 90-летие. К этой дате музей преобразился после большого ремонта, и снова сюда потянулись экскурсанты, пытающиеся понять тайну личности вождя пролетариата.

У музея непростая история. Долгое время с датой основания была «странная» путаница: до 1977 года в путеводителях по городу указывалось: дата основания Дома-музея Ленина – 1929 год. Потом появилась точная дата: 1923 год, но совершенно необоснованно умалчивалось, что в течение последующих пяти лет в здании существовал предшественник Дома-музея В.И. Ленина – историко-революционный музей.





В научной библиотеке Ленинского мемориала хранится альбом первой половины XX века. На первой странице заголовок: «Дом-музей В.И. Ленина», а далее следует вырезка из городской газеты «Пролетарский путь» – статья Александра Тайнова «К открытию Дома-музея В.И. Ленина», написанная в феврале 1929 года. Из неё следует, что в доме, где в 1878–1887 годах проживала семья Ульяновых, с 1923-го по 1928 год существовал музей, документальная экспозиция которого рассказывала об истории освободительно-революционного движения в нашем крае и жизни семьи Ульяновых в Симбирске. Никаких других сведений об этом музее и его заведующем в статье не указывалось.

В 1928 году Ульяновск готовился к открытию мемориальной экспозиции, отражающей быт семьи Ульяновых. Помощь в её подготовке оказали Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы.

Общественно-политическая обстановка в стране к концу 1920-х годов была сложной. В газетах, на собраниях клеймили позором оппортунистов, уклонистов и прочую оппозицию, извращавшую линию партии. Главными противниками называли Троцкого, Зиновьева и Бухарина. В число уклонистов попал и ряд руководителей Симбирской партийной организации, историков, журналистов и деятелей культуры. А к 1937 году начались массовые аресты. С этого времени всякие упоминания о некогда существующем с начала 1920-х годов музее в доме Ульяновых и его заведующим Владимире Алексееве исчезли. Многочисленные публикации руководителя губернского музея были отправлены в спецхран. К счастью, сам он об этом не знал, так как с 1928 года по предложению бывших руководителей губкома Ульяновска переехал в город Воронеж, где друзья предложили ему перспективную работу.

После того как бывшего секретаря Симбирского губкома И. Варейкиса и его команду перевели в Сталинград, Владимир Алексеев отправился туда и стал работать там заведующим истпарта (комиссия по сбору и изданию документов по истории революции и партии). Одновременно он занимал должность руководителя издательства общественно-политической литературы и заведующего музеем «Оборона Царицына-Сталинграда».

Главную роль в этой экспозиции играла, разумеется, роль Сталина, благодаря которому, как тогда считалось, город устоял против белоказаков Краснова в годы Гражданской войны.



Как и по всем губернским центрам, в Сталинграде по разнарядке из Москвы начались массовые аресты. Попали в застенки многие руководители. Заведено было дело и на Владимира Николаевича Алексеева, бывшего заведующего музеем на родине Ленина. В его досье хранился строгий выговор, полученный им в период деятельности в качестве журналиста газеты «Пролетарский путь». Ранее в статье Алексеева случилась опечатка в фамилии секретаря губкома партии Попова и была допущена неточность в изложении его выступления. Но решающим фактором стало письмо, присланное в Сталинград из Ульяновска от бывшего коллеги по истпарту, с которым обвиняемый работал бок о бок не менее пяти лет: «Сообщаю, что член вашей партийной организации В. Алексеев в 1923–1924 годах был участником антипартийной троцкистской организации в Ульяновске и поддерживал активные связи с бывшими троцкистами: председателем губисполкома Тепловым, редактором губернской газеты Азархом, Ксенофонтовым, А. Швером, Г. Каучукоским». Бывшему директору музея Ленина грозила статья 58.

В Центре документации новейшей истории в делах Симбирского истпарта хранятся анкетные данные директора первого музея на улице Московской, открытого в 1923 году: «Владимир Николаевич Алексеев, член РКП(б)

с 1919 года, членский билет 129230. Родился в 1899 году». В анкете Владимир Николаевич сообщает: «Отца не знаю, детство провёл в семье матери, с 10 лет учился в реальном училище, а после смерти родителей матери из-за недостатка средств пришлось бросить учёбу, так как мать жила всего лишь на пенсию своего отца. С 1914 года готовился экстерном к сдаче экзаменов в гимназию, а после 1918 года учился в пединституте, а затем политехникуме. С 1919 года начал работать в газетах. С августа работал в губкоме партии. В декабре вступил в партию, в 1920–1922 годах занимал должности в советских и партийных учреждениях. На фронт Гражданской войны не был демобилизован в связи со слабым здоровьем».

Работа по организации музея началась ещё при жизни Ленина.

28 февраля 1923 года отдел агитпропа Симбирского губкома РКП(б) принял постановление «О создании музея по истории партии». Этот документ сохранился в Центре документации новейшей истории. Решение совещания сотрудников истпарта было принято на основе докладной записки В.Н. Алексеева, который обосновал необходимость создания музея по истории революционного и освободительного движения и Ленинской экспозиции в бывшем доме Ульяновых.

В постановлении было записано: «Музей устроить в доме на Московской улице, где родился (так считали в то время. – В.Р.) тов. Ленин. Предложить президиуму губисполкома вопрос о национализации этого дома. Организацию поручить товарищу Алексееву. Отпустить средства Агитпропа 200 рублей на орграсходы».

В 1933 году в Сталинграде Владимир Николаевич в очередной раз заполнил учётный листок отдела кадров: «Образование незаконченное высшее, имею публикации и научные труды. С 1919 по 1920 год работал в редакции симбирской газеты «Заря». Одновременно работал в губернском отделе Роста, завотделом, затем ответственным редактором в газете, печатался в партийном еженедельнике, был членом ОСОАВИАХИМа, избирался в члены городского совета, печатал стихи, был завотделом газеты «Пролетарский путь». С 1923 года по рекомендации симбирского истпарта стал заведующим музеем в Доме Ленина, в котором работал с 1924 по 1928 год».

В начале декабря 1923 года в газете «Заря» появилось объявление о том, что в Симбирске открывается новый музей истпарта, а 10 декабря на доме по улице Московской, где раньше жили Ульяновы, было вывешено объявление «Музей им. В.И. Ленина (истпарт)». Симбиряне вскоре нарекли его попросту: Дом Ильича.

Всё для жителей губернского центра было здесь ново и необычно. На тумбах, на стеклянных витринах – прокламации, листовки, фотоснимки бывших государственных преступников, пострадавших от царского режима. На одной из стен – кандалы. В экспозиции имелись рисунки симбирских художников: Воробьёва, Грошева, Архангельского, Пластова. На большом полотне предводитель большевиков Михаил Гимов провозглашает советскую власть в здании уездного земского собрания. Все замирали перед живописным полотном, изображающим убийство мятежника Муравьёва в здании бывшего кадетского корпуса. Посетителей встречал большой, во всю стену, портрет председателя совнаркома, советского премьера В.И. Ленина. Внизу в витрине можно было увидеть полицейское дело на государственного преступника Владимира Ульянова из жандармского управления, его фотографии в фас и профиль, перечень его примет. Интерес гостей музея вызывали фотоснимки семьи Ульяновых и характеристика, выданная Ф. Керенским В. Ульянову после окончания гимназии. В отдельном альбоме были собраны воспоминания родных, старожилов Симбирска о семье Ульяновых, документы о событиях революции 1905–1907 годов в губернском центре, о Февральской и Октябрьской революциях.

...Первый тревожный звонок для заведующего Сталинским музеем случился 17 июля 1937 года. Руководители книгоиздательства и музея проработали его на партсобрании за то, что он засорил свой аппарат троцкистами и не принимает мер к их увольнению. Затем последовало внушение за публикацию статьи Каучуковского «Киров и Астраханский фронт», где не была обозначена роль товарища Сталина, и за статью «Восстание главкома Муравьёва», в которой В.Н. Алексеев преувеличил роль Швера, Тухачевского и Гая, к тому времени уже сидевших в застенках НКВД.

9 октября 1937 года Алексеева, ранее исключённого из рядов партии, сняли с работы как врага народа.

В ходе следствия бывший заведующий истпартовским симбирским музеем не признал себя виновным в причастности к троцкистской организации. На очных ставках со Швером и Каучуковским он отрицал их показания, которые наверняка были получены от них под давлением.

15 января 1938 года приговор выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР признал В.Н. Алексеева виновным в преступлениях по статьям 58-7, 58-11 УК РСФСР и приговорил его к высшей мере наказания.



Фоторепродукция Владимира Никитина

В.Н. Алексеев – первый директор историко-революционного музея им. В.И. Ленина

Констатировалось, что В.Н. Алексеев в 1931 году был завербован в анти-советскую троцкистско-бухаринскую террористическую и вредительскую организацию, а в 1935 году вошёл в аналогичную организацию в Сталинграде. В конце января приговор над создателем одного из первых ленинских музеев в стране и руководителем музея Сталина был приведён в исполнение.

Минуло 20 лет с того момента, когда оборвалась жизнь первого заведующего музеем на Московской. В 1956–1957 годах многие из сгинувших в лагерях ГУЛАГа из числа ульяновцев были реабилитированы. Но фамилии В.Н. Алексеева в списке попавших под репрессии ведомства Ягоды и Ежова не было. И только в 1977 году, спустя двадцать лет после осуждения культа личности и террора на XX съезде КПСС, была восстановлена историческая истина. Заслуга эта принадлежит уже ушедшему из жизни научному

сотруднику музея, бывшему редактору «Ульяновской правды» К.П. Гайдашенко. В этом году в издательстве «Ульяновская правда» под его редакцией вышла книга «К истории создания Дома-музея В.И. Ленина». Вторая глава этой небольшой книжечки была посвящена деятельности по созданию музея, возглавляемого Алексеевым. И тогда на свет Божий появился целый ряд важных исторических публикаций: «Семья Ульяновых в Симбирске», «1905 год в Симбирске», путеводители «Весь Ульяновск и Сызрань», «Наш город» и многие другие. С 1977 года история забытого после 1937 года историко-революционного музея им. В.И. Ленина заняла своё место в истории родного края.

А тот местный историк и краевед, сотрудник партийного аппарата, что написал в Сталинград о Владимире Алексееве как замаскированном враге народа, продолжал жить и работать в нашем городе. На партийных собраниях вместе с другими он осуждал и культ личности, и массовые репрессии, давал в областные газеты статьи по истории родного края, в которых отмечал роль тех, кто устанавливал и укреплял советскую власть в Симбирске: Варейкиса, Швера, Каучуковского, Гая, Тухачевского – все они погибли в годы репрессий. И преподаватели исторического факультета педагогического института рекомендовали своим студентам использовать его ценные публикации по краеведению в своих курсовых и дипломных работах.

Ещё далеко не всё знаем мы о деятельности Владимира Николаевича Алексеева. К сожалению, его имя не упомянуто даже в Ульяновской-Симбирской энциклопедии, хотя при жизни он общался со многими видными политическими деятелями: с Каменевым, заведующим институтом-музеем Ленина, и с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой. Возглавляемый Алексеевым музей с 1928 года стал вторым по значимости историко-революционным музеем после минского – по богатству документальных материалов политической России и ленинским материалам. Заведующего музеем очень ценили и погубившие коллеги Варейкис, Швер и другие симбирские руководители.

Хотелось бы пожелать молодым исследователям продолжить работу над историей этого музея – в ней ещё осталось немало белых пятен.

Владимир Радаев
Фото Павла Шалагина



Как на Волге встречали первые пароходы

Река Волга, с тех пор как на её берегах стали жить люди, была основной воднотранспортной артерией. По мере развития технического прогресса виды судов, бороздящих самую длинную и многоводную артерию Европы, менялись. Наш постоянный автор Юрий Осипов исследовал тот период, когда в неторопливую, размеренную и тяжёлую жизнь волжских бурлаков вторглись пароходы, и обнаружил, что появление машин, дышащих паром, основная масса волжского населения не просто не приняла, а встретила крайне враждебно.

Первый пароход «О-ва по Волге»



Чудо техники пришло из Северной столицы

Первое судно с паровой машиной было построено в России в 1815 году на чугунно-меднолитейном заводе в Петербурге. Выходец из Шотландии Карл Берд «поставил небольшую балансирующую машину Уатта в 4 силы на простую тихвинку (большая грузовая лодка) и стал разезжать на ней по Неве к немалому удивлению петербургской публики, собирающейся толпами смотреть на новое «судно с печкой».

Судно было действительно чудное: с двумя большими колёсами, поднимавшимися выше палубы, и трубой, сложенной из кирпича, «как при заводских печах»...

3 ноября того же года Берд испытал новинку плаванием до Кронштадта и обратно. На борту была специально приглашённая публика. Рейс в один конец продолжался 5 часов 20 минут, в то время как «военные пассажботы» совершали его дольше суток!

С подачи адмирала Рикорда, сделавшего описание этого плавания в журнале «Сын Отечества» № 46 за 1815 год, стимбот (от англ. Steam –

пар и Boat – судно, лодка) Берда был назван пароходом. В следующем году шотландец на более совершенном и более мощном (16 сил) пароходе «Екатерина» стал успешно перевозить пассажиров между Петербургом и Кронштадтом. Это послужило основанием для выдачи ему в июне 1817 года привилегии с правом заводить пароходства на всех реках и морях России.

Благодаря стараниям Карла Берда в 1820 году впервые по реке Волге между ярмарочным Нижним Новгородом и Астраханью стало ходить буксирное судно-пароход, оборудованное двумя паровыми машинами по 30 сил и названное «Волга». Этот пароход, как и два других по 16 сил, были построены

на верфях г. Молога (в настоящее время город – на дне Рыбинского водохранилища).

Пароходы – для отважных и рискованных

В свой первый испытательный рейс «Волга» отчалила от берега с одним машинистом. Им был крепостной ярославского помещика Д.П. Евреинова Николай Иванов. Никто из публики, собравшейся на берегу, не решился взойти на невиданное до сих пор судно.

Первые пароходы были деревянными и очень тяжёлыми, поэтому имели большую осадку и часто садились на мель. Груза могли взять мало, так как под завязку были загружены топливом для паровых котлов – дровами. По пути пополнить запасы дров было просто негде – ни пристаней, ни дровяных складов. Вследствие малой мощности машины передвигались очень медленно. Например, от Астрахани до Нижнего такое судно без груза доходило за месяц. Наконец, из-за отсутствия опытных механиков при каждой поломке машины приходилось «выписывать» мастеров для ремонта из Петербурга...





«Царь» – первый пассажирский пароход «О-ва по Волге»

Вскоре Карл Берд разочаровался в своём пароходном предприятии на Волге и в 1822 году все свои права на устройство пароходов на Волге и Каме продал своему компаньону Д.П. Евреинову. Но и у энергичного и настойчивого Дмитрия Петровича работа не ладилась. Причиной тому были как несовершенные устройства первых пароходов, так и открытое неприятие нового вида транспорта...

Тёмный и жуткий страх крестьян, населяющих прибрежные сёла (в том числе и Симбирской губернии), перед непонятным явлением и необъяснимой силой, двигавшей судами, которую невежественные люди считали «нечистой», отталкивали их от технического новшества. Издалека завидев «чёртову расшиву», как окрестил простой народ первые пароходы, люди разбегались с улиц и прятались во дворах, изредка выглядывая украдкой в щели стен и заборов, читая молитвы и отплёвываясь от «нечистой силы». Известны случаи, когда даже в крупных сёлах служили молебны о том, чтобы бог погубил «большого чёрта», плавающего по Волге, и очистил бы оскверняемую им воду реки. Для этого выходили на берег Волги с образами и «святости» речную воду...

Само собой разумеется, что пользоваться «чёртовой расшивой» для перевозки грузов это население не могло, считая, что «грешно возить товар на этой дьявольской посудине с печкой»...

Впрочем, даже многие интеллигентные люди, немного понимавшие в устройстве пароходов, высказывались также против их появления, считая такой вид транспорта «барской затеей» и «указывая на большое потребление ими дров, пугание рыбы в реке и отнятие заработка у бурлаков»...

В 1824 году пароходство между Рыбинском и Нижним Новгородом было прекращено Евреиновым из-за обмеления Волги и недостатка средств. А вскоре он и совершенно разорился. Таков

был печальный конец первой попытки эксплуатации пароходов на Волге...

«Волга» празднует успех

Неудача Евреинова на целых 20 лет отбила охоту заниматься пароходным делом на Волге. Однако не у всех. Нашлись и смельчаки. Так, например, пароход «Сокол» полковника Соколовского, построенный «вполне удовлетворительно по американским чертежам», в 1843 году «доставил с Нижнего в Астрахань 96 пассажиров, сделав рейс в 10 дней». Этот факт, а также факт путешествия императора Николая I из Нижнего Новгорода в Казань в 1836 году на пароходе астраханского купца поменяли отношение к новому виду транспорта.

В то же самое время название «пароход» вошло во всеобщее употребление и твёрдо закрепилось за судами такого типа.

И вот состоялась новая попытка «приручить население к пароходам». В 1843 году по инициативе двух состоятельных купцов М.П. Кириллова и Д.М. Полежаева, а также «иностранным гостя» Д.И. Кейли было создано Пароходное общество «по Волге» «для облегчения и ускорения торгового по Волге судоходства, посредством пароходного буксирования», как гласил пункт 1 Устава общества.

Однако и это вновь созданное общество не встретило широкого сочувствия и доверия среди коммерческих кругов. Как бы то ни было, но весной 1846 года, заказанный за границей пароход был доставлен в разобранном виде на Волгу и 15 мая «вышел на работу». Ему дали название, как и первому еврейновскому пароходу, «Волга». Это было довольно несуразное плоскодонное судно с железным корпусом, впалой серединой, на которой размещалась горизонтально громоздкая уродливая паровая машина мощностью 250 номинальных сил. Она работала с таким

сильным шумом, что его было слышно за несколько вёрст. Ни кают, ни рубок на пароходе не было, а рулевое колесо находилось прямо на палубе. Скорость хода «Волги» с полным грузом (до 300 тыс. пудов) против течения была от 4 до 5 вёрст в час, порожняком же – до 20 вёрст в час.

Несмотря на свою некрасивую внешность, пароход начал работать очень удачно. В первый же рейс он доставил из Самары в Рыбинск 130 тысяч пудов пшеницы ровно за 3 недели, из коих чистого хода, не считая остановок, было только 13 дней. Кроме того, «низовой» караван в пути был застигнут бурей, разбившей и потопившей множество судов. «Волга» же сохранила свой воз, быстро укрыв его в безопасное место. Этот случай произвёл сильное впечатление на волгарей. Когда же пароход сделал за навигацию ещё два удачных рейса, то недоверчивое отношение к пароходу в коммерческих кругах в корне изменилось. Немало этому способствовало и то обстоятельство, что «Волга» за свою работу удостоилась похвального отзыва в приказе главного управляющего путями сообщения графа П.А. Клейнмихеля, что по тем временам было событием чрезвычайным.

Навигация следующего 1847 года прошла с ещё большим успехом. «Волга» перевезла за лето 493 000 пудов, а «акционеры получили первый дивиденд, составивший 7% на складочный капитал». В результате этого «интерес и сочувствие к пароходам в коммерческих кругах быстро возростали».

Бурлаки против

Простое население продолжало смотреть на пароходы как на обиталище нечистой силы, «знамение Антихриста», пришедшего погубить человечество. Настроение масс оставалось в сущности таким же отрицательным, как и раньше. Но теперь «толпы народа уже сами шли на берега реки смотреть на небывалое чудо, как «враг человеческого рода» плавают по Волге и водит грузовые суда».

Современник так описывает это новое настроение народных масс: «Постоянные демонстрации, производимые толпой пароходу «Волга», происходили повсюду целыми днями, месяцами и даже навигациями. Бесперывное движение такого рода по всей Волге напоминало собой не то пришествие мессии, не то нашествие Мамайя, когда-то разгромившего Россию... Интерес этих всех приволжских



жителей, созерцавших первый пароход на Волге, так был велик сам по себе, что они съезжались сюда за десятки и сотни вёрст из городов, сёл и деревень и целыми днями, неделями и даже более проживали в прибрежных сёлах и городах реки, ожидая прибытия парохода к данному пункту... От этих зевак далеко по стране разносились страшные рассказы об удивительной «посудине с печкой», двигающейся при помощи чёрта, который сидит «в нутре» посудыны и вертит большими, странными по своему виду колёсами, с силой хлопающими по воде лопастями. С некоторым изумлением при этом отмечалось, что чёрт, должно быть, тоже устаёт, так как «дышит очень сильно – не по-людски, да и не по-воловы, а как-то по-своему, больно громко и через трубу».

Всякие народные бедствия: засуха, падеж скота, эпидемические заболевания – народной молвой тогда увязывались с появлением на Волге пароходов. От боязни и удивления настроение людей переходило к открытой ненависти, подогреваемой бурлаками, лишаящими средств к существованию...

Кстати, в годы, предшествующие появлению пароходов, на Волге и её притоках было занято около 600 тысяч бурлаков ежегодно.



В связи с этим пошли в народе иные толки, что за грехи людей появился на Волге «огненный бес, по воде плавающий, причиняющий людям много зла, бед, напастей и насылающий на них мор, язву и голод». Озлобленные толпы, собиравшиеся по берегам, порой переходили к активным действиям: в пароход летели палки и камни. Поэтому властям приходилось прибегать к полицейской охране и не допускать «праздный народ близко к пристаням».

Пароходы не только для грузов

Несмотря на всякие недоброжелательные проявления к новшеству, «О-во по Волге» не теряло своей бодрости и энергии. Так, весной 1848 года на Волгу прибыли заказанные пароходы,

построенные по типу «Волги», но значительно более мощные – каждый по 460 номинальных сил: «Геркулес» и «Самсон».

Помимо грузовых перевозок обществом была организована также и перевозка пассажиров, для чего были приспособлены две баржи. На этих баржах, кроме временных навесов для защиты от непогоды да куба с горячей водой, для удобства пассажиров ничего не находилось...

В качестве капитанов и механиков пароходов первоначально выступали иностранцы, что было «крайне неудобно для дела», так как по ироническому отзыву современников, «по-русски правильно только ругаться умели». Неудачным оказалось и приглашение в качестве капитанов морских офицеров, так как они не были знакомы с условиями волжского плавания. Только много позднее, когда была основательно подорвана «бурлацкая тяга», на пароходы пришли волгари, и тогда на Волге утвердился местный тип судоводителей и судоводителей. «О-во по Волге» на деле доказало преимущество и выгоду пароходного дела, в результате чего пароходство на Волге стало довольно быстро развиваться.

Так, организованное в 1850 году общество «Меркурий» стало перевозить пассажиров не только на баржах, но и на пароходах. Появившееся через три года общество «Самолёт» пошло ещё дальше. С 1854 года оно стало «перевозить пассажиров и мелкие грузы» на трёх пароходах, каждый из которых мог поместить по 200 человек одновременно. Однако удобств для них на борту почти не было. Тогда «высочайшим утверждением» пароходным обществам было предписано «представлять пассажирам всех всевозможных удобств», в том числе и «хорошие харчи по дешёвой цене».

Первый маршрут по перевозке пассажиров от Нижнего Новгорода до Рыбинска общество «Самолёт» организовало в 1857 году до Казани, через год – до Перми, а в 1859 году до Симбирска. Не дремало и «О-во по Волге». Получив в 1859 году заказанные в Англии специальные пассажирские пароходы «Царь» и «Царица», оно открыло пассажирскую линию «Казань–Астрахань». Эти пароходы «были с небывалыми ещё в России удобствами для пассажиров, что поражало современников роскошью своих классных помещений».

Зачастую капитаны первых пароходов «изображали из себя важных особ» и с пассажирами не церемонились.

Расписаний рейсов не было. Были случаи, когда «пароход причалит где-нибудь и стоит час, другой, а иногда и целый день – это капитан отправился на охоту или пошёл в гости к знакомому помещику». Однако все эти неудобства и невежливое отношение к путешественникам не мешало ежегодному стабильному росту числа пассажиров.

С 1873 года пароходы стали возить нефть по Волге не в бочках, а прямо в трюмах. Вначале в специальных ящиках (у братьев Артемьевых), а годом позже в железных отсеках (у Л.Э. Нобеля). В 1884 году впервые на Волге обществом «Кавказ и Меркурий» пароходные топки благодаря усилиям механика Ленца были переоборудованы для сжигания нефти, в результате чего затраты на топливо сократились почти вдвое. Вскоре за обществом «Кавказ и Меркурий» последовали и другие пароходства. Но не все! Так, например, владелец пароходов А.А. Зевеке был убеждённым противником нефтяного отопления на судах. Его огромный волжский флот был переведён на нефтепродукты только после смерти владельца...

Каждое пароходное общество на пристанях крупных городов имело свои посадочные причалы-дебаркадеры. Между пароходоладельцами шла борьба за пассажиров, иногда оригинальным способом. Так, например, как рассказывал мне в 1954 году старейший волгарь, чтобы заманить к себе пассажиров, одно из пароходных обществ (название не сохранилось у меня в памяти) «в придачу» к билету каждому пассажиру в Симбирске выдавало французскую (городскую) булку...

Автору этих строк приходилось плавать по Волге в качестве пассажира ещё на колёсных пассажирских пароходах, построенных в позапрошлом веке. В связи с заполнением в 1957 году Куйбышевского водохранилища колёсные пароходы «вышли из употребления» по техническим причинам. Их заменили суда озёрного типа: теплоходы, дизель-электроходы, «омики», «Кометы», «Метеоры» и др.

В 1990-е годы движение по Волге почти прекратилось из-за экономических и политических перемен. Будем жить в ожидании лучшего. Может быть, на смену редким туристическим теплоходам и баржам придут экранопланы, изобретённые ещё советским конструктором Ростиславом Алексеевым и удивившие весь мир?

Юрий Осипов



«Приют ИСТИННОГО УДОВОЛЬСТВИЯ»

Винновская роша. Родник «Сахарный»

В Ульяновской области нет природно-исторического памятника, сравнимого по значимости с Особо охраняемой природной территорией «Винновская роша», которая примечательна не только очаровательным ландшафтом, реликтовыми дубами, редкими растениями и животными, но и историческими событиями, происходившими в её границах. Винновскую рошу посещали практически все известные симбиряне: «Там наши Карамзин и Дмитриев в юности своей любили приветствовать весну и почерпали первые вдохновения из чистейшего источника Природы, и там лучшее общество находило всегда радушие хозяев, приют истинного удовольствия», и великий русский писатель И.А. Гончаров, и основатель первого в мире социалистического государства В.И. Ульянов-Ленин.

Благодаря мало употребляемому в настоящее время названию Винновской роши – Киндяковская роша (по фамилии дворян Киндяковых, владевших рошей более 200 лет) получила своё неофициальное наименование южная часть Железнодорожного района Ульяновска – Киндяковка. С полным правом Винновскую рошу можно считать историческим сердцем Железнодорожного района.

Винновская роша расположена в южной части Железнодорожного района на восточном склоне водораздельной гряды, разделяющей две реки – Свягу и Волгу в самой узкой её части. Общая территория Винновской роши составляет 165 га, непосредственно под лесом – 85 га. Северная, южная и западная границы роши примыкают к городу, а восточная – к Ульяновскому плёсу Куйбышевского водохранилища.

Всего полтора километра разделяют реки Волгу и Свягу в районе Винновской роши. Учитывая среднюю

скорость смещения р. Волги, примерно через 30 тысяч лет произойдёт полное слияние этих рек, результатом чего будет образование 60-метрового водопада.

Коренными древесными породами для Винновской роши являются дуб черешчатый, липа сердцевидная, клён платановидный и по окраинам – берёза повислая. Именно на территории роши находятся самые древние живые организмы на территории города – это дубы черешчатые. Вероятно, некоторые из них могут быть почти ровесниками Симбирска.

Винновская роша богата подземными водами, которые выходят на поверхность в многочисленных оврагах. В лесном массиве оборудовано два родника: «Сахарный», расположенный в так называемом Белом Враге южной части роши, и «Лоточек» – в северной части рядом с заросшим старым мельничным прудом «Банное озеро». Ранее рядом с вышеупомянутым прудом находился ещё один родник – «Лягушачий» (сейчас этот родник не используется). Недалеко от беседки И.А. Гончарова на волжском косогоре в районе заброшенного



Родник «Мокрые Макарки»

Родник «Барский колодец»



рыбзавода есть третий родник – «Барский колодец». По преданию, воду в дом Киндяковых доставляли именно из этого родника, так как он был ближе всего к усадьбе. Исторически сложилось, что у местных жителей большей популярностью пользуется родник «Сахарный». До середины XX века за водой в винновские родники не ходили с ведрами на коромысле, а ездили на лошадях с бочкой.

В давние времена в Крещенскую ночь к роднику «Лоточек» приходили винновские жители. Они ставили икону рядом с родником, зажигали свечи, пели и читали молитвы, умывались и купались в родниковой воде, многие люди исцелялись от болезней. Когда в городе Симбирске буйствовали эпидемии, только вода в роднике «Лоточек» считалась безопасной и полезной для здоровья.

Выше по тропе от родника «Лоточек» в оползневом цирке находится выход родниковых вод, именуемый «Мокрые Макарки». Существовало поверье, что вода из него опасна для жизни и здоровья, так как послана злыми духами – «нечистями» рощи.

Происхождение топонима «Винновская роща», очевидно, связано с ныне неупотребляемым названием родника «Винный ключ», так в «Описании и алфавите к атласу Симбирской губернии» указано: «Сельцо оное поселение имеет при ключе винном, на котором винокуренный завод на 3 куба, мукомольная мельница...». Можно предположить, что,

в свою очередь, «Винный ключ» получил название от принятого в народе сравнения хорошей по вкусу воды со вкусом наиболее изысканного по тем временам продукта, например, вина или сахара, что подтверждает название родника «Сахарный». Кроме того, существует вероятность, что название происходит не от вина, а от этимологически родственного слова – вить (или ветвь), то есть вьющийся, разветвлённый ключ.

Ульяновский краевед А.Н. Блохинцев связывал происхождение топонима «Винновка» с винокуренным заводом, расположенным в Винном овраге, где, вероятно, и находился вышеупомянутый «Винный ключ».

По версии, распространённой среди коренных жителей Винновки, своё название деревня и расположенная рядом роща получили из-за того, что её первыми обитателями были «виновные люди», то есть ссыльные за различные правонарушения из западных регионов

России. В подтверждение приводятся винновские фамилии: Мурские – сосланы из Мурома, а Волынские – из Волыни.

Территория Винновской рощи – свидетель многих исторических событий, начиная с эпохи появления первых людей и по настоящее время.

Осознание уникальности и ценности Винновской рощи – памятника природы, истории и культуры – даёт возможность ощутить чувство гордости и восхищения своей родиной.

Винновская роща, несомненно, является одним из наиболее ценных памятников природы, истории и культуры Ульяновской области, её можно поставить в один ряд с такими общероссийскими природно-историческими памятниками, как Красная Поляна, Болдино, Тарханы и другими. Тем не менее в настоящее время Винновская роща нуждается в защите: не остановлен самозахват территории рядом расположенным частным сектором; периодически возникают идеи официально сократить территорию рощи или построить в ней отели и спортивные сооружения; остаётся до конца не решённым и вопрос о ликвидации загрязнения нефтепродуктами водоносных горизонтов в центральной части лесного массива. Проблем у Винновской рощи много, и решать их необходимо безотлагательно.

Дмитрий Семенов,

методист по эколого-краеведческому образованию ЦДТ № 6

Родник «Лоточек»



Троицкий Сунгур, его прошлое и настоящее

В настоящее время заметно повысился интерес людей к своим корням, к православным традициям, и стал актуальным вопрос о воспитании подрастающего поколения по христианским заповедям. В четвёртом классе Троицко-Сунгурской школы Новоспасского района Ульяновской области ввели новый предмет «Основы православной культуры и светской этики». Когда мы с детьми проходили тему «Икона», ребята рассказали, что у многих дома на киоте есть старые иконы. Оказалось, что это иконы из старого храма, который стоял в селе Троицкий Сунгур и был разрушен перед войной. Тогда мы с ребятами решили узнать историю нашего Троицкого храма.



Храм 1771 года

Селу Троицкий Сунгур Новоспасского района более трёхсот лет. Первоначально была возведена крепость, которую нарекли Сунгур то ли в честь её основателя стрелецкого головы Сунгура Соковкина, то ли потому, что расположена она была в низине, среди лесов («сунгур» переводится как яма). Здесь поселились отставные солдаты (землю даровал им Пётр I), поселение получило название Солдатский Сунгур. Через него проходила большая грунтовая дорога, связывающая Кузнецк и Уральск. Это был торговый путь, на котором грабители частенько нападали на купцов. Так появилось новое название – Разбойничий Сунгур.

Из документов Ульяновского государственного архива следует: в 1771 году построили маленькую крепкую деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы. «Утвари достаточно... Дом у священника от прихожан, у причетника собственный, на церковной земле». Пройдёт ещё век и на этом месте появится новая деревянная церковь.

Дело Параскевы Онтоновы Фроловой

В архивных документах имеется рапорт священника Алексея Добромыслова в Симбирскую Духовную Консисторию на Параскеву Фролову. История эта и смешная, и грустная. Вот что пишет священник.

«Пять лет проповедовала крестьянская вдова Параскева Онтонова Фролова, что будто по здешним и соседним сёлам, Монастырский Сунгур, укрывается один старец 130-ти лет от мирской суеты. Посвятил себя служению Богу. Старец ей одной известен, и она одна к нему ходит как достойная этого. И проповедовала Фролова такую историю, и только тем людям, которые, по её замечанию, легко могли ей поверить. В течение пяти лет ей верили, подавали в пользу проповедуемого значительные денежные милостыни.



В 1865 году с 20 на 21 апреля случилась история. Фролова начала рассказывать девицам Мелании и Евдокии Савельевым про чудеса старца. И одной из них, страдавшей ломотою в руках и ногах, для большего уверования в святого старца рассказывала одно, по-видимому, чудное видение его. Именно дряхлая девица Евдокия Савельева обещала ей некогда, что если Господь избавит её от болезни, то она непременно купит образ святого Сергея Радонежского Чудотворца. Но прошло довольно много времени, и она всё не купила. Так прозорливый старец прислал к ним Фролову, чтобы напомнить ей, Евдокии, чтобы она безотлагательно исполнила своё обещание... Такое явное напоминание Фроловой об исполнении тайного как бы обещания Евдокию и обеих сестёр крайне удивило. Так что они возымели горячее усердие к старцу попасть.

Они упрашивали Фролову, чтобы сблизиться со старцем. Фролова согласилась на просьбу привести его в село. С 20 на 21 апреля Фролова известила их о том, что будто бы пришёл в село старец. И чтобы они сейчас же шли в избу свата её Дмитрия Данилова Тудакова. Что она сама ушла в село Канасаево, а дети свата спали. И чтобы они без огня были, потому что старец никогда не видит вещественного огня, а только божественный и месячный. Савельева безграмотной считала себя, тёмной, чтобы беседовать со старцем, и ещё и для безопасности пригласила с собой женщину Матрёну Тимофеевну Савичеву, грамотную, и солдатку Екатерину Лукину и пошли в хижину. Через некоторое время они заметили, что к дому подходит согнувшийся человек. К дверям он подошёл с молитвой, и двери открылись, что удивило женщин. Старец зашёл, присел. Женщины стали беседовать с ним, а грамотной Матрёне Тимофеевне не понравились его речи, что он плохо владеет темой. Она предложила зажечь огонь, но старец воспротивился этому, сказав, что дал зарок не видеть всякого света, кроме божественного. Но женщины воспротивились, сказав, чтобы он не лишал их удовольствия видеть его святой лик, и зажгли огонь. Тогда они увидели, что он был одет в крестьянскую женскую одежду. Женщины сорвали шапку с его головы. Старцем оказалась Фролова».

Консистория вынесла решение: местному благочинному вместе с приходским священником и при членах полицейского управления сделать

«тщательные увещания вдове Фроловой о воссоединении с православной церковью и донести об этом со справкою из метрических книг о крещении и бракосочетании Фроловой».

Дела раскольничьи

Известно, что в селе после реформы патриарха Никона жили раскольники и даже сектанты. На них местные священники не раз подавали рапорты в Симбирскую духовную консисторию. Так, в сентябре 1865 года там слушалось дело об уклонении от церкви крестьян Пелагеи Егоровой Мошковой, Филиппа Григорьева Чернева, Алефтины Векховой и их семей. Поводом послужил рапорт священника Троицкого храма села Сунгур Алексея Добросмыслова епископу Симбирскому и Сызранскому. В рапорте говорилось, что эти крестьяне со своими детьми объявили себя раскольниками поморской секты, хотя сами крещены и венчаны были в православной церкви, а в течение последних десяти лет постоянно бывали на исповеди и причащались.

В решении Симбирской духовной консистории сказано: «Предписать местному Благочинному вместе с приходскими тщательнейшее увещание крестьян, уклоняющихся в раскол, донести со справкою в метрических книгах и о крещении их, и бракосочетании в православной церкви, и их исповеди».

А вот «Дело Андрея Архипова Прохорова, Максима Артемьева Прохорова и Степана Тимофеева Бандурина». Оно было рассмотрено 17 марта 1899 года. Здесь говорится о «сборищах» в доме крестьян Андрея и Максима Прохоровых. Вместе с крестьянином из Монастырского Сунгура Степаном Бандуровым они якобы чинили раскол между православными. В протоколе дознания сказано, что полицейский сотник Мерзляков с понятными крестьянами Додоновым и Тудаковым несколько раз приходили в дом к Прохорову, где собирались раскольники, но их туда не пустили, а через некоторое время из дома вышла толпа народа из 15 человек.

Рассмотрев это дело, Симбирская духовная консистория предписала миссионеру-священнику Михаилу Никольскому из села Головино «сделать увещания Андрею и Максиму Прохоровым, а также Степану Бандурову о воссоединении с православной церковью».

В то время под сомнение в распространении раскола попадали очень многие люди, на которых собирали доказательную базу.

Разрушенный храм 1880 года

В 1880 году в селе Сунгур вместо маленькой церквушки прихожане построили большой храм в честь Святой Троицы, и с тех пор село стали называть Троицкий Сунгур.

Церковь была обнесена деревянной оградой, поблизости была устроена деревянная усыпальница. Причт Троицкой церкви состоял из священника и псаломщика, которые получали от казны годовое жалованье в размере 300 и 100 рублей соответственно. Дома у причта были общественные, располагались на церковной земле. Церковная земля состояла из одной десятины усадеб и 66 десятин пахотной и сенокосной.

159 дворов в Троицком Сунгуре представляли православные – это прихожане храма: 449 мужчин и 479 женщин. В селе, кроме того, проживали раскольники, беспоповцы и белопоповцы: 175 мужчин и 201 женщина – в 54 дворах.

Храм этот не сохранился. В 1930-е годы богослужения были прекращены, церковь закрыли. По словам Валентины Дмитриевны Салитовой, нашлись смельчаки-комсомольцы, которые приложили руки к разрушению церкви. Отец Салитовой, Дмитрий Павлович, говорил в ту пору: «Не я её строил – не мне её и ломать». Когда в 1938 году колокольня была снесена, жители растащили храм по брёвнышку на хозяйственные нужды.

Когда-то на территории церкви хоронили священников. Пришло время, и начали строить новый храм. Когда копали землю под его фундамент, нашли останки людей. Их захоронили в одной могиле возле церкви, установили крест.

Жительница Троицкого Сунгура Анна Ефимовна Осипова (ей 91 год, из семьи она осталась одна, т.к. была последним двенадцатым ребёнком) вспоминает, что в детстве часто бегала в храм. Время было трудное, голодное. Дети сладкого не видели, и только по субботам мать давала им по кусочку сахара. В церковь бегали с удовольствием, ждали, когда батюшка даст ложечку сладкой водички после причастия. Молились дети в семье с малых лет перед завтраком, обедом и ужином. Батюшка говорил: «Мы здесь

все гости, погостим и уйдём, получим то, что заслужили». В церковь ходили по праздникам и воскресеньям. На Рождество после службы дети ходили славить – люди давали им по пять копеек. Рождественский тропарь пели в каждом доме. Кто не знал наизусть, тот славить не шёл. Славил только мальчики – девочки сидели дома. На Пасху, наоборот, христосоваться ходили только девочки. На Троицу, в престольный праздник Троицкого Сунгура, люди украшали дома ветками берёзы и клёна, для стола несли всё, что у кого было, ставили самовар, угощали чаем и сахаром. Анна Ефимовна вспоминает, что хоть и жили плохо (носить было нечего), зато праздники справляли дружно и весело: пели песни, танцевали, ходили в гости.

Батюшкой в то время был Чугунов. Приехал он в Сунгур после того, как отсидел в советской тюрьме три года за веру и службу Богу. Детей у батюшки не было, а когда умерла жена, он уехал из села. Службу принял другой батюшка, но ненадолго: церковь закрыли.

Сельчане говорили, что после сноса колокольни иконы были вывезены в подвал сельского клуба, а некоторые просто выброшены. Люди потихоньку забирали иконы и прятали до лучших времён.

Одна из прихожанок новой церкви вспоминает: «В то время мы были комсомольцами, молодыми, глупыми. Нам говорили: выкидывайте иконы, топчите, пойте и танцуйте на них. И мы пели и танцевали». Сейчас женщина живёт в Санкт-Петербурге, с горечью вспоминает о прошлом и часто присылает деньги на нужды храма.

Моленные дома

После войны гонения на церковь поутихли, и в Троицком Сунгуре появились моленные дома. Первый моленный дом был у жительницы села Натальи Лукиничны Мерзляковой. Она была дочерью человека, служившего при церкви в Москве. Получила благословление от батюшки на чтение Евангелия. По воспоминаниям сельчан, это была весёлая, добрая, заботливая женщина. Её поступками всегда двигала горячая любовь к Богу. Анна Ефимовна Осипова вспоминала, что у Натальи Лукиничны не было детей и близких, и когда она узнала, что в соседнем селе Шемурша живёт одинокая женщина, то сходила за ней и привела к себе в дом: так и жили они вместе, ухаживая друг за другом.

Вместе с Мерзляковой в моленном доме служил Гаврила Андреевич Иванов. Он преподавал музыку в школе и очень хорошо пел. Его жена Мария Антоновна работала в школе учителем начальных классов. В моленном доме с Натальей Лукиничной по праздникам Гаврила Андреевич пел молитвы, вёл службы. В великие праздники – на Троицу, Пасху, Рождество – собиралось так много народа, что в моленном доме места не хватало, и люди молились прямо на улице.

После смерти Натальи Лукиничны иконы перешли в дом к Александре Алексеевне Тудаковой – теперь он стал моленным домом. Помощником был Яков Дмитриевич Гурьянов. По воспоминаниям его дочери Евгении Яковлевны Городецкой, отец всегда вёл аскетический образ жизни, много молился, держал посты. Вера преследовалась властью, и многие люди боялись ходить в моленный дом, переставали молиться, прятали иконы. Но Яков Дмитриевич, несмотря на угрозы представителей власти и на уговоры детей и жены, не отказался от веры. В моленном доме вёл вечерние, утренние, праздничные службы, оставаясь зачастую на ночь. Приучал и своих детей молиться. Он ушёл из жизни в 1991 году в возрасте 84 лет.

У Александры Алексеевны не было детей. После её кончины все иконы перешли в дом Зои Григорьевны Сафроновой (Додоновой), ставший, в свою очередь, моленным домом. Жительница села Анна Феокистовна Зайцева (1929 г.р.) вспоминает, что службы проходили каждый день. За венчание, крещение и другие требы деньги не платили. Да и не было у людей денег: каждый отработанный в колхозе день отмечался в журнале палочкой. С продуктами после войны тоже было тяжело: детей много, а кормить нечем.

Строительство нового храма

В 2003 году по просьбам жителей села Троицкий Сунгур и при активной поддержке со стороны предприятий,



входящих в холдинг «Проминвест» (генеральный директор Г.Н. Мясников), началось строительство нового храма.

23 июня 2004 года архиепископ Симбирский и Мелекесский Прокл совершил праздничное освящение храма Святой Троицы. Отслужив литургию, владыка благословил собравшихся и вручил награды участникам строительства. Генеральному директору ЗАО «Проминвест» Григорию Николаевичу Мясникову от имени патриарха Московского и всея Руси Алексия II вручили орден Святого князя Даниила Московского. Наградными были отмечены и многие другие жертвователи и участники строительства храма. Новая прекрасная церковь стала достопримечательностью села и всей округи.

На территории старой церкви стояла когда-то деревянная сторожка. До того, как снесли церковь, в ней в холодное время года крестили детей: сам храм был большой, отапливался печкой, но этого тепла не хватало.

Теперь на месте сторожки построили трапезную, где после службы батюшка, прихожане и помощники могут отобедать. В воскресенье здесь проводятся занятия воскресной школы с детьми. Организатор воскресной школы – Ольга Некрасова, жительница села.

Старые иконы возвращаются в храм

Красуется теперь в селе большая кирпичная церковь. А как же иконы?

Некоторые иконы, сохранённые верующими людьми, были сразу переданы в новую церковь, другие до сих пор стоят в домах сельчан.

У Анны Феокистовны Зайцевой была икона «Три Святителя», которую она передала в моленный дом З.Г. Сафроновой. По воспоминаниям Анны Феокистовны, икону привёз домой её брат Иван Додонов, который работал в колхозе конюхом. Иконы привезли в колхоз на растопку, и он спас одну из них. На ней имеются чёрные следы от огня.

В моленном доме З.Г. Сафроновой было около 23 икон. К сожалению, многие от неправильного хранения утратили лики святых и оказались не пригодны для реставрации. Две иконы были реставрированы на средства прихожан и местных меценатов. Некоторые иконы принесли в новую церковь жители села.



Икону Архистратига Михаила в 2006 году передала жительница Троицкого Сунгура Тамара Петровна Штырёва. Икона была реставрирована. Икону Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в 2009 году передала в церковь Евгения Яковлевна Городецкая.

Особая история у иконы Архангела Гавриила. Отец Василий рассказал, что эту икону в 2004 году после открытия церкви принесли совсем чёрную, на ней не видно было лика, но прошло восемь лет, и икону не узнать – она «поновилась» – посветлела.

Внимание верующих привлекает икона Параскевы Пятницы. Она часто мироточила, источая необыкновенный аромат. До революции с этой иконой люди ходили в село Комаровка на Пятидесятницу (на восьмой неделе после Троицы) на святой родник, где служили службу. Хозяйка иконы бабушка Маруся, 94-х лет, рассказала такую историю.

«Случилось это накануне Введения Богородицы. У меня тогда ещё старик живой был. Лежим мы с ним поздно вечером, на икону смотрим. И вдруг ни с того ни с сего у иконы загорелась лампадка! Сама! И так: то погаснет, то опять сама загорается. Мы встали с ним ночью, плакали, молились. Такое в моей жизни впервые было».

Икона Казанской Божией Матери находится в одной семье села Троицкий Сунгур. Досталась она им от бабушки. Та рассказывала, что ночью,



когда иконы были выброшены из храма, она тайком от всех достала из кучи две иконы и на себе тащила их по полю домой. Дома иконы спрятали до лучших времён.

В другом доме находятся ценные иконы Георгия Победоносца, Владимирской Божией Матери и Николая Чудотворца.

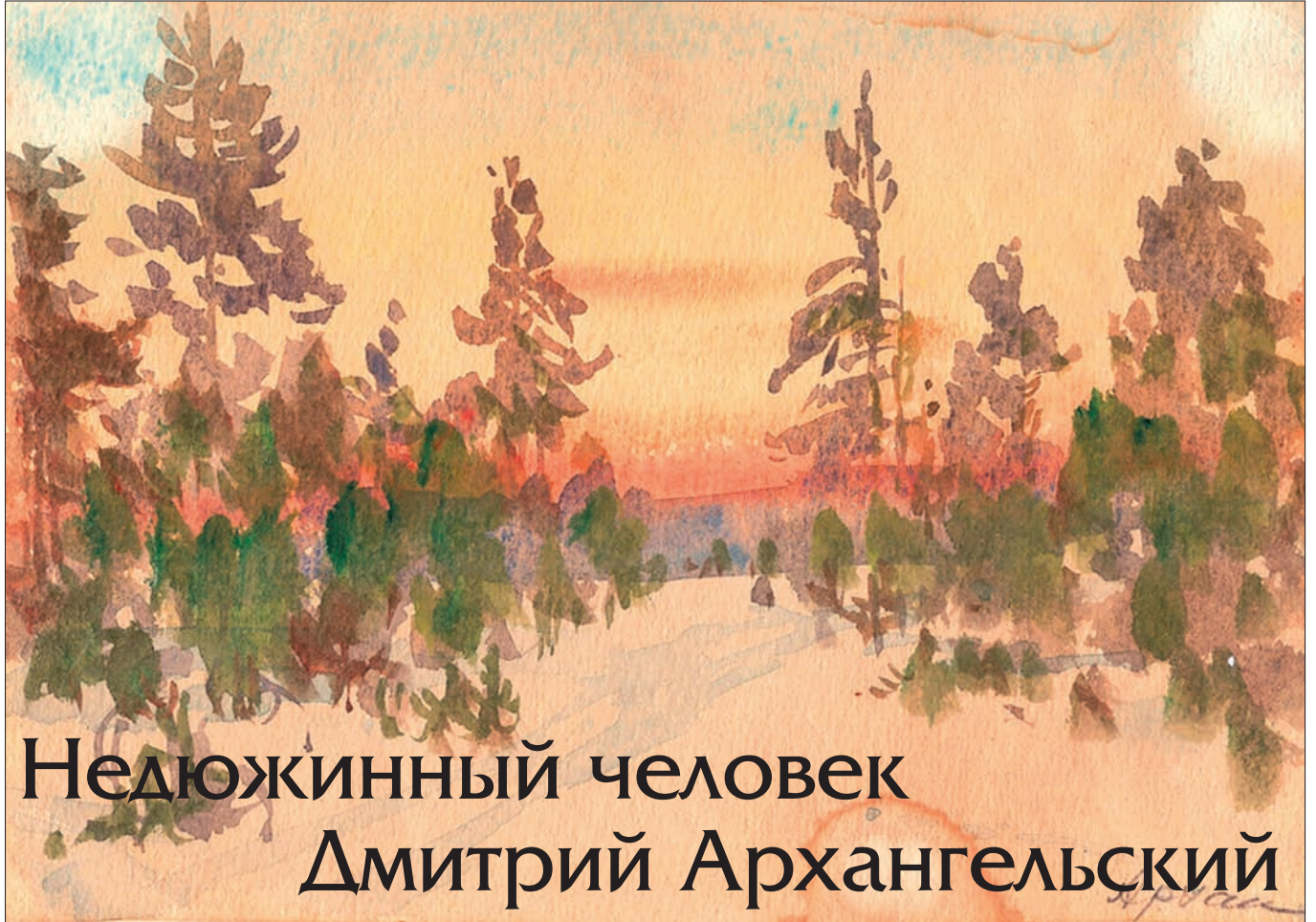
В алтаре церкви имеются две старинные иконы Спасителя. Одной из них – более трёхсот лет. Есть икона Святой Троицы в серебряной оправе, её привёз из Иерусалима и передал в дар храму Г.Н. Мясников.

Я часто беседую с детьми о вере, об их отношении к церкви. Они признаются, что верят в Бога, но церковь не посещают: нет времени. Но, думаю,

причина не в этом. Если ребёнок не чувствует необходимости посещать храм и исповедоваться, значит, нет личного примера родителей.

Трудно восстановить за короткий срок то, что разрушалось десятилетиями, но у нас яркая история и сильные традиции. В селе делается всё, чтобы возродить православную веру: построен новый храм, открыта воскресная школа, ведутся уроки по основам православной культуры. Приобщать к вере в Бога необходимо с детства.

Елена Авдеева,
учитель начальных классов
Троицко-Сунгурской СОШ,
Матвей Дудочкин,
ученик Троицко-Сунгурской СОШ



Недюжинный человек Дмитрий Архангельский

Д.И. Архангельский. Этюд «Зимнее утро»

В 1949 году я работал в Татарстане и побывал в Болгаре, тогда Куйбышеве, – бывшей столице древнейшего государства на территории Среднего Поволжья. Там велись археологические раскопки. Начальник экспедиции профессор Алексей Петрович Смирнов познакомил меня с Дмитрием Ивановичем Архангельским. Творчество этого талантливого художника посвящено истории и природе родного ему Симбирского края.

Дмитрий Иванович отнёсся ко мне, тогда ещё довольно молодому человеку, в высшей степени внимательно, тепло. Он оказался дружелюбным, я бы сказал, весёлым. Позднее я узнал, что радоваться у него особых причин не было. Материальное положение Архангельского было более чем скромное, что и заставило его работать в экспедиции.

Он показал мне красочные зарисовки образцов болгарской керамики, украшения из металла, старинные монеты. Трудолюбие Дмитрия Ивановича не знало границ. Помимо обязанностей художника он выполнял работу «кока» экспедиции. Это были первые послевоенные годы, и можно представить, как тяжело было кормить два десятка молодых людей, работавших в полевых условиях.

В свободное от работы время он рисовал чудесные этюды. Многие из них дарил товарищам по экспедиции и просто людям, с которыми встречался.

Прежде чем продолжить разговор о моих встречах с Архангельским, расскажу о выявленном в 1988 году архивном документе. Работая в фондах Ульяновского областного архива, я обратил внимание на небольшую рукопись под названием «Художник». Это оказался неопубликованный очерк известного симбирского учителя Андрея Сергеевича Кабанова, посвящённый Д.И. Архангельскому. Написан он был, вероятно, в 1914 году. Кабанов хорошо знал Дмитрия Ивановича и высоко ценил как художника и педагога. Одним из первых он обратил внимание и на выдающегося ученика Архангельского – Аркадия Пластова.

Помещаю очерк с некоторыми сокращениями.

«Митя Архангельский – недюжинный человек. Сын небогатого конторского чиновника, кончив курс в семинарии, в псаломщики не пошёл, священником быть не желает: весь отдался рисованию акварелью, масляными красками и карандашом. Долго срисовывал самоучкой. Потом, когда были открыты классы черчения при трудовом пункте, записался туда учеником и брал уроки у Пузыревского. Тот принял его у себя, многое объяснил ему в частных работах, многое указал из своих работ и окончательно увлёк Митю в область художества. Мать Мити – женщина умная, практичная, но и тактичная, бескорыстная. Пробовала уговорить Митю принять священство. Митя мягко, но настойчиво



Д.И. Архангельский. Копия картины Ю.Ю. Клевера «Шука»

отказался от этой профессии и сделался учителем рисования в женской гимназии, в мужской гимназии, в городском училище. Дело преподавания повёл на свой лад<...>.

Видовые оригиналы при помощи фотографий завёл свои: это избушки, мельницы, волжские суда, а в последнее время – храмы и часовни<...>. Дело преподавания поставлено очень живо, интересно, осмысленно. Ребёнок и юноша с задатками к художеству будет непременно художником.

Одного юношу, сына умершего псаломщика, увлѣк, выдвинул, добился ему стипендии, и тот в настоящее время учится в Москве, в рисовальной школе, намечен в Академию художеств.

Сам Митя вырос при простой обстановке: учился и помогал матери ухаживать за фруктовым садиком, чистил снег, рубил дрова, ходил с матерью на рынок. Без ложного стыда делал все домашние дела. Теперь ведёт такую же простую жизнь и личным примером влияет на своего даровитого ученика. При его помощи обогащает свою коллекцию рисунков<...>.

Как-то в разговоре с Д.И. Архангельским я сказал, что мне нравится находящийся в экспозиции Ульяновского художественного музея натюрморт художника Ю.Ю. Клевера (1882–1942) «Шука» (внизу). Через несколько дней он принёс мне в дар сделанную им копию этой картины. Интересно, что работу эту Архангельский выполнил в своём стиле.



Его ученик летом живёт у своей матери, просвирни села Прислониха, жнёт, косит, молотит хлеб, ухаживает за огородом, дружит с крестьянами<...> и рисует<...>. Морально находится под опекой Мити. Следовательно, есть надежда, что из него выйдет скромный труженик, если не уведёт с этого пути женщина. Митю не уведёт<...>. Ученик из Прислонихи – Аркадий Александрович Пластов».

В 1934 году Архангельский переехал на постоянное место жительства в Подмосковь. При первой возможности он приезжал в Симбирск, чтобы сделать очередные зарисовки, встретиться с сотрудниками музеев, с друзьями.

Во время таких приездов мне довелось несколько раз встречаться с ним у себя на квартире. Однажды он подарил нашей семье этюд «Зимнее утро».

Дмитрий Иванович ушёл из жизни в 1980 году в посёлке Родники Московской области. В ульяновских музеях хранится много произведений этого художника.

Марк Валкин
Из архива редакции

О ВОССОЗДАНИИ УСАДЬБЫ

В этом году в Инзе Ульяновской области в 11-й раз прошла международная конференция «Ознобишинские научные чтения». Этот форум исследователей, историков и литературоведов проходит в родных местах известного поэта, переводчика и учёного, современника А.С. Пушкина – Дмитрия Петровича Ознобишина.

Когда мне довелось первый раз приехать в Инзу в 2008 году на шестые Ознобишинские чтения, я побывала вместе с участниками конференции и в селе Троицком, на месте, где располагалась в своё время усадьба поэта. Загадочный сумрак в аллеях, едва угадывающихся среди зарослей бывшего парка, заросшие пруды усиливали впечатление того, что всё, что здесь существовало когда-то, утрачено безвозвратно. Однако со временем это впечатление сменилось надеждой на лучшее.

Ознобишинские чтения с каждым годом приобретают всё большую популярность и вызывают интерес в самых широких кругах научного сообщества, их значение давно уже перешагнуло границы мероприятия местного значения. Инза становится всероссийским и даже международным центром ознобишиноведения, центром науки и просветительства.

С трибуны конференции неоднократно звучали пожелания о создании в Инзе научно-культурного центра, который должен стать не только местом исследования творчества Д.П. Ознобишина, но также и сконцентрировать известные материалы и документы,

связанные с историей всей этой славной семьи, тесно связанной на протяжении многих лет с российской культурой. Как известно, сын и внук поэта окончили Императорский Александровский лицей в Петербурге. Вспомним здесь и знаменитую Ознобишинскую коллекцию книг, хранившуюся в Троицком, её с XVIII века берегли и пополняли из поколения в поколение продолжатели рода. А значение деятельности Дмитрия Ивановича – внука поэта – трудно переоценить. Этот человек на протяжении всей жизни, куда бы его ни бросала судьба, оставался активным хранителем традиций отечественной культуры.

Историко-культурный центр в Инзе может стать также центром изучения богатой истории региона, средоточием образования и воспитания молодёжи. В Инзе живут и работают замечательные энтузиасты, профессионалы в области истории и культуры. Так что вопрос о том, кто смог бы войти в состав ведущих специалистов центра, сомнений не вызывает. А лучшим местом для этого может стать возрождённая усадьба в Троицком. В доме, воссозданном на сохранившихся фундаментах, может разместиться не только научно-музейный комплекс, но и туристический центр.

Весьма удачное географическое положение усадьбы на стыке трёх областей – Ульяновской, Самарской и Пензенской, на путях крупных туристических потоков способствует развитию туризма. Сравнительно недалеко от Инзы, в Пензенской области, находится село Тарханы. А с воссозданием усадеб других известных деятелей культуры – Д.В. Давыдова, Н.М. Языкова, С.Т. Аксакова, Н.М. Карамзина, И.А. Гончарова, П.В. Анненкова – Троицкое включится в экскурсионное кольцо памятных литературных мест Ульяновской области. Туризм, как правило, влечёт за собой и развитие инфраструктуры региона, создание новых рабочих мест.

Отреставрированный парк с его аллеями и прудами станет также прекрасным местом отдыха инзенцев.

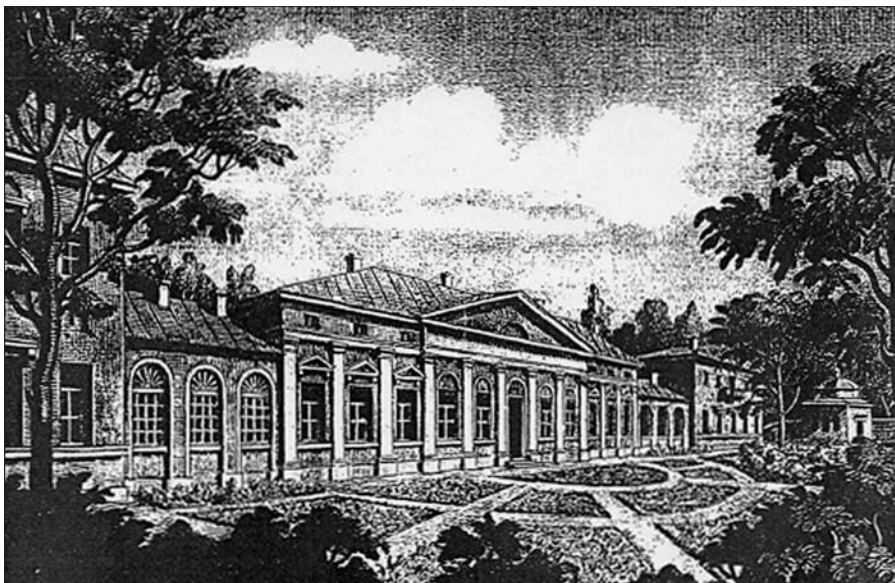
Мечта об осуществлении этих планов не давала мне покоя. А, поскольку известно, что лучше один раз увидеть, я решила выполнить эскизные разработки воссоздания усадьбы и показать, что и как возможно реализовать в этой программе. Опыт подобных проектов у меня за плечами немалый – вся жизнь посвящена архитектуре и самой интересной и трудной её части – научной реставрации. И я с большим увлечением взялась за эту работу.

Но сначала немного истории: именно здесь в 1804 году в семье Петра Никаноровича и Александры Ивановны родился будущий поэт.

В 1821 году Дмитрий Петрович Ознобишин стал владельцем Троицкого и нескольких окрестных деревень. Уйдя в отставку в 1828 году, он почти постоянно жил в Троицком. Здесь прошли детские годы его сына, Ивана Дмитриевича.

После кончины Дмитрия Петровича в 1877 году Иван Дмитриевич унаследовал имение. А с 1896 года наследниками Троицкого стали внуки поэта Дмитрий (о нём мы уже говорили выше), Николай и Наталья. Однако довольно скоро они продали имение Торговому дому «Андрей Фёдорович Карпов с сыновьями в Пензе». С этой продажей судьба усадьбы во многом

Дом-усадьба Ознобишиных



Гравюра Андрея Белобородова



была предрешена. А после 1917 года началось её полное разорение и уничтожение.

Теперь исторический облик усадьбы можно восстановить только по обрывочным воспоминаниям. Документов почти не сохранилось. Однако именно внуку Дмитрию Ивановичу – последнему владельцу усадьбы – мы обязаны тем, что сейчас можем понять, как выглядел дом, что из себя представлял парк в XIX веке. На сегодняшний день известен единственный документ, сохранивший для нас изображение усадьбы Ознобишиных: гравюра художника Андрея Яковлевича Белобородова.

История этого рисунка такова. Белобородов Андрей Яковлевич (1886–1965) окончил Академию художеств в Петербурге. В феврале 1920 года он эмигрировал из России и жил в Париже с 1920 до 1934 года.

С 1904 года Дмитрий Иванович Ознобишин по службе находился во Франции и после 1917 года остался в эмиграции. В 1920–30 годы он тесно общался с кругом русских художников-эмигрантов. В эти годы, вероятно, он был дружен и с Андреем Белобородовым. Сохранить воспоминания о родном доме детства было для Дмитрия Ивановича очень важно. По предположению В.В. Морозовой, исследователя творчества Д.П. Ознобишина, эта гравюра была создана художником по описанию со слов Дмитрия Ивановича.

Мы видим на гравюре Белобородова большой красивый дом. Центральный объём здания соединяется с двухэтажными флигелями нарядными галереями с большими арочными окнами. Дом окружает тенистый парк. Среди зелени в глубине виднеются небольшие постройки. Возможно, это парковые беседки или службы.

Для последующей разработки проекта, безусловно, важным подтверждением места и размеров всех построек усадьбы являются остатки фундаментов. Здесь большую роль должны сыграть археологические исследования.

Также очень важна работа в архивах. Архивные документы – чертежи, описи, купчие – могут послужить основанием для проекта восстановления. Основное место, где могут храниться документы по усадьбе, – это, безусловно, Государственный архив Ульяновской области. Здесь слово за исследователями и краеведами.

В представленном мной эскизе основные габариты дома и прорисовка деталей фасада были вычислены на основании гравюры методом графического



построения. Поскольку исторические авторские чертежи планов дома пока не выявлены, а археологические раскопки также не завершены, общая конфигурация здания в плане принята по аналогам – усадебным домам первой половины XIX века в России.

В центральной части дома проектом предполагается разместить музейно-выставочные помещения. В правом крыле – лекционный зал и библиотеку. В левом крыле – научную часть с помещениями для научных сотрудников и администрации. При необходимости центральный зал может быть также использован в качестве конференц-зала. Каждый из функциональных блоков помещений имеет дополнительно отдельный вход с противоположной стороны здания и может эксплуатироваться автономно.

Несколько слов об окружении дома и о парке.

Выявление остатков фундаментов надворных построек позволит разместить на исторических местах необходимые для эксплуатации комплекса объекты вспомогательного и хозяйственного назначения, а возможно, и небольшую гостиницу для туристов. Также вероятно воссоздание существовавшей ранее беседки перед домом и прочих парковых сооружений в их исторических формах как объектов экскурсионного показа.

Сохранившаяся чаша паркового фонтана имеет редкую оригинальную конструкцию. Для воссоздания его декоративного оформления следует выполнить подбор аналогов – фонтанов с похожей системой подачи воды. Возрождённый фонтан может стать одной из достопримечательностей усадьбы.

После дополнительного изучения исторических материалов, анализа состояния сохранившихся зелёных

насаждений и проведения гидрогеологических изысканий возможно восстановление исторической планировки парка и уникальной гидросистемы прудов.

Этот эскизный проект был впервые мною представлен с докладом на пленарном заседании юбилейных X Ознобишинских чтений в июле 2012 года. Все участники могли детально ознакомиться с проектом и на небольшой выставке, которая была тогда же устроена в рамках чтений. А после закрытия мероприятий материалы этого проекта были приняты организаторами конференции для публикации. Однако, к сожалению, в очередной сборник по материалам конференции они по неизвестной мне причине не попали.

Отрадно сознавать, что первое рассмотрение проекта в числе прочих факторов послужило стимулом к принятию очень важного решения: в 2013 году территория усадьбы Д.П. Ознобишина – Троицкое – включена в список объектов культурного наследия. Это важное решение создаёт юридическую базу для сохранения территории усадьбы от раздробления и несанкционированной застройки, придаёт этому месту соответствующий статус.

Остаётся надеяться, что скоро в Троицком закипит новая жизнь. Начнутся исследовательские и первоочередные работы на территории усадьбы и, возможно, работа над проектом продолжится. Осуществление мечты о создании Историко-культурного центра на месте усадьбы Дмитрия Петровича Ознобишина в селе Троицком станет достойным памятником этому выдающемуся учёному и литератору России.

Татьяна Ознобишина,
архитектор-реставратор,
Санкт-Петербург



Александрия. 1920-е

Далёкая и близкая Александрия

Русская Александрия. Русский Харбин. Русский Нью-Йорк. Мы и сегодня, по прошествии целого века, с болью в сердце произносим эти слова. После революции 1917 года за пределами России оказались 2,5 миллиона человек. Что испытывали наши соотечественники, потеряв Родину и связь с ней? Чем жили на чужбине, во что верили? Где затерялись могилы тех, кто в начале XX века составлял цвет и гордость России?

И как же мы должны быть благодарны энтузиастам, которые заново открывают нам замечательные имена, поглощённые штормом революционных перемен! Такими энтузиастами-исследователями можно назвать небольшой коллектив ульяновской киностудии документального кино «Александрия», заново озвучивший забытые страницы славной истории.

И.П. Умов.
1912



Выдающийся земляк

Съёмочная группа ульяновской киностудии документального кино «Александрия» снимала в Египте фильм о русской эмиграции, и на православном кладбище Шетби режиссёр Наталья Цуканова обнаружила могилу нашего земляка Ивана Павловича Умова, известного дипломата, который служил российским вице-консулом в Александрии.

Ульяновским краеведам хорошо знакома эта фамилия. Среди симбирских помещиков Умовых было много незаурядных людей. Неординарной личностью был и Иван Павлович. Он родился 15 марта 1883 года в родовом поместье отца в селе Умовка Спасского уезда (ныне это Старомайнский район Ульяновской области), недалеко от села Русские Юрткули. Как потомственный военный учился в Симбирском кадетском корпусе, а после окончания поступил в Санкт-Петербургское военно-инженерное училище. Позже учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве, а в Лондоне окончил консерваторию по классу фортепиано. Иван Павлович прекрасно музицировал, писал стихи, был полиглотом, замечательным переводчиком – невозможно перечислить всех заслуг этого культурного и общественного деятеля.

Работая над темой «Русские эмигранты в Египте», коллектив студии документального кино «Александрия» познакомился с доктором исторических наук, профессором МГУ



Геннадием Горячкиным, написавшим книгу «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте» (М.: Русский путь. 2012. – 336 с.: ил.)

Вот что пишет историк о нашем земляке: «Было бы странным, на наш взгляд, если бы и для Александрии, культурной столицы Страны пирамид, где зародился театр и кинематограф, которая явила ей и всему миру прекрасных египетских, армянских, греческих, еврейских, итальянских, сирийских, ливанских деятелей культуры, воспевших свою египетскую средиземноморскую родину, не нашлось бы у России дипломата «гютчевского» типа. Им стал... И.П. Умов (15.03.1883 – 7.03.1961), проживший в Александрии без малого полвека...».



Профессор МГУ Геннадий Горячкин

Автор «Русской Александрии» убеждён, что на воспитание Ивана Умова большое влияние оказала малая родина – привольное Поволжье, где в тесном общении с будущим дипломатом проживали яркие представители знаменитых дворянских династий. «Вероятно, преобладание этой последней составляющей его менталитета, – утверждает историк, – привело к тому, что он бросает военную карьеру и перед самой революцией поступает в Лазаревский институт восточных языков в Москве, который окончил и его будущий непосредственный начальник в Александрии А.М. Петров. К последнему он поступает в распоряжение, вполне возможно, не случайно, в 1912 г., т. е. спустя два года после приезда консула в северную столицу Египта».

Так И.П. Умов стал востоковедом, получил распределение в МИД и был назначен вице-консулом в Александрию. Через пять лет он попал в странную историю, связанную якобы с освобождением от военной службы некоего Евгения Пиваровича. В деле фигурировал английский офицер, принявший решение об освобождении этого молодого человека от призыва в армию, но Умов взял всю вину на себя.

В результате решением консульского суда его отстранили от работы, Иван Павлович направился в Россию, но с полдороги вернулся: на родине уже бушевала революция. Посланник А.А. Смирнов разрешил ему вернуться в Египет на правах частного лица.

Возвращение в Египет было продиктовано важным обстоятельством: в Александрии оставалась жена Умова – Александра Иосифовна – православная ливанка из знатного рода Хури. Этот род владел большой недвижимостью, но не материальное богатство заставило русского романтика жениться: Александра Иосифовна наделена была богатством душевным и духовным. Об этом свидетельствуют поэтические строки, написанные Умовым по прошествии долгих супружеских лет.

*С участливым сердцем,
приветно-ясна,
Средь жизни обрывов
тропой небольшою
Спокойно и тихо проходит она.
И думам поэта, и звукам Шопена
Извечный есть доступ в души её храм.
Превратности света,
времён перемена
Её не приклонят к чужим алтарям.
Верна неизменно заветам былого,
Живёт она в лучшем грядущем,
в мечтах:
Душою смиренна; прощенья слово
Всем братьям заблудшим
у ней на устах.*

Вилла Умовых находилась в центре Александрии и была в центре внимания просвещённого общества. Здесь часто проводились музыкальные и литературно-поэтические вечера, на которые приглашалась элита города. На них выступали приезжие артисты, городские ансамбли, русские коллективы культурной столицы Египта. Гвоздём музыкальных программ были обаятельные и музыкально одарённые Катя и Иосиф Умовы – гордость отца и матери. И сам Иван Павлович частенько по просьбе гостей читал свои стихи на французском и русском языках или исполнял на фортепиано музыкальные произведения собственного сочинения.

«Полиглот Умов знал десять языков: пять западных (английский, французский, немецкий, итальянский, испанский) и пять восточных (арабский, персидский, грузинский, турецкий, сирийский), – пишет Г.В. Горячкин. – Знание западных языков

позволяло ему стоять вровень с лучшими дипломатами Европы и Америки, а обладание восточными языками – превосходить последних и ощущать себя своим в восточной среде».

Литературные способности Ивана Павловича были широки. Они проявились и в поэзии, и в драматургии, и в литературоведении. Умов был влюблён в восточную поэзию. Свободно читая в оригинале средневековых арабских поэтов, он чувствовал и понимал все тонкости, весь аромат, который излучала эта поэзия. Своими чудными переводами он заново открыл Западу красоту поэзии Абу-ль-Аля аль-Маари и мастера любовной лирики Омар аль-Хайяма.

Наряду со стихами, написанными и напечатанными на разных восточных и европейских языках, И.П. Умов больше всего писал на русском языке. Он долго не решался их публиковать, считая, что все они нуждаются в отделке, но близкие всё-таки настояли на публикации. Иван Павлович отобрал стихи для первой своей русской книги, выпуск которой он приурочил к 150-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина.

На вилле Умова побывали многие знаменитые актёры, писатели, художники. Дружеские отношения связывали Ивана Павловича с известным русским художником Иваном Билибиным. В 1913 году в Александрии в гостях у И.П. Умова побывал Николай Гумилёв. Видимо, этот визит был связан с абиссинской экспедицией. На память о встрече у И.П. Умова остался автограф Гумилёва, который дипломат вложил в свой альбом. В настоящее время автограф находится в собрании его внука, Сергея Иосифовича Умова, в Женеве. Это стихотворение (в полном виде) не было напечатано. Собирая книгу, Н.С. Гумилёв посчитал его незавершённым.

*Какая странная нега
В ранних сумерках утра,
В таяньи вешиного снега,
Во всём, что гибнет и мудро.*

*Золотоглазой ночью
Мы вместе читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Нам снились розы Леванта.*

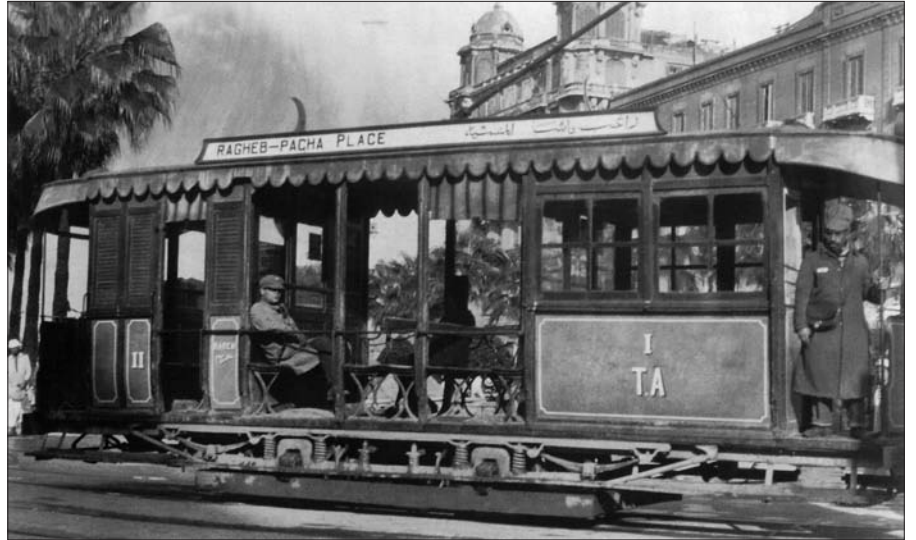
*Утром вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупо,
Весной проси поцелуя
У женщины милой и глупой.*

Александрия, 3 сентября 1916

Н. Гумилёв



Александрия. 1920-е



Перелётные птицы

Иван Умов жил в Александрии безбедно – в отличие от своих соотечественников. Он был счастлив в браке, смог дать своим детям прекрасное образование, имел возможность заниматься поэтическим и музыкальным творчеством – в общем, мог вовсе не скучать по Волге и далёкой России. Но «сила, заложенная в нём культура и непоколебимая любовь к родному народу, – писал один из почитателей его творчества, – оказались сильнее и притягательнее всех благ европейской цивилизации и экзотики восточных стран».

Иван Павлович испытывал сильнейшее чувство одиночества и ностальгировал не меньше, чем остальные русские эмигранты в Александрии. Одно из его стихотворений называется «Перелётные птицы». В широком поэтическом обобщении автор, не отделяя себя от соотечественников-эмигрантов, раскрывает всю боль и остроту разлуки с родиной.

*Мы дети России,
 бездомные птицы,
Мы бедствуем всюду,
 под небом всех стран.
Летят разорённых скитальцев
 станицы
В Египет, в Алжир, на седой океан.
Нас видели в Смирне
 у дряхлой мечети,
И в римском Палаццо,
 в старинном окне,
А матери наши, а малые дети
Тоскуют о нас в незабвенной стране.
И мучит нас вечным,
 безмолвным укором
То матери облик во мраке ночном,*

*То призрак сестры
 с угасающим взором,
То, с плачем о хлебе,
 дитя под окном.*

Однако жизнь основной массы русских эмигрантов в Александрии была совсем иной. Её подробно описал в своих многочисленных письмах, адресованных профессору Г.В. Горячкину, Н.А. Старковский. Сын русских эмигрантов, он родился в Александрии в 1922 году в лагере Сиди-Бишр. Мальчик, как и другие беженцы из России, жил в нищете. Главная же проблема заключалась в том, что у русских эмигрантов не было паспортов и гражданских прав, а потому никто из детей не мог получить высшее образование. Николай Старковский – единственный, кто чудом поступил в Каирский университет и стал учёным-химиком, переехал в США, где здравствует и поныне.

Конечно, И.П. Умов был несколько отстранён от русской колонии – сказывалось и материальное, и общественное положение. У «удивительно образованного И.П. Умова, – вспоминал Н.А. Старковский, – был собственный мир, в гости не ходил и в кружках не участвовал...».

Горькие испытания

Музыкальное дарование Ивана Умова ярко проявилось в его детях. Их было четверо: сыновья Павел, Иосиф, Александр и дочь Катя. Второй сын Иосиф пошёл по стопам отца, увлёкся музыкой и стал известным скрипачом, в начале 1960-х годов он уехал в Лондон. Младший Александр стал архитектором, женился на француженке Симоне Фаводон.

Несчастья обрушились на семью в 1955 году. Летом умер старший сын Павел, в сентябре – дочь Екатерина.

Катя Умова была очень одарённой девушкой. Занималась виолончелью. Вместе с братом Иосифом составляла основу Александрийского симфонического оркестра. К тому же она была хорошей балериной, исполняла классические танцы, часто выполняла балетное соло. После гастролей великой Анны Павловой александрийцы полюбили русский балет и восторженно встречали выступления Кати Умовой.

Её смерть была трагической случайностью: репетируя балетные упражнения в комнате, Катя упала, ударившись виском об острый край мебели. Ей было 29 лет. «Вся Александрия была в слезах», – вспоминала Т.Н. Монти. А каково же было отцу хоронить свою любимицу! Лишь через три года он сможет выразить свои чувства к дочери в поэме «Offrande» («Дарение»).

Египетская пресса отмечала, что «Катя была одной из самых известных фигур среди александрийской молодежи». Через год после её гибели мама Александра Иосифовна учредила стипендию имени Кати особо отличившимся учащимся танцевального класса Александрийской консерватории.

На этом горькие испытания семьи не закончились. В начале 1961 года роскошный дворец – вилла Умовых – был национализирован новым режимом Гамаль Абдель Насера. А 7 марта 1961 года Иван Павлович скончался. Вскоре ушла из жизни и Александра Иосифовна. Сыновья Умовых Иосиф и Александр покинули Египет.



Русские захоронения на Александрийском христианском кладбище Шетби

Надгробие Ивана Умова и его дочери Екатерины



Живая память

Рассказывая в своих письмах-воспоминаниях о выдающихся русских людях, оказавшихся в эмиграции, Николай Алексеевич Старковский разделил их на группы по основным занятиям и целям. Среди русских были врачи и сёстры милосердия (колония состояла в основном из военных госпиталей, эвакуированных союзниками с юга России), которые лечили русских бесплатно и снабжали их лекарствами, а медицинские сёстры заботились о больных, как о собственных детях. Здесь были учителя и учёные, которые бесплатно давали уроки, создавали летние школы, распространяли русскую культуру. Были просто сердобольные люди, отдававшие последние силы на оказание материальной помощи нуждающимся.

Среди эмигрантов были талантливые музыканты и художники, ставившие перед собой цель поддержать и развить интеллигентность как исконно русское понятие и передать её подрастающему поколению. Эти люди – представители выдающихся фамилий: сёстры Голенищевы-Кутузовы, учёный-словист Добрыня-Конюхов, музыканты Радецкая-Гаусман и Плотников, художник И.Я. Билибин, генерал Н.Ф. Гельмгольц и многие, многие другие, и рассказывать о них можно бесконечно.

Все они жили надеждой на скорую встречу с Родиной, но встреча не состоялась. Могилы этих людей, разбросанные по всему миру, до недавнего времени были забыты. Но благодаря стараниям Российского центра науки и культуры, российских посольств, стараниями отдельных энтузиастов

заново открыты страницы истории Русского Зарубежья, отреставрированы надгробия и православные часовни. На одном только Александрийском кладбище Шетби покоится прах сотен русских, и среди них, как оказалось, – симбиряне, сведения о которых продолжают собирать режиссёр Наталья Цуканова и её коллеги.

Ульяновская студия документального кино «Александрия» создала яркий, эмоционально насыщенный и психологически напряжённый фильм «Русская Александрия», напомнив нам об истинных русских патриотах. А ведь это не только акт исторической справедливости, но и шаг в будущее: только осознав прошлое и свои ошибки, нация может двигаться вперёд.

Ольга Шейпак



Современная Александрия. Военное кладбище Британского содружества наций

Командир симбирских улан Ошанин

Штандарт
5 Литовского уланского полка



Как уже, наверняка, обратили внимание наши читатели, судьбы симбирян, воевавших в частях Белой армии, составляют сферу интересов ульяновца, сотрудника кинотеатра «Люмьер» Олега Розова. Его публикации об этих вычеркнутых на долгие десятилетия из российской истории людях уже несколько раз появлялись на страницах журнала «Мономах». Сегодня его рассказ об А.М. Ошанине, кадровом офицере 5 Симбирского Литовского Его Величества короля Италии Виктора Эммануила III уланского полка, квартировавшего до 1914 года в Симбирске.

А.М. Ошанин (годы жизни установить не удалось) происходит из симбирской ветви дворян Ошаниных. В Первой мировой войне он участвовал в составе полка в звании ротмистра, там же познакомился с М.Н. Тухачевским. В апреле 1918 года с группой офицеров-улан вернулся в Симбирск. Когда город заняли красные, Ошанин как старший офицер полка получил предложение от Тухачевского формировать 1-й Симбирский кавполк, однако предложение не принял: «Тухачевский говорил в том духе, что надо приложить максимум усилий, чтобы создать армию, достойную великой России. Речи не было о какой-нибудь "пролетарской" армии...».

Когда город взяли белые, уланы влились в Симбирский конный отряд Народной армии, а после сдачи Симбирска отправились в Омск, где в 1919 году в с. Николаевке под командованием Ошанина был сформирован Уланский Симбирский полк в составе 1-й Кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Д.Я. Миловича.

Из воспоминаний В.П. Аничкова: «В Омске под Екатеринбургом был расположен на отдых Литовский уланский полк, квартировавший ранее в Симбирске, где мы часто устраивали для офицеров вечеринки и обеды, а для симпатичного командира, князя Туманова, и картишки. Конечно, все уцелевшие офицеры, знавшие нас, приехали с визитами, и наш дом вновь наполнился весёлым звоном шпор. Из прежних офицеров полка частенько бывали фон Братке, Фёдоров, Ключарёв. Познакомились мы и с их молодыми жёнами и новым командиром

полка, красавцем Ашаниным (так в воспоминаниях. – О.Р.). Последний обратился к моей жене с просьбой принять на хранение два полковых штандарта. Жена дала согласие, и мы поместили в кладовой нашего банка два огромных ящика» (1918 год).

В конце апреля 1919 года на параде вновь сформированного Симбирского уланского полка адмирал А.В. Колчак вручил бывший штандарт 5 Литовского уланского полка его командиру, полковнику Ошанину. Вскоре полк убыл на фронт, затем с боями отступал в Сибирь. В начале января 1920 года во время боя с партизанами по приказу

Ошанина штандарт полка был затоплен. Это вызвало негативный резонанс в армии. В эмиграции, в Харбине, Ошанин перешёл в советское подданство и служил на КВЖД, после 1929 года вернулся в СССР, но, опасаясь репрессий, снова бежал в Китай. При переходе границы простудился и умер в Харбине. Жена Ошанина – урождённая Хвоцинская. Точные годы рождения и смерти Ошанина не известны.

Олег Розов

(по материалам книг К. Сахарова, С. Волкова, В. Кислицина и электронной публикации В. Аничкова)



Адмирал Колчак среди офицеров Симбирского уланского полка. Село Николаевка под Омском. 1919



Котдус по-арабски – дорогой

Хочу рассказать о замечательном человеке, ветеране Великой Отечественной войны, прекрасном организаторе, публицисте, поэте – Котдусе Исаковиче Сафиуллине. Таких людей мы не должны забывать, ведь их жизнь – яркий пример честного и бескорыстного служения Родине.

Котдус Исакович Сафиуллин родился 3 ноября 1922 года в селе Уразовка Карсунского района Ульяновской области в семье муллы. О своей семье говорить не любил: отец был репрессирован – большие тяготы легли на плечи молодого Котдуса.

Осенью 1941 года 19-летнего Котдуса Сафиуллину призвали в ряды Красной армии. Первый бой он принял под Москвой. Котдус перенёс несколько ранений, но остался жив. Тяжёлыми были для него дороги войны – они продолжались до 1947 года. С многочисленными наградами вернулся он домой после окончательной Победы над фашизмом и японскими самураями.

В послевоенные годы Котдус Сафиуллин активно участвовал в восстановлении родного села и колхоза. Получив среднее образование, он в 1956 году приехал в город Ульяновск и устроился на работу на автомобильный завод. Параллельно с работой учился в политехническом институте, получил диплом инженера-механика.

Очень скоро Котдус Исакович стал внештатным корреспондентом заводской многотиражки и газет Татарстана: «Шахри казан», «Татарстан яшьляре» и других. Здесь печатались его яркие статьи о Родине, о любви к родному краю, о красоте жизни.

В 1987 году Котдус ага вышел на пенсию и развернул активную общественную деятельность среди татарского населения города. По его инициативе была создана первая татарская общественная организация.

В октябре 1988 года в Ульяновской библиотеке № 17 собрались читатели татарской национальности, и Котдус Исакович предложил создать общественную организацию по защите культурных ценностей нации. Обсуждение было бурным. Решили назвать организацию «Туган тел» – «Родной язык». А по кандидатуре председателя споров не было: единогласно проголосовали за Котдуса Исаковича Сафиуллину.

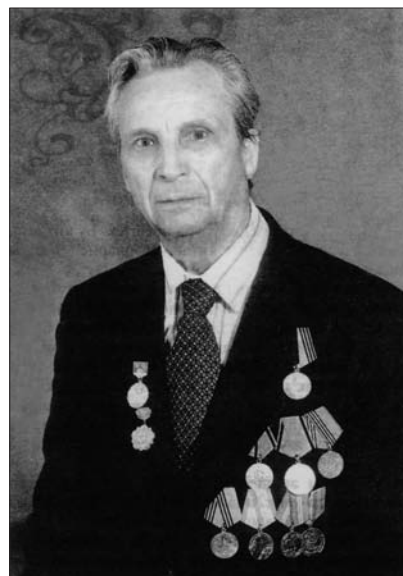
Началась большая работа. Планов было много: создать татарскую газету, организовать телепередачу на татарском языке, начать выпуск своего журнала, создать центр татарской культуры. Надо было решить вопрос об обучении детей татарской национальности родному языку в школах, об организации национального праздника Сабантуй и другие вопросы, связанные с сохранением и продвижением культурных традиций татарского народа.

Котдус Исакович часто выступал с больших трибун, призывая татар изучать родной язык. Ведь нет языка – нет нации. Котдус ага говорил вдохновенно: «Если обучение татарских детей не поставить на должный уровень, то в дальнейшем татарский народ лишится поэтов, прозаиков, драматургов, публицистов, композиторов. Без литературного языка в деревнях останутся диалекты, и люди одной национальности не будут понимать друг друга».

Задачи, выдвинутые общественной организацией «Туган тел», поддержали органы местной власти. Был выделен лектор обкома КПСС Султан Абдразикович Гиматов, работник аппарата обкома партии Георгий Викторович Обушинский и первый секретарь райкома КПСС Чердаклинского района, ветеран войны и труда Дамир Исмагилович Шарипов. Под руководством этих прекрасных людей первый раз в истории города Симбирска увидели свет первая телевизионная передача ГТРК «Волга»



Первый Сабантуй, проведённый «Туган тел»



К.И. Сафиуллин

на татарском языке «Чишмэ» (4 апреля 1989 года) и областная татарская газета «Эмет» (30 декабря 1989 года). В июне 1990 года состоялся первый Сабантуй (Праздник плуга).

В июле 1991 года была организована ещё одна татарская общественная организация «Мэдэният» (Культура).

В феврале 1995 года вышла в свет первая книга-альманах пяти авторов «Сембер язлары» (Симбирские вёсны).

Получило развитие и образование на родном языке: в сентябре 1996 года в Ульяновском педагогическом институте была набрана первая группа студентов дошкольного воспитания на татарском языке и первая группа студентов татарско-русского языка на филологическом факультете.

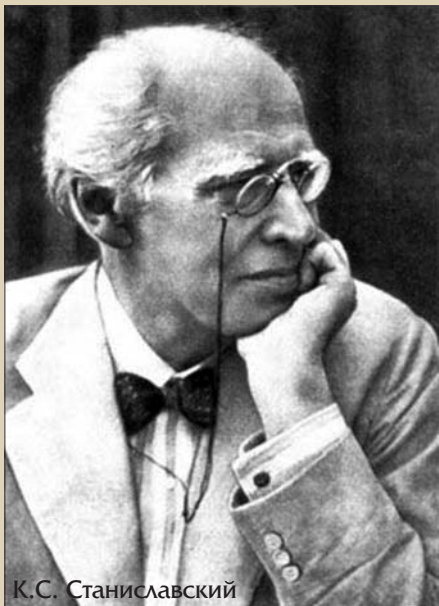
В июне 1998 года на базе существующих общественных организаций образовалась культурная автономия УОТНКА. Первым её председателем стал Азат Гайнуллович Курчаков.

В 2004 году произошла реорганизация и был создан Центр татарской культуры.

Котдус Исакович Сафиуллин был похож на танк Т-34: такой же юркий, весёлый, боевой – никого не боялся и добивался справедливости. Он всегда побеждал, однако победить болезнь всё же не смог. Случился инсульт, и 18 сентября 1998 года Котдус Исакович Сафиуллин ушёл из жизни. Вечная ему память!

Нашлись люди, которые успешно продолжают начатое им дело. Дай Бог им здоровья и благополучия в семье!

Иркем Хайретдинов,
ветеран труда



К.С. Станиславский

Станиславский и симбиряне

В 2013 году отмечалось 150-летие со дня рождения выдающегося театрального деятеля Константина Сергеевича Станиславского (1863–1938) – режиссёра, актёра, педагога, критика. Его связи с Симбирском и симбирянами никогда специально не изучались. Автор этих строк может сообщить некоторые результаты поисков.

На протяжении почти двадцати лет К.С. Станиславский поддерживал отношения с уроженцем Симбирской губернии, писателем, драматургом, искусствоведом Дмитрием Васильевичем Григоровичем (1822–1900). Высоко оценивая творчество нашего земляка, он пользовался ответной симпатией.

Знакомство семнадцатилетнего Константина Алексея и маститого литератора состоялось в 1880 году на даче П.М. Третьякова в Куракине. Творчество Григоровича увлекло юношу. Так, 11 марта 1880 года он сообщал в письме: «Весь день и весь вечер читал Григоровича».

В 1891 году, посмотрев спектакль «Фома» по произведению Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», писатель, вспоминал Станиславский, «прибежал в экстазе за кулисы, крича, что после «Ревизора» сцена не видала таких ярких, красочных образов».

В 1891 году Д.В. Григорович был избран председателем Петербургского театрально-литературного комитета. Общение Станиславского с ним приобрело дополнительные аспекты. В конце 1891 года режиссёр обратился к писателю с просьбой дать разрешение на постановку его пьесы «Замшевые люди» в Обществе искусства и литературы.

Отвечая Станиславскому 1 ноября 1891 года, наш земляк сообщал: «Я буду весьма польщён видеть [пьесу], разыгранную на сцене Общества искусства и литературы теми артистами-любителями, о даровании которых я уже много слышал».

В конце декабря 1891 года Д.В. Григорович присутствовал в Москве на спектакле с участием К.С. Станиславского. Первого января 1892 года режиссёр посетил Григоровича и получил очень высокую оценку своей игры.

В апреле того же года Станиславский и Григорович встретились в Варшаве. «Из Варшавы до Вены, – сообщил режиссёр родным, – мы ехали с ним в одном вагоне – много разговаривали с ним».



Д.В. Григорович. Фотография с дарственной надписью Чехову: «От старого писателя на память молодому таланту». 1886

И после кончины Д.В. Григоровича его творческое наследие находилось в поле внимания Станиславского.

Московский художественный театр, возглавляемый Станиславским, был любимым театром В.И. Ленина. Наш знаменитый земляк посетил шесть спектаклей, поставленных К.С. Станиславским, и один, поставленный в Первой студии МХТ Е.Б. Вахтанговым, где Константин Сергеевич сыграл одну из главных ролей.

В феврале 1900 года во время нелегального пребывания в Москве по пути из сибирской ссылки в Псков Ленин посетил спектакль «Возчик Геншель» по пьесе Г. Гауптмана. Художественно-Общедоступный театр, как назывался тогда МХТ, занимал в том году помещение театра сада «Эрмитаж».

В феврале 1901 года Владимир Ильич написал М.А. Ульяновой из Мюнхена в Москву: «Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли её и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в Художественно-Общедоступном – до сих пор вспоминаю с удовольствием своё посещение в прошлом году».

Игру Станиславского Ленину удалось видеть в двух спектаклях, причём лично они не встречались. В 1918 году в Камергерском переулке, где и сейчас находится театр, глава СНК посмотрел спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе А.Н. Островского, в котором К.С. Станиславский исполнил роль Крутицкого. В.И. Ленин так отозвался о его



К.С. Станиславский (Крутицкий) в спектакле по пьесе А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»



К.С. Станиславский (Астров) в спектакле по пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня». Фото справа и внизу



игре: «Станиславский – настоящий художник, он настолько перевоплотился в этого генерала, что живёт его жизнью в мельчайших подробностях. Зритель не нуждается ни в каких пояснениях».

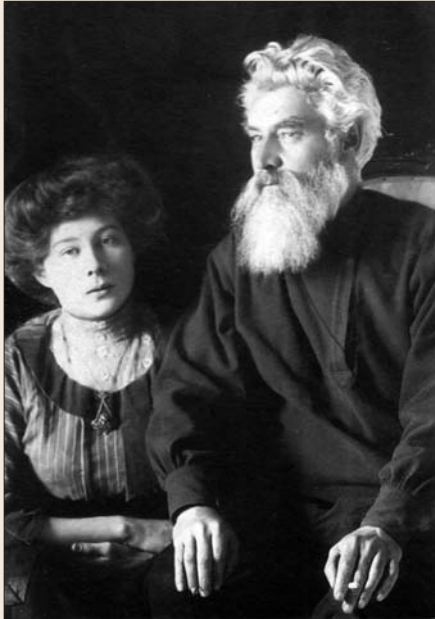
Второй раз Ленину посчастливилось увидеть Станиславского в марте 1919 года в образе Астрова в спектакле Первой студии МХТ «Дядя Ваня» по пьесе А.П. Чехова, поставленном Е.Б. Вахтанговым в небольшом особ-

няке на Скобелевской площади Москвы, находившейся вблизи Тверской улицы. Здание не сохранилось.

Шанс личной встречи К.С. Станиславского с В.И. Лениным появился в 1921 году, когда нарком просвещения А.В. Луначарский 24 октября направил Владимиру Ильичу телефонограмму с просьбой сообщить, сможет ли он принять К.С. Станиславского, Л.В. Собинова, В.И. Немировича-Данченко, А.И. Южина и А.Я. Таиро-

ва по вопросу о положении в театрах. В.И. Ленин с извинениями ответил, что из-за большой занятости не может их принять.

Одним из самых благожелательных критиков деятельности Станиславского и его театра был Евгений Петрович Гославский – драматург, прозаик, поэт, представитель старинного симбирского дворянского рода. Родился он в Санкт-Петербурге в 1861 году, скончался в Симбирске в 1917 году.



Евгений Петрович Гославский
с дочерью Софьей



Драматург и театральный критик
Юрий Дмитриевич Беляев



София Голлидэй

В 1897 году Гославский писал в журнале «Театр» о постановке Станиславским комедии В. Шекспира «Много шума из ничего»: «Великое произведение ощущалось во всей его полноте, не утрачивалась ни малейшая блёстка». Режиссёрская часть «положительно великолепна <...>. Поставить пьесу так может только истинный знаток своего дела. Декорации, костюмы, все мельчайшие аксессуары, затем позы, жесты действующих лиц – всё это прямо поражает как изяществом, так и сдержанностью в смысле стиля и исторической верности». Такие оценки были очень важны, т. к. Станиславский и его театр работали в обстановке постоянных злобных нападок.

Личным врагом Станиславского был уроженец Симбирска, драматург и критик Юрий Дмитриевич Беляев (1876–1917) – автор популярных пьес «Псиша» и «Красный кабачок». Вот его типичный отзыв в газете «Новое время» за 27 февраля 1901 года: «Опять неудача! <...> «Геншель», как и «Одинокие», был поставлен с большими затеями, но разыгран так слабо, что вряд ли у самых ярых поклонников Художественного театра найдётся что-нибудь сказать в оправдание актёров. О всех них можно отозваться очень немногословно. Актёры были плохи. Вот и всё».

В марте 1901 года Станиславский писал из Петербурга: «Публика здесь интеллигентная, и молодёжь горячая, и приём великолепный, и успех

небывалый и неожиданный, но почему-то после каждого спектакля у меня чувство, что я совершил преступление и что меня посадят в Петропавловку. Суворинская клика приготовила нам приём настоящий – новременский. В «Новом времени» пишет Беляев, правая рука Суворина (влюблён в артистку Домашеву из Суворинского театра) <...>. Они не стараются замаскировать подкладки, и их поведение возмущает интеллигентную часть публики, иногда даже рецензенты некоторых газет и артисты Суворинского театра приходят выразить нам негодование на поведение Кугеля и Беляева, которые во время вызовов демонстративно становятся в первый ряд и при выходе артистов поворачиваются спиной к сцене, делают гримасы и громко бранят нас неприличными словами».

В апреле 1907 года в ответ на письмо актрисы М.Г. Савиной К.С. Станиславский написал из Петербурга: «Многоуважаемая и дорогая Мария Гавриловна! Спешу утешить Вас. Беляева я не читал и не буду читать. Про «гориллу» слышу в первый раз и не сомневаюсь в том, что если бы Вы захотели дать мне прозвище, то Вы окрестили бы меня остроумнее и талантливее. Ю. Беляеву я очень благодарен за это прозвище. Это доказывает, что я ему не нравлюсь в Фамусове. Согласитесь, что от похвалы Беляева не станет легче на душе артиста. Это сравнение напомнило мне, что и он похож на какую-то мандриллу. Ну и Христос с ним. Спасибо ему и за то,

что он представил мне случай написать это письмо и хоть заочно побеседовать с Вами. Без Вас здесь скучно и пусто. Петербург без Савиной – то же, что Москва без Иверской».

Предположительно, К.С. Станиславский знал о существовании Екатерины Максимилиановны Перси-Френч (1864–1938), богатой симбирской помещицы, меценатки, председателя местного Художественно-драматического общества.

Для первой постановки пьесы А.П. Чехова «Вишнёвый сад» на сцене МХТ в Москву с помощью архитектора Ф.О. Шехтеля в ноябре 1903 года были доставлены фотографии с негативами усадебного дома Перси-Френч в её имении под Симбирском.

В августе 1919 года в Симбирск на гастроли прибыла Вторая студия МХТ во главе с Е.Б. Вахтанговым. В составе коллектива была ученица К.С. Станиславского София Голлидэй, подруга поэтессы М.И. Цветаевой. Актриса осталась в Симбирске, поступила на сцену местного театра. Станиславский направил ей письмо в Симбирск с приглашением вернуться в Москву. София Голлидэй отказалась: она вышла замуж за режиссёра симбирского театра Абрамовского.

МХТ неоднократно гастролировал в Ульяновске. Ученики К.С. Станиславского и ученики его учеников блистательно играли на сцене областного театра драмы.

Сергей Петров



В.И. Ленин и Фриц Платтен
в президиуме I конгресса
Коминтерна. Март 1919 года

Отъезда головной группы швейцарцев
с вокзала в Цюрихе.
17 марта 1924 года



Пройти по следам швейцарских коммунаров

Когда я собрала уже довольно большой материал по истории Радищевского района, меня заинтересовал такой факт. Все мы знаем, какой страшной была картина коллективизации в русской деревне, как много связано с ней кровавых историй. А в сёлах Радищевского района коллективизация прошла относительно спокойно: крестьянских выступлений практически не было. Более того, здесь гораздо быстрее, чем в других местах, были созданы сельскохозяйственные товарищества, сумевшие приобрести тракторы и организовать совместную работу на полях с помощью этой удивительной по тем временам машины. Почему и каким образом? Оказывается, причиной такого спокойного перехода к коллективному хозяйствованию была организованная швейцарскими рабочими в селе Новая Лава сельскохозяйственная коммуна, в которой наши земляки впервые увидели трактор и различные механизмы по переработке сельскохозяйственной продукции.



Фриц Платтен

Узнала я о швейцарских коммунах в 1982 году и сразу же начала собирать сведения о Фрице Платтене и созданных им коммунах «Солидарность» и «Согласие». Первым делом поехала в Новую Лаву, но там уже мало кто помнил о швейцарцах. Тогда, в начале 1980-х, в живых оставались единицы из тех, кто работал вместе со швейцарскими рабочими. Их в Новой Лаве так и называли – коммунарами.

С бывшей дояркой из коммуны «Солидарность» Анастасией Петровной Казаковой мы пошли на сельское кладбище, где стали искать могилу отца Фрица Платтена Петера Платтена. Её не было. Наконец Анастасия Петровна показала на бугорок и облегчённо вздохнула:

вот она. В том же году новолавинцы восстановили могилу отца швейцарского коммуниста Ф. Платтена.

От Анастасии Петровны я узнала, что в Москве жила Ольга Владимировна Свенцицкая, которая переписывалась с русскими коммунарами из Новой Лавы. Они передали ей не только свои воспоминания, но и сохранившиеся фотографии, письма, какие-то документы. О.В. Свенцицкая хотела сохранить память о Фрице Платтене и швейцарских коммунарах и написать книгу. Анастасия Петровна утверждала также, что Фриц Платтен в Новой Лаве написал книгу о том, как он перевёз В.И. Ленина из Швейцарии в революционную Россию в апреле 1917 года. Поскольку сама А.П. Казакова была малограмотной,

она приходила на громкие читки этой книги, которую Ф. Платтен подарил в 1925 году в избу-читальню. Избу-читальню тоже организовали швейцарцы – вскоре после своего приезда. Книгу Ф. Платтена после организации Радищевского района забрали в райком партии. На титульном листе рукой Ф. Платтена на немецком языке было написано, что он дарит её новолавинцам в знак благодарности за оказанную ими братскую помощь швейцарским коммунарам и призывает их к международной солидарности со всеми угнетёнными. К сожалению, книга эта позже была потеряна.

Анастасия Петровна рассказала также, что к ней на день рождения приходили швейцарцы, что были они



Фриц Платтен с женой Ольгой. 1912



Петер Платтен около его кукурузных насаждений. 1924

на свадьбе у Ивана Григорьевича и Евдокии Никифоровны Монаховых. Вспомнила и о том, что швейцарский агроном Эрнст Зюсс женился на новолавинской девушке, а молодой парень Л.Н. Данилин полюбил швейцарку Анну-Розу Бургер, и они поженились в деревне Васькино под Москвой, куда вслед за коммунарами уехал и Лаврентий.

Затем я поехала в архив города Сызрань. К моей радости в Сызранском архиве сохранились около трёхсот листов пожелтевших от времени документов, в которых скрупулёзно зафиксированы три с лишним года работы коммунаров на новолавинской земле. Из этих документов я многое узнала о хозяйственной деятельности коммунаров, но мало что почерпнула о самих швейцарских мечтателях, романтиках, решивших внести свой вклад в развитие новой деревни в республике, где власть принадлежала рабочим и крестьянам.

В Сызранском краеведческом музее я с увлечением прочла газетные статьи о жизни коммунаров, о взаимоотношениях швейцарцев с местным населением. Например, о том, что коммунары

взяли на своё обеспечение четверых новолавинских детей, оставшихся без родителей в голодном 1921 году. Одно из них, Мишу, усыновила швейцарская супружеская пара Пауль и Элиза Кристен. Несмотря на то, что у самих коммунаров было мало дойных коров, они подарили лучшую из них многодетной семье Борисовых, потерявших зимой 1924 года свою единственную кормилицу.

Узнав, что в Москве живёт сын Фрица Платтена, я решила установить с ним связь и очень обрадовалась его приглашению. Целую неделю я жила в их семье. И постепенно стала реально представлять, какими были Фриц Платтен, его отец и мать. Оказывается, Ф. Платтена в Новой Лаве называли Петровичем, так как отца сельчане «окрестили» Петром Андреевичем. Подтвердился и тот факт, что свою книгу «Ленин из эмиграции в Россию» «Петрович» писал в Новой Лаве, закончил её в Москве и уже в готовом виде показал своё произведение Н.К. Крупской, любезно предложившей написать к ней предисловие. Георгий Фрицевич подтвердил: в свой

очередной приезд в Новую Лаву Фриц Платтен действительно подарил свою книгу с автографом сельской библиотеке (избе-читальне). Она была издана на русском языке в 1925 году.

От Георгия Фрицевича я узнала много интересного о его отце, коммунах и коммунарах. Ведь Георгий в 15 лет и сам стал членом коммуны. Жил он в семье Эмилии Гофштеттер в коммуне «Согласие», ныне село Тёпловка Николаевского района. Он бывал в Новой Лаве, хорошо помнил похороны Петера Платтена, своего дедушки. Приведу его рассказ.



Ф. Платтен в гостях у семьи Фрика. Новая Лав. 1924



Вид на Новую Лаву со стороны швейцарской коммуны. В центре группа швейцарских коммунаров. 1925



– Дедушка умер 29 апреля 1925 года в возрасте 74 лет. Похороны его состоялись 1 мая, в Международный день солидарности трудящихся всех стран. Гроб швейцарского рабочего Петера Платтена несли на руках русские крестьяне, а следом возвышался над толпой транспарант с надписью «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Когда гроб опускали в могилу, собравшиеся – швейцарцы, новолавинцы, крестьяне близлежащих сёл – вполголоса запели «Интернационал». Песня крепла и летела над селом. Многие вытирали слёзы. Петера Платтена и Эрнста Графа любили все, кто их знал лично или по рассказам.

Об Эрнсте Графе я слышала впервые, поэтому заинтересовалась: кто это?

– Эрнст Граф – бывший военный из Базеля – приехал в Россию 27 марта 1924 года со второй основной группой коммунаров. Он похоронен на новолавинском сельском кладбище 18 июля того же года. Вместе со швейцарцами в похоронах приняли участие все жители Новой Лавы. Похоронили дедушку рядом с Эрнстом Графом, справа от него.

Мне стало не по себе: могила юноши не сохранилась. Но в 1983 году, к 60-летию создания коммуны, жители Новоспасского района поставили коммунарам мраморные памятники. Надписи выгравированы по тексту, составленному главой администрации Новоспасского района Александром Сергеевичем Вражновым.

После нескольких минут колебаний я спросила: «Не могли бы Вы объяснить мне, почему в Вашей фамилии одна буква «т»?»

– Это обычный вопрос, – улыбнулся Георгий Фрицевич, – меня часто об этом спрашивают. Когда оформляли

Швейцарские коммунары строят дом в Новой Лаве.

На ярмарку в Канадей. 1925

Ольга Владимировна Свенцицкая.
Середина 1960-х



мои документы по приезду в Россию, кто-то подсказал: на русском языке фамилия должна писаться с одной «т». Так и записали во всех документах. Но я не в обиде. Думаю, именно поэтому меня не арестовали в 1938 году после ареста отца. Наверное, посчитали, что мы не родственники.

Я поделилась с Георгием Фрицевичем Платеном своими опасениями, что, наверное, мне никогда не удастся поработать с архивом Ольги Владимировны Свенцицкой. Я даже не знаю, жива ли она.

– Почему не сможете? Очень даже сможете. Ольги Владимировны нет, но весь её архив теперь находится у её дочери Елены Иоасафовны Дружининой. Елена Иоасафовна продолжает собирать материал о Фрице Платтене и коммунарах. Нужно сказать, что она и её муж – учёные, историки. Елена Иоасафовна – член-корреспондент Академии наук СССР, а Николай Михайлович – академик. Я хорошо знаю Дружининых и познакомлю Вас с ними. И ещё: Николай Михайлович хорошо знал В.И. Ленина, поэтому я скажу ему, что Вы с родины

Ленина. Он будет рад. Николаю Михайловичу 99 лет, он болен, поэтому его не следует утомлять.

И вот 17 июня 1985 года в 16 часов мы с Георгием Фрицевичем подошли к двери квартиры Дружининых. Елена Иоасафовна была ученицей Фрица Платтена по институту новых языков. Её мать Ольга Владимировна Свенцицкая, единственная, не побоялась ходить по всем инстанциям с требованием освободить швейцарского коммуниста Фрица Платтена, когда того арестовали, обвинив в шпионаже в пользу нескольких государств. Она же, единственная, писала ему письма в лагерь для врагов народа и посылала тёплые вещи. Сохранились 19 писем Фрица Платтена к О.В. Свенцицкой после ареста (1938–1942 годов). Написаны они на немецком языке.

Так я впервые увидела документы о Фрице Платтене и созданных им коммунарах, которые впоследствии по решению самой Е.И. Дружининой почти полностью перекочевали в Радищево, а затем частично в Новоспасское и Ленинский мемориал в Ульяновске.

19 июня 1985 года в квартире Елены Иоасафовны и её мужа Николая Михайловича Дружининых при активном участии сына Ф. Платтена Георгия Фрицевича и ещё одной ученицы Ф. Платтена А.В. Щёкин-Кротовой было написано письмо секретарю ЦК КПСС Е.К. Лигачёву. В нём выражалась наша просьба поддержать нас в нашем желании восстановить село Новая Лава, признанное неперспективным, сделать его историческим памятником Фрицу Платтену и швейцарским коммунарам. Письмо оказало большое влияние на дальнейшую судьбу Новой Лавы. Впоследствии Е.И. и Н.М. Дружинины выразили огромную благодарность первому директору вновь созданного в 1986 году совхоза имени Платтена А.С. Вражнову и всем жителям села Новая Лава, с энтузиазмом взявшимся за восстановление села. К сожалению, 1990-е годы не позволили сделать село Новая Лава самым красивым в Ульяновской области, несмотря на огромные усилия жителей сохранить совхоз и уже почти отстроенное заново село. Печально сейчас смотрят окна двухэтажной школы без учеников и недостроенное здание детского сада.

В настоящее время в селе проживают около 400 жителей, к домам подведено газовое отопление, заново проведён водопровод. Верится, что село со временем станет живым памятником замечательному человеку Фрицу Платтену, отдавшему жизнь за счастье русских рабочих и крестьян, а также памятником 120 швейцарским рабочим, сменившим сытую благополучную жизнь в Швейцарии на тяжкие испытания в молодой республике рабочих и крестьян.

Я верю, что смогу когда-нибудь передать свой архив, точнее, архив О.В. Свенцицкой и семьи Дружининых, в краеведческий музей Новой Лавы. Такова была воля Елены Иоасафовны. Сейчас уже нет в живых ни Дружининых, ни сына Фрица Платтена, ни его учеников. Время бежит неумолимо.

За время поисков мне удалось уточнить дату рождения отца Фрица Платтена (1851) и количество швейцарских коммунаров на Ульяновской земле. Их было 72 в Новой Лаве и 48 – в селе Тёпловка. Основываясь на документах, я смогла поправить некоторые ошибки и неточности в изданных книгах и статьях о Фрице Платтене и созданных им коммунах.

11–12 ноября 2013 года в Новоспаском и Радищевском районах снимался



Георгий Фрицевич Платен (слева) и Фриц Николаус Платтен. Цюрих, аэропорт. 1957

документальный фильм о Фрице Платтене, выдающемся деятеле международного коммунистического движения, и созданных им на родине В.И. Ленина швейцарских коммунах «Солидарность» и «Согласие». Снимали фильм швейцарские кинодокументалисты Лёран, Катрин и Хелен (Елена) по заказу Швейцарского телевидения (СТР). Они объяснили цель своего приезда: в 2013 году исполнилось 130 лет со дня рождения Фрица Платтена (8 июля) и 90 лет со дня основания швейцарской коммуны «Солидарность» (15 октября) в селе Новая Лава Симбирской

губернии. Фильм пока не имеет названия. Он будет приурочен к 100-летию начала Первой мировой войны, снят на немецком языке и переведён на русский язык. Съёмки велись в селе Новая Лава, в Новоспасском районном краеведческом музее, где в экспозиции есть личные вещи Фрица Платтена, и у меня дома: снимали мой архив. В Новой Лаве съёмки проходили возле сохранившихся домов швейцарских коммунаров, а также на сельском кладбище, где похоронены отец Фрица Платтена Петер Платтен (1851–1925) и Эрнст Граф (1897–1924).

Фильм будет показан в немецкоязычных странах, в России, его можно будет увидеть в Интернете. Планируемая продолжительность фильма – 50 минут. Помимо кадров, отснятых в Ульяновской области, будут включены отрывки из кинохроники событий, в которых принимал участие Фриц Платтен. Больше всего швейцарских документалистов удивило то, что архив О.В. Свенцицкой и Дружининых, который они «долго и упорно искали в Москве», оказался в русской глубинке. Они отметили, что были тронуты тем, с какой любовью в России хранят память о Ф. Платтене и швейцарских коммунарах. Наши гости остались «совершенно довольны съёмками в России», рады позитивным переменам в русской деревне по сравнению с тем, что они видели во время съёмок в 1990-е годы.



Швейцарские кинодокументалисты на ульяновской земле и автор статьи (на фото внизу, слева). 2013



Мария Качалина,
р.п. Радищево

Фото из архива автора



Бивали купцов архитекторы

В сентябре 2013 года в Ульяновске прошла всероссийская научно-практическая конференция «Архитектор Михаил Коринфский: 225 лет со дня рождения» (организаторы – музей-заповедник «Родина В.И. Ленина», архитектурная мастерская «Симбирскпроект»). В конференции приняли участие более 20 специалистов из разных городов России по творческому наследию ярчайшего архитектора Поволжья. Впервые максимально полно были представлены документальные материалы и проекты, отражающие жизненный и творческий путь Михаила Коринфского.

Предлагаем познакомиться с одной оригинальной архивной находкой, сделанной журналистом **Мариной Уральцевой**.



Участник научно-практической конференции Е.И. Кириченко

В национальном архиве Татарстана мне попало одно интересное дело. Хотя, признаться, для меня в архивах всё интересно. Даже просто трогать шершавые листы, исписанные чернилами больше ста лет назад, – интересно. От человека, который выводил пёрышком всякие казённые слова, уже, наверное, и надгробия не осталось, а бумага – вот она. И таких бумаг – тома, стеллажи, многоэтажные хранилища. И в каждом документе мерещатся тайны и предвкушаются открытия.

А мне-то всё в новинку! Но даже видавшая виды сотрудница читального зала невольно отшатнулась, когда я раскрыла перед ней это архивное дело...

Там между страницами был шит перевязанный верёвочкой клочок длинных чёрных волос (на фото).



Дальше цитирую по тексту 1843 года.

«Дело об избииении купца Мелентьева архитектором Коринфским.

Его превосходительству господину исправляющему должность Попечителя Казанского университета, ректору, статскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому 3-ей гильдии купца Гаврилы Павловича Мелентьева всепокорнейшее прошение.

Подрядился я в Казанский университет слить для лестниц чугунные ступени<...>. По слитии оных ступеней доставил я в оный университет сего сентября 11 числа, но г. архитектор Коринфский по складке мною оных ступеней встретил меня в сенях, первоначально ругал меня всячески неизвестно по какой причине, <...> бил

по лицу меня руками, замахивался палкой с намерением ударить и потом, не удовольствуясь тем, схватил меня за волосы, таскал за оныя немилосердно с вытереблением с головы волос, <...> от какого побойства и испугу имею в голове сильную боль.

<...>Прошу вашего превосходительства через кого следует произвести надлежащее исследование и поступить с оным Коринфским за причинение мне побойства как законы его императорского величества повелевают».

А вот – предписание господину М. Коринфскому, архитектору Казанского университета № 203 18 сентября 1843 г. от ректора университета.

«Темниковский купец 3 гильдии Гаврилы Павлов Мелентьев в поданном мне прошении объясняет, что по занятию его с родным братом Темниковским купцом Михайлом Павловым Мелентьевым 5 части города Казани во 2-м квартале в слободе Ягодной при собственном брата его чугунном заводе – литием разных чугунных вещей, подрядился он с Вами слить в университет для лестниц чугунные ступени. По слитии таковых, по присланным от Вас через университетского сторожа моделям, которого он, Мелентьев, по имени и фамилии не знает, были доставлены им в университет 11 сего сентября, но Вы при складке тех ступеней, встретив Мелентьева в сенях первоначально ругали его всячески, неизвестно ему по какой причине, потом били по лицу его руками, замахивались и палкою с намерением ударить и потом, не удовольствуясь этим – схватили его за волосы, таскали за оныя немилосердно с вытереблением с головы волос. К чему Мелентьев

присовокупил, что при учинении такового побойства находились экзекутор университета Рылов и каменщик, укладывавший в том месте означенные ступени, который по имени и отчеству Мелентьеву тоже неизвестен, и что потом он, Мелентьев, вырвавшись от Вас, в то же время объявил о причинении ему Вами побойств оных, от которого побойства и испугу получил сильную боль в голове.

Объясняя это, Мелентьев при прошении представил пучок волос, которые будто бы Вами вытереблены из его головы, и просил сделать по сему законное исследование.

Уведомляя о сём Вас, прошу доставить мне против жалобы купца Мелентьева объяснение».

Через два месяца ректор делает следующее предписание г. архитектору университета Коринфскому № 249 от 15 ноября 1843: «Предписанием 18 минутиего сентября № 203 предложил Вам доставить ко мне против жалобы купца Мелентьева объяснение. Не получив этого объяснения до сих пор, прошу Вас поспешить в доставке мне оного».

А вот и последний лист в деле.

В своде законов издания 1842 года отображено: «Десятого тома свода законов гражданских, ст. 551. За бесчестие городского обывателя словом или письмом взыскивается с обидчика сумма, равная той, какую платит в тот год обиженный в казну и в городской доход, какого бы звания сбор ни был, за удар же рукою, хотя бы и без орудия, обидчик платит вдвое. 1785, апр. 21 (16188) ст. 21».

Архивное дело читалось, как повесть. Признаюсь, болела я за Коринфского – всё-таки он наш земляк.

Граница мира: память пограничников увековечили ПОТОМКИ

29 сентября 2013 года по инициативе жителя Старой Майны Ульяновской области Николая Захарчева на Памире установлена мемориальная табличка честь первого пограничного отряда – Шаджанского, в котором служили наши земляки-симбиряне. Табличка размещена в центре посёлка Мургаб Республики Таджикистан на том самом месте, где отряд стоял в 1892–1893 годах. В ходе экспедиции на Памир также найдено место, где в 1893 году был построен Памирский пост, второй погранотряд на Памире. До этого долгое время считалось (и считается до сих пор, так как результаты экспедиции официально не опубликованы), что именно Памирский пост построен на месте посёлка Мургаб. Но сделать эти открытия было не так просто: понадобился год исследовательской работы и месяц в экспедиции на Памире. Искали по воспоминаниям, фотографиям, документам и даже по очертаниям гор и особенностям местности, указанным в письмах тех лет.

Фото Николай Захарчев

Николай Захарчев зачитывает письмо памирцам от потомков генерала М. Ионова у мемориальной доски, установленной там, где стояли юрты Шаджанского отряда





«До этого на Памире не было ни одного памятного знака русским солдатам, – рассказал Николай Захарчев. – Мы нашли место, где стоял первый погранотряд, поставили первую мемориальную доску. Руководители Симбирской губернской общины Михаил Саунин и Павел Чувиллин поддержали проект. Симбирские общинники изготовили мемориальную доску, оплатили проезд и в течение всей поездки были в курсе событий. Уверен, это первое, но не последнее событие подобного рода».

Крупнейший населённый пункт в центре Памира посёлок Мургаб является самым высокогорным райцентром бывшего СССР: он расположен на высоте 3600 метров. Туда в поисках места расположения первого погранотряда и отправился Николай Захарчев, который по своей основной работе занимается охраной Старомайнского леса от болезней и вредителей.

В исторической литературе встречается также название «Памирский пост». Этот пост в 1893 году построил капитан Василий Зайцев (Зайцов), командир Сменного Памирского отряда, сменившего на Памире Шаджанский отряд. Ранее считалось, что Памирский пост построен на месте, где ныне расположен посёлок Мургаб, который и возник благодаря этому посту. Однако удалось выяснить, что Памирский пост находился в восьми верстах восточнее нынешнего Мургаба. К сожалению, от него осталось лишь полуразрушенное здание. Кстати, строительством обоих постов занимался военный инженер Адриан Серебренников, который свои первые знания по военному строительству получил в Симбирской военной гимназии.

Сначала собрали материалы и фото

Уникальными архивными документами и фотографиями из архива своей семьи, переданными в архив Института востоковедения Академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН), поделилась внучка геополитика и этнографа Андрея Снесарева Анна Андреевна.

Полезные сведения Николай Захарчев получил и от писателя из Петербурга Бориса Белоголового, изучающего тему освоения Туркестана. У него есть интересные публикации о жизни русского офицера Василия Зайцева, который писал с Памира подробные письма своей жене. «Из этих писем



Посёлок Мургаб

я выбрал интересные моменты, по которым можно было установить место, где стоял Шаджанский отряд», – рассказал Захарчев.

Например, из писем удалось узнать, что Шаджанский отряд стоял в восьми верстах от Памирского поста, а между постами было установлено географное сообщение. Следовательно, рассудил Захарчев, между Шаджаном и Памирским постом – ровная местность, позволяющая пользоваться связью с помощью зеркал. Все «версии» отработывались с ветераном погранвойск В. Сорокиным, который служил в Мургабском отряде и тоже увлечён историей этого подразделения.

В одном из архивов в Москве Николай Захарчев нашёл документы, по которым установил, что западнее отряда была гора, закрывающая его от ветров, а ширина ущелья в этом месте – 1,5 версты. Перед отправкой в экспедицию Захарчев ознакомился с военной картой Памира 1892 года, на которой была отметка «Шаджанъ». Также изучил уникальные фотографии, где запечатлено строительство Памирского поста и имеется надпись «Шаджан».

Сравнили силуэты гор по фотографиям

Имея все эти сведения, Николай Захарчев отправился на Памир. На месте поискам активно способствовали местные жители: руководитель Фонда им. Э. Кивикэса А. Бекмуроди, тележурналист Т. Гадомамадов, глава района М. Джоджаев, директор

турфирмы «Pamir-Fortess Co» У. Абибов и сотрудник Таджикского национального парка Т. Акёлов. Помогли и простые памирцы, которые делились своими версиями и воспоминаниями.

В Мургабе местные жители сразу же повезли гостя в кишлак Кони Курган: там, по их мнению, стоял первый пограничный отряд. Но Николай Захарчев не согласился с ними. Ведь одной из примет местонахождения Шаджанского отряда была гора с западной стороны, а кишлак, куда они приехали, стоял посреди широкого ущелья, далеко от гор.

Стали сравнивать старые фотографии гор с современными видами. Тогда и стало понятно, что пост Памирский стоял не на месте Мургаба, а на месте кишлака Кони Курган. Так и было найдено место, где стоял пост Памирский.

Найти место, где стоял первый отряд (Шаджанский), в котором служили симбиряне, помог практически детективный метод: имея географические данные местности, километры до предполагаемого места считали по спидометру. Они поехали в Мургаб и, остановившись возле погранотряда, посмотрели, сколько проехали. Оказалось: восемь километров – отсюда видно кишлак. «То есть всё совпадает: восемь вёрст, прямая видимость. А западнее – гора Пионерка, которая закрывает Мургаб от ветров», – вспоминает Захарчев. Далее оставалось только сравнить контуры по фотографиям. Они совпали один в один. Кроме поисков по фото, смотрели русло реки и замеряли ширину ущелья.



Офицеры и нижние чины Шаджанского отряда.
Среди них – капитан Поликарп Кузнецов (в центре фото, в шинели)



Сравнив линии горных хребтов на старых фотографиях и на местности, исследователям удалось определить место дислокации Шаджанского отряда (вверху) и Памирского поста (внизу)



Симбиряне несли службу в составе 2-го линейного Туркестанского батальона

Как рассказал Николай Захарчев, в архивах он обнаружил документы, подтверждающие нахождение симбирян в составе нижних чинов отряда. Так, есть приказ, подписанный командиром Шаджанского отряда капитаном Поликарпом Кузнецовым: «21 мая 1893 года. Отрядный врач вверенного мне отряда рапортом от сего числа донёс мне, что сего числа волею Божьей умер рядовой Шаджанского отряда 2-го Туркестанского батальона Ларион Чуралкин срока службы 1890 года, Симбирской губернии от воспаления лёгких.

Для погребения тела рядового Чуралкина назначается весь отряд, которому выстроиться на крепостной площади с ружьями. Вынос тела будет в 2 часа. При опускании тела в могилу взводу произвести залп».

Офицеры отряда являлись членами Императорского русского географического общества. Они одними из первых провели подробное описание Центрального Памира.

Несмотря на трудность службы, в отряде была организована метеостанция, а доктор Третьяков изучал влияние высокогорных условий на организм человека.

Шаджанский пограничный отряд поставил точку в «большой игре» Британии против России в Центральной Азии: владения нашей страны были окончательно закреплены. До этого ни Китай, ни Британия не имели постоянных военных постов в центре Памира. Там сложные погодные условия, в течение дня температура меняется от -30 до $+16$, высокогорье, и британские офицеры считали, что войска не могут оставаться в негостеприимном Памире позже конца августа.

Симбиряне прошли весь Памир вместе с генералом Ионовым

Помощь в поисках также оказала праправнучка легендарного генерала, «старого туркестанца» Михаила Ионова Наталия Кареева. Кстати, Николай Александрович удивляется, что имя Ионова в России почти никто не знает, хотя на Памире оно хорошо известно. Ионов совершил несколько походов на Памир, вытеснив оттуда Афганистан и Китай, и остановил притязания Британии на этот регион.



По его приказу были построены Шаджанский и Памирские пограничные посты. В те годы имя Ионова гремело на весь мир. Это был первый русский офицер, который со своими солдатами прошёл весь неприступный Памир с севера на юг, военным маршем вошёл в Индию, сделав то, о чём мечтали русские цари.

«В те годы Ионов командовал 2-м линейным Туркестанским батальоном, – рассказал Захарчев. – То есть можно утверждать с большой долей вероятности, что симбиряне были в числе тех, кто вместе с Ионовым прошёл весь Памир и прошёл по Индии, вызвав истерику в Британских газетах».



М.Е. Ионов. Фото из семейного архива Н. Кареевой

Внучка Михаила Ионова Елена Владимировна в начале XX века была замужем за предводителем дворянства Львом Молоствовым из Спасского уезда Казанской губернии. У него было много имений, одно из которых находилось в селе Кокрять (ныне – Старомайский район Ульяновской области).

На Памире хорошо относятся к русским

История Памира очень тесно связана с Россией. Николай Захарчев рассказал, что, несмотря на то, что пограничные войска России ушли с Памира, русских здесь помнят и очень хорошо относятся к России, пытаются сохранить

историю. Памирцы помнят и фамилии русских офицеров, служивших здесь ещё при царе. И это уважение чувствуется даже на бытовом уровне.



На Памире до сих пор с уважением относятся к имени Ленина. Улица его имени в Ишкашине

Памир – это единственный край бывшего СССР, жители которого писали открытое письмо Владимиру Путину с просьбой не выводить российские погранвойска с их территории. А в Хороге местные жители рассказывают, что в 2004 году при выводе российских пограничников с Памира в погранотряде долго не могли найти человека, который бы согласился опустить флаг России на флагштоке. Николай Захарчев признаётся: его удивляет то, что Россия сама, добровольно, уходит с этих мест. Хотя многие страны сейчас борются за влияние в этом регионе. И такая политика уже сказывается: молодёжь в Хороге всё больше тяготеет к английскому языку и западноевропейской культуре. «Упускаем мы Памир, нельзя так», – говорит Захарчев.

Экспедиция 2013 года на Памире была встречена очень тепло и с неподдельным интересом. «Многие должностные лица весьма высокого ранга помогали нам там, – отметил Захарчев. – Если бы с нашей стороны была поддержка властей, то это было бы весьма заметное международное событие на Памире (Россия, Таджикистан, Киргизия)».

До Памира занимался историей нашего края

«Основной темой было изучение заброшенных деревень нашей области», – рассказал Николай Александрович. – Теряя деревни, мы теряем целые пласты культуры, обычаи и традиции,

которые в других сёлах не встречаются. А сколько названий ушло от нас безвозвратно?».

По этой теме он работал с Всероссийским обществом «Энциклопедия Российских деревень». Также Захарчев много писал о нашем земляке, сказочнике Абраме Новопольцеве, изучал его родословную. Совместно с Российской академией сельского хозяйства (ВАСХНИЛ) организовывали и проводили Всероссийский год Новопольцева.

В Старой Майне установили мемориальную доску в честь пограничника Юрия Кологрева

Николай Захарчев рассказал, что в Старой Майне жил Юрий Кологрев, погибший на афганской границе. 12 июля 1993 года пограничная застава «Саригоры» на афганской границе совершила подвиг, отразив вооружённое вторжение на территорию Таджикистана регулярной армии Афганистана и вооружённой оппозиции. Захарчев познакомился в Интернете с участниками того боя. Оказалось, что в России до сих пор нет ни одного памятного знака его участникам. Тогда по его инициативе в Старой Майне увековечили своего героя. Идею поддержал директор техникума В.А. Ильин. Деньги собирали со всего СНГ.

Подытоживая, Николай Александрович рассказал, что сейчас в планах Симбирской губернской общины – проведение панихиды по всем служившим в Шаджанском отряде: «Мне кажется, это закономерный итог этой экспедиции. Современники, описывая быт первых памирских пограничников, очень сокрушались, что солдат хоронили без отпевания: «Слёзы выступают из глаз при звуке погребального пения. Вот и крест, наскоро сколоченный из оставшихся от построек брусков. Положили покойника в яму. Начальник отряда читает отходную и провозглашает вечную память, горнист играет погребение, барабан бьёт отбой». У нас уже есть Помяник с именами всех солдат и офицеров, служивших в Шаджанском погранотряде».

Юлия Узрютова

Фото из семейных архивов Н. Кареевой и семьи Снесаревых, переданных в архив Института востоковедения Академии наук (ныне Институт восточных рукописей РАН)



УЧИТЬ КРАЕВЕДЕНИЮ

В этом году Сенгилеевскому краеведческому музею исполняется 50 лет. Мы помним разные вехи жизни этого интересного музея. Было время, когда его статус никак не определялся, в 1980-е годы не было ни финансирования, ни штата, но музей развивался, фонды пополнялись новыми находками и уникальными экспонатами. Даже в трудные 1990-е здесь кипела жизнь – и всё это благодаря его создателю – Александру Ивановичу Солуянову, для которого бескорыстное служение обществу было выше всех благ. Сегодня музей носит его имя, а дело замечательного историка-краеведа продолжают достойные преемники. В 2010 году музей получил статус самостоятельного юридического лица, а в 2013 году вошёл в состав Союза музеев России.

Когда весной 1996 года мы впервые посетили Сенгилей, на крыльце краеведческого музея нас встретил его основатель Александр Иванович Солуянов. Уже тогда музею было более 30 лет, и все эти годы Александр Иванович оставался хозяином и главным хранителем музейных редкостей. Невозможно забыть, с какой любовью и благоговением показывал он свои сокровища, как беспокоился о будущем музея, трезво понимая, что земной его путь подходит к концу.

В тот весенний день мы увидели в музее много разных посетителей. Это и школьники, нашедшие на берегу Волги необычный экспонат – старинную пуговицу с российским гербом, и друзья-фронтовики А.И. Солуянова, среди них – поэты Михаил Небыков и Сергей Осипов, художник Виктор Иванович Надеждин, чьи картины украшают сегодня краеведческий музей. Жаль, что нет с нами этих неординарных людей, настоящих русских интеллигентов.

После ухода из жизни А.И. Солуянова, чтобы сохранить дело отца, музей возглавляла его дочь, Лариса Александровна

Захарова. Она прекрасно знала фонды и историю каждого экспоната – всё это было ей дорого.

На этот раз в музее нас встретили директор Наталья Владимировна Кольцова и её помощник, археолог Юрий Владимирович Крылов – настоящие подвижники краеведения.

Юрий Владимирович увлёкся археологией и краеведением в начале 1980-х годов: как пришёл однажды к Солуянову, так и остался при музее и вот уже 30 лет служит этому делу. Некоторые из его находок признаны историками уникальными.



Археолог Ю.В. Крылов

Наталья Владимировна Кольцова возглавила музей в 2006 году, а до этого работала здесь же смотрителем и экскурсоводом. Работу свою любит, много сил отдаёт имиджевому продвижению музея и его фондов. Вместе с Юрием Владимировичем выпускает «Краеведческие записки Сенгилеевского района», которые пользуются большим спросом у населения. Всего выпущено уже семь книг по разной тематике: галерея ветеранов, выдающиеся люди района, сенгилеевские населённые пункты – работа над краеведческими записками продолжается.



Директор музея Н.В. Кольцова



Бенефис музейных раритетов

«Бенефис музейных раритетов» – так называется совместный проект Ульяновского областного краеведческого музея и негосударственных музеев региона, приуроченный к Году культуры в Российской Федерации.

В течение 2014 года музейщики будут выявлять наиболее редкие и уникальные экспонаты с необычными историями и легендами, хранящиеся в музеях Ульяновской области. Для атрибуции и дополнительного описания раритетов будут привлекаться специалисты из профильных вузов и центральных музеев. А уже в декабре, ко Дню отечественной истории в Ульяновской области, все эти экспонаты будут представлены на большой межмузейной выставке.



Поддержал этот замечательный проект и «Мономах»: в течение 2014 года «Бенефис музейных раритетов» будет представлен в каждом выпуске журнала, а открывает проект Сенгилеевский краеведческий музей, отмечающий свой полувековой юбилей.

Сенгилеевский краеведческий музей

Деревянное кресло в русском стиле

Украшением и гордостью Сенгилеевского краеведческого музея является деревянное резное кресло в русском стиле. До революции оно стояло в здании земской управы. В музей поступило от Прокудина Геннадия Ивановича. Именно с этого кресла началась история Сенгилеевского краеведческого музея.

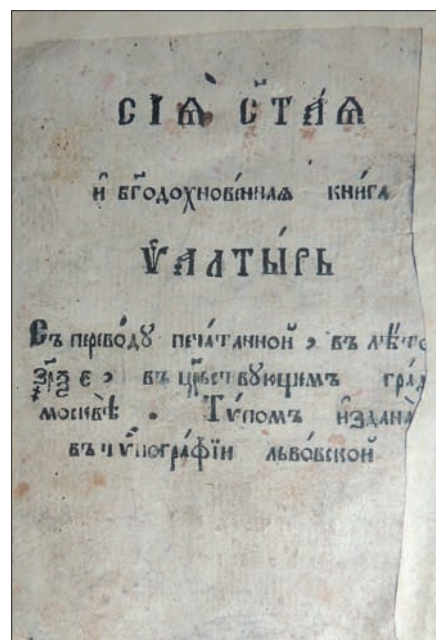
Выполнено оно по проекту петербургского мастера Василия Петровича Шутова около 1870 года и имеет условное название «Дуга, топор и рукавицы». Конструктивные детали, из которых сконструировано кресло, представляют собой атрибуты крестьянского быта.

Такое кресло было очень популярно в разных слоях общества. Даже

император Александр III приобрёл вариант этого кресла для своей коллекции. Кресло послужило образцом для различных вариаций, изготавливавшихся в течение четырёх десятилетий разными мастерами.

Старообрядческий псалтырь конца XVIII века

В 2013 году в музей поступила интересная книга – Псалтырь 1653 года, переизданный для старообрядцев в конце XVIII века. Книга была подарена Сухоруковым Николаем Алексеевичем, жителем села Елаур. Благодаря помощи сотрудника Ульяновского областного краеведческого музея Гисматуллина Марата Рашитовича по водяным знакам на бумаге было выявлено, что книга напечатана в самом начале 1790-х годов.



Интересна история этой книги. По словам Н.А. Сухорукова, книга проделала огромный путь из казацкой станицы Краснодарского края в город Тольятти, потом владельцы переехали в село Елаур, а в 2013 году последний владелец подарил её в районный краеведческий музей.

Офицерская кираса времён Павла I

В 1965 году в музей поступила офицерская кираса времён Павла I (конец XVIII века). Железная кираса покрашена чёрной масляной краской, по краям украшена бронзовой (латунной) оправой с остроконечными гвоздями. На груди государственный герб с двуглавым орлом и военной атрибутикой (трубы, пушки, знамёна).



Экспонат передал в музей Емельянов Вячеслав Иванович из Москвы.

Клад ювелира

Раннее утро. Ювелир открыл свою небольшую мастерскую и принялся за повседневную работу.



Накануне ему принесли в починку сломанный серебряный браслет. Но вдруг раздались звуки набата: на город напал враг.

Ювелир в спешке сгрёб всё самое ценное в небольшой горшочек, попавшийся под руку, сверху положил три браслета, два височных кольца. Завернул горшочек в ткань и в спешке закопал у порога своей мастерской. Затем, быстро собрав семью, побежал в сторону укрепленного города, куда уже сбегались остальные жители. Расстояние небольшое, но ещё нужно перебраться по мосту через речку Тушёнка с её крутыми берегами...

Мы не знаем, сумел ли хозяин клада вовремя добраться до дегинца. Враг сжёг посад и осадил город. Хозяин клада погиб или попал в плен, а клад пролежал в земле 900 лет...

В 1986 году в Сенгилеевский краеведческий музей поступила интересная находка. На Выборной стороне города был найден клад серебряных ювелирных украшений. Кто принёс эту находку в краеведческий музей — неизвестно, поэтому мы так и не знаем точного местонахождения этого клада.

Изделия находились в небольшом глиняном горшочке жёлтого цвета с продольным лощением, горшочек сохранился не полностью. Высота горшочка 82 мм, диаметр дна 55 мм. В нём находились три плетёных серебряных браслета с синими вставками из лазурита, два височных кольца, одно из них с двумя бусинами, другое, сломанное, с одной, и ещё некоторое количество серебряного лома (обломки изделий, кусочки серебра, три мелких обрезка западноевропейских денариев). Общий вес клада составляет около 450 граммов.

Вместе с изделиями в сосуде была чёрная земля и мелкие кусочки древесного угля. Такой набор серебряных предметов вместе с браслетами указывает на то, что клад был зарыт в очень большой спешке, скорее всего, при неожиданном нападении на город неприятеля.

Браслеты изготовлены из толстой серебряной проволоки. Основания оправ двух браслетов окаймляют треугольники из крупной зерни, а у третьего, наиболее массивного, ещё и крупная скань. Подобные браслеты датируются XI–XII веками. Лазуритовые вставки у одного браслета утрачены уже в наше время.

Височное кольцо с одной бусиной украшено сканью, у второго височного кольца бусины гладкие.

Мы датируем сокрытие клада XI веком, так как на территории Сенгиля и нашего района на городищах чаще всего попадаются бронебойные наконечники стрел XI века, что указывает на какой-то крупный военный конфликт, произошедший во второй половине XI века.

Шумящая коньковая подвеска

В 2008 году на территории Бураского городища, в осыпи южного склона, недалеко от оборонительного вала была найдена медная (бронзовая) шумящая подвеска с коньками мерянского типа, датируемая X – началом XII века. К подвеске снизу к круглым петлям прикреплены 11 привесок в виде колокольчиков. Ширина подвески 115 мм, высота вместе с привесками 84 мм.



На территории соседей мери находки коньков этого типа очень редки. Мерянские женщины носили их на плече (преимущественно на правом) или на груди, пришитыми к одежде. Привески служили амулетами, связанными с культом коня.



Бабушкин сад

Не так давно вступили в силу новые санитарные правила, согласно которым в детских садах теперь запрещается иметь рыбок, птиц и животных. Делается это с целью оградить детей от микробов и заразы. Кандидат биологических наук **Елена Благовещенская** считает такие запреты немудрыми и даже опасными. Аргументируя свою точку зрения, она рассказывает о своём детстве.

Фото Геннадия Красноплёрова



Если ребёнок лишён общения с живой природой, невозможно воспитать в нём такие качества, как доброта, гуманное и бережное отношение к природе, ко всему живому. Эти качества формируются в раннем возрасте. Люди, лишённые в детстве общения с живой природой, вырастают злыми, жестокими, равнодушными. У них не возникает желания любоваться красотой природы, наблюдать за её интересной и увлекательной жизнью, они живут как роботы в каком-то синтетическом мире.

Моим детским садом стал бабушкин сад. Как приятно было находиться в нём в любое время года! У меня была возможность наблюдать за пробуждением природы весной, начиная от первых проталин в марте, радоваться появлению молодой травы, проснувшимся после зимы насекомым. В конце апреля распускались сине-голубые сциллы. Их посадил мой отец-биолог в день моего рождения, и с тех пор сциллы стали самым главным подарком для меня в этот день.

Вскоре сад становился бело-розовым от цветущих яблонь, слив и вишен. И как приятно было отдыхать после обеда под ними, когда на лицо падали мягкие ароматные лепестки, овеваемые тёплым, ласковым ветерком. Потом наступало жаркое лето,

наполненное запахом многочисленных цветов, свежей густой травы, ароматом первых ранних яблок, наблюдениями за жизнью насекомых, для которых сад становился родным домом.

Не менее прекрасным сад оставался и осенью – как в золотую пору, так и в самое предзимье, когда казалось, что уже нечем любоваться. Но мне было интересно находиться здесь и в самые хмурые, серые дни. А потом наступала зима, сад утонул в сугробах, которые так красиво искрились на зимнем солнце. Было так хорошо, свежо и радостно гулять в зимнем саду, любоваться птицами и наблюдать за их жизнью.

И, конечно же, у нас всегда были кошки и собаки. Постоянное общение и игры с домашними животными были частью моей жизни. Такое детство я называю счастливым, поскольку у меня никто не отнимал возможности общения с настоящей природой, с её жизнью. Как хорошо, что мои родители-биологи и бабушка, работавшая в молодости сельской учительницей, понимали это и привили мне любовь к природе.

А что видят дети сейчас? С приходом весны они лишены возможности любоваться пробуждением природы. Трава скашивают до самой земли, не давая

ей расти, деревья спиливают, животных уничтожают. И всё это на глазах у детей. А теперь и в детских садах исчезли все живые существа. Такое раньше в голову никому не приходило. Было время, когда у каждого детского сада была дача, на которую на всё лето вывозили детей. Вот это действительно была забота о детях! Они три месяца жили на свежем воздухе, у них была уникальная возможность жить на природе и общаться с ней. Никто не отнимал у них этого права, и они возвращались в город окрепшими, загоревшими, полными впечатлений от непосредственного общения с насекомыми, птицами и животными. От близости к живой природе ребята становились добрее и внимательнее к окружающему миру.

Вот какие традиции надо бы возрождать, а не прятать детей от природы подальше. Можно подумать, они станут от этого здоровее. Как раз наоборот! Держать детей в стерильной чистоте неправильно и вредно. Только естественная среда сделает их здоровыми и крепкими. Дети болеют не от общения с рыбками, птичками и животными, а от того, что неправильно питаются. Нужно серьёзно задуматься о здоровой пище, ужесточить санитарные правила, а не отнимать у детей их законное право на общение с живой природой.

Радетельницы просвещения

Имена известных ульяновских подвижниц – М.Д. Вёховой, В.В. Кашкадамовой, А.Ф. Щербо – связаны с родиной моей мамы, деревней Буйковка (ранее Тагайского, а ныне Майнского района) и с парой близлежащих деревень. Моя мама, Екатерина Хрисанфовна Нецветаева, стоявшая у истоков ульяновского экскурсбюро, активно занималась разработкой краеведческой тематики. Естественно, что в Ульяновске 1960–70-х годов главенствовала ленинская тематика, а один из её разделов назывался «Круг друзей и знакомых семьи Ульяновых». Одной из самых ярких фигур этого круга была В.В. Кашкадамова, которая

первая сообщила Володе Ульянову об аресте его брата Саши. Волею судьбы Вера Васильевна практически ежегодно гостила в Буйковке у своей подруги М.Д. Вёховой, и обе они неоднократно бывали в крестьянском доме маминых родителей, поэтому для мамы это живые конкретные люди. Неподдалёку, в деревне Грязный Ключ, в 1898–1925 годах учительствовала их общая подруга А.Ф. Щербо, гимназическая подруга Ольги Ульяновой, сестры В.И. Ленина. Эти три женщины внесли весомый вклад в народное просвещение и культуру Симбирской губернии.

В своих воспоминаниях мама рассказывала о родных местах, которые дороги

и мне. Годы войны мы с мамой провели в Буйковке у её родителей. Что может быть счастливее школьных каникул? А протекали они там же, у речки Бирюч, в одичалом саду Вёховой и, наконец, в её доме, где мне памятна каждая комната, потому что в этом доме жил мой неразлучный друг Виталик. И не раз дедя и бабуся (так звали их мы, внуки) уважительно поминали имена Марфы Дмитриевны и Веры Васильевны.

Представляю на суд читателей воспоминания моей мамы, Екатерины Хрисанфовны Нецветаевой.

Лев Нецветаев

Воспоминания о замечательных женщинах – М.Д. Вёховой, В.В. Кашкадамовой, А.Ф. Щербо – это рассказы моих родителей Хрисанфа Николаевича и Марии Елисеевны Егоровых, рассказы и записи моих братьев и сестры Анны Хрисанфовны Кудашевой, рассказы воспитанницы В.В. Кашкадамовой – Марии Ивановны Герасимовой, письма Марфы Дмитриевны, переданные мне Марией Ивановной, литературные источники и пока единственный архивный документ.

Марфу Дмитриевну Вёхову я помню с тех пор, как стала помнить себя и окружающих меня людей. И всегда Марфа Дмитриевна и Вера Васильевна Кашкадамова составляли единое целое. Веру Васильевну знают по кинофильмам, литературе о семье Ульяновых как ближайшего друга этой замечательной семьи. А то, что она была

Вера Васильевна Кашкадамова



близким другом Марфы Дмитриевны, знают только жители моей родной деревни Буйковки. Если с Ульяновыми, людьми высокообразованными, передовыми для своего времени, она была одного круга, то невольно напрашивается вопрос: а чем же её привлекла Вёхова, небогатая помещица, жившая в глухой деревушке, протянувшейся вдоль узенькой ленты реки Бирюч?



Марфа Дмитриевна Вёхова

Буйковка. В конце дороги дом Вёховой. Стрелка указывает место, где когда-то стоял наш дом. Фото 1980-х





В «Ульяновской правде» за 17 апреля 1979 года было напечатано стихотворение А. Мердеева «Река детства».

*На карте России незрима,
Прозрачна, как солнечный луч,
Меня она манит, как диво,
Река под названием Бирюч.
Дни детства умолкли, как струны,
Но всё же, годам вопреки,
Весёлые помнятся струи
Из детства текущей реки.
И если судьбина не нежит,
Покажется, что неvezуч,
Не свёртывай парус надежды,
Поднятый на речке Бирюч!
Пусть всюду с тобою придёт,
И здесь, и в далёкой дали –
Бирюч – капиллярный сосудик
Твоей неоглядной земли...*

Мой отец,
77-летний Х.Н. Егоров,
накосил и привёз сено
к нашему дому.
1954



В книге П. Мартынова «Селения Симбирского уезда», 1902 г., сказано:

«Основателями деревни Буйковки были «Синбиряне Данила, Яков и Архип Семёнович Буйковы. Часть земли и деревни принадлежала только Даниле Буйкову и состояла только из одного двора (7 человек) и называлась «Буйковка часть однодворцев»... Другая часть Буйковки принадлежала одному только канцелярису Василию Петровичу Чуфарову; за ним числилось... 6 крестьянских дворов (20 мужчин, 16 женщин) и 70 десятин 2237 сажень земли. Чуфаров продал эту землю, с мельницей, крестьянам Дмитрию и Якову Вёховым, наследники коих и поныне состоят помещиками при д. Буйковке».

Вот этой наследницей и была Марфа Вёхова. Необычное применение ею своего капитала и стиль её жизни резко выбиваются из привычного образа деревенских богачей. Не исключено, что несчастный случай (речь о нём впереди) отвёл её от пути растворения в заботах о чисто семейном благополучии. Сильный характер направил её душевные силы вовне: научить грамоте максимальное число деревенской детворы. На средства Вёховой были выстроены помещения трёх школ: Буйковской (1901), Грязноключевской и Дубёнковской (обе – 1898), она же оплачивала и работу учителей. В этом рвении её не могла не поддерживать такая яркая фигура народного просвещения, как В.В. Кашкадамова (1858–1931) и её соратницы. Сложился целый кружок единомышленниц, увлечённых пропагандой образования, грамотности да и просто культурных навыков в глухих отдалённых деревнях. Марфу Дмитриевну хоть и называли помещицей,

а по сути дела это была лишь богатая крестьянка, а М.И. Герасимова называла её «хуторяжкой». М.Д. Вёхова, несомненно, была незаурядным человеком, как и её подруги.

Мои братья Пётр и Фёдор Егоровы (один – преподаватель академии Генштаба, второй – генерал-майор танковых войск, а тогда – крестьянские подrostки) по моей просьбе написали свои воспоминания, которые неоднократно буду цитировать. В них помимо ценных краеведческих деталей воскресает сама тёплая задушевная атмосфера, окутывающая этот кружок своеобразных «народниц».

Брат Фёдор пишет: «Вёхова была образованной женщиной. Я хорошо помню, как к ней зимой и особенно летом приезжали на отдых Кашкадамова Вера Васильевна со своей воспитанницей Герасимовой Марией Ивановной, сёстры Медведевы: Мария Григорьевна (позже – директор Дворца книги) и Анна Григорьевна, из Сиуча – Прибыловская с семьёй (Соней, Борисом), жена священника из г. Кимры Варвара Андреевна Лезина, врач по образованию, с дочерью, тоже врачом, а также Давыдова Прасковья Дмитриевна (сестра Марфы Дмитриевны) с дочерью Верой».

Брат Пётр вспоминает: «Приезд из города большого количества интеллигенции был для нас самым большим событием в жизни. Это вносило так много нового, интересного и неожиданного в жизнь всех деревенских ребят вообще и в мою в частности. В самом деле, что можно было услышать или увидеть в деревне за долгую зиму? Ни библиотеки, ни клуба, ни радио. Глушь. А тут приезжали из города с книжками,

игрушками, а главное, организовывали самые интересные весёлые игры, каких дети в деревне не знали и не видели. Цельными днями пропадали мы у дома М.Д. Вёховой. Каким приятным моментом было для паренька получить на дом книжку, газету или журнальчик. Ведь нигде в округе нельзя было найти ни одной хорошей книги».

Работа в поле, в яслях – всё это как ничто другое сближало интеллигенцию из города с трудовыми людьми деревни, создавало большое уважение к городским. Ведь раньше приезжих из города называли господами, а тут стали смотреть как на внимательных, близких друзей».

В годы Первой мировой войны Марфа Дмитриевна вместе с Верой Васильевной открыли в Буйковке «Трудовой школьный санаторий» для преподавателей и воспитанниц гимназии. О необеспеченных гимназистках она говорила Вере Васильевне: «Привозите на подножный корм». Преподаватели и гимназистки старших классов помогали крестьянкам-солдаткам, особенно многодетным, в летнюю страда убирать урожай. Прежде чем я прочитала об этом в книге Карамышева «Народная учительница Герой Труда В.В. Кашкадамова», я слышала об этом от сестры, Анны Кудашовой, всю жизнь прожившей в деревне и сохранившей живой народный язык. Вот её рассказ:

«На жнито приезжали гимназистки. У нас работали Аня, Наташа, Нина (одна группа жнёт, другая отдыхает). Наташа была беленькая, красивая, Аня – чёрненькая, горбоносая. Дошла очередь до нас (они поочередно по домам ходили к тем, у кого нет работников, к одиноким и к тем, у кого много детей).

Наташа в первый же день порезала палец (а она ловкая была жать!). Сняли с головы платок (а он белый, как кипенный) и завязали палец им. А я думаю: таким платком завязывает, а ведь в нём только в церковь ходить!».

В это же время Вёхова и Кашкадамова организовали при буйковской школе ясли, куда матери-солдатки с охотой приносили своих детей, а сами могли спокойно работать в поле. Няньками и воспитательницами были учительницы и ученицы, которые обеспечивали надлежащий уход, чистоту, хорошее питание. Ясли быстро завоевали популярность среди жителей Буйковки, Растовки, Гафидовки и Шишовки. Сестра Нюра рассказывала, что «детей приносили в ясли, где одевали на них розовые рубашечки, а пелёнки были розовые с белой полоской. Большие длинные плетёные корзины были вместо кроваток». Всё это было куплено Марфой Дмитриевной. Она же закупила серпы, потом раздала их крестьянам. Два серпа нам достались: один с синей ручкой – Феде, а с красной ручкой – Нюре. Она с ним и замуж вышла.

Ткацкая, стоявшая во дворе, превращалась в общежитие для приехавших из города учительниц и гимназисток (Вера Васильевна жила в доме Вёховой). М.И. Герасимова вспоминала, что проснувшись утром, они всегда видели стоявший на окне кувшин с парным молоком.

Земли у Вёховой, по словам брата Петра, было 20–30 десятин. Группу, которая принимала непосредственное

участие в жатве, возглавляла М.Д. Вёхова, а группой, занятой яслями, руководила Вера Васильевна. Они же проводили большую просветительскую работу. В доме Вёховой была аптечка, где можно было получить и помощь, и необходимое лекарство.

Брат Пётр писал мне: «Не без прямого участия Веры Васильевны в доме Вёховой была создана своего рода библиотека, где можно было в любое время года взять почитать Некрасова и Тургенева, Гончарова и Аксакова, Толстого и Горького». В Буйковской школе Марфа Дмитриевна ежегодно «устроивала ёлку для крестьянских детей, – рассказывает моя сестра Анна, – а чтобы все могли видеть ёлку, в раздалке разбирали дощатую стенку. На каждого ребёнка давали ситцу. Мама говорила, что у кого много детей, несли целые сувёи (большие свёртки)».

Брат Фёдор: «В Буйковке нас: брата Петю, Нюру, меня и Васю – учила Александра Николаевна Фёдорова. Может, наше счастье, что школа у нас была рядом, и мы сумели её закончить, а это открыло путь, хоть и тернистый, в дальнейшей жизни».

По словам Марии Ивановны Герасимовой, они стали приезжать в Буйковку с 1912 года, а познакомились Вера Васильевна и Марфа Дмитриевна ещё раньше. По возрасту они были примерно одних лет. Марфа Дмитриевна окончила гимназию в Симбирске. Отец Марфы отдал её учиться, чтобы она была ему помощницей, мотивируя это тем, что «замуж тебя всё равно никто

не возьмёт». Надо сказать, что у Марфы Дмитриевны был перебит нос.

В начале 1960-х годов Мария Ивановна рассказала мне, что Вера Васильевна каждое лето уезжала на «учительскую дачу» в село Жадовка, где был деревянный двухэтажный дом, была кумысная, был также домик в три окна. Основана дача была на пожертвования Знаменской и Вёховой, был у них избран совет. Вот на этой даче она и познакомилась с М.Д. Вёховой.

«Она была большой лошадицей, – рассказывала Мария Ивановна, – а тут у её любимой лошади заболело копыто. Она взяла ногу лошади, стала смотреть, что с ней. Лошади, видимо, было очень больно; вырывая ногу, она ударила копытом по лицу, удар пришёлся на нос». Отсюда было гнусавое произношение. Наверное, она вообще красавицей никогда не была. Но сколько она сделала доброго, хорошего для народа! Почти полвека прошло после её смерти, а вспоминают о ней только добрым словом. Вот пример: в ноябре 1979 года был у меня редактор районной цинцинской газеты «Заря коммунизма» Романов. Разговорились и о Вёховой. Он удивлялся, что в какую бы деревню ни приехал, о Вёховой говорят только хорошее, помнят её. Зная тяжёлую жизнь крестьянскую, она всячески старалась помочь народу. За это-то её любили и уважали жители Буйковки, от мала до велика.

Сестра Анна: «Не дожёмся, когда приедут из города. Мы были крестьянские дети, и то они нами не браковали.



Хрисанф Николаевич и Мария Елисеевна Егоровы с дочерью Екатериной и сыном Григорием



Братья Фёдор, Григорий и Василий (внизу) с сестрой Анной



Как только приедут Вера Васильевна, Варвара Андреевна, Мария Григорьевна, Анна Григорьевна, Мария Ивановна, дети бегут на луга, там Мария Ивановна всякие игры организовывала. А мы радёхоньки. С Верой Васильевной все и взрослые здороваются, останавливаются, она обязательно всё спросит, как ваши детки.

Лето, жара, а они (В.В. и другие) закаляются: лежат за тёсом, где их не видно, на головы полотенца положат. Нам в такую жару полежать бы или посидеть в холодке – вот мы и удивлялись, как это им охота на солнышке лежать. Зимой, во время каникул, Мария Ивановна Герасимова на лыжах каталась. Поднимется по горе к Дубёнкам и несётся оттуда. У нас из дома это хорошо было видно».

Жила Марфа Дмитриевна в небольшом одноэтажном деревянном доме, построенном в конце XIX века (к сожалению, в 1979 году его продали на снос). В доме было 3 комнаты: зал и две небольшие комнаты (в одной из них размещалась В.В. Кашкадамова во время летних или зимних каникул). На зимнее время, когда не было гостей, зал в целях экономии не отапливался, дверь туда закрывалась. Три входа было в дом: с улицы, со двора и из сада. Небольшой коридор делил дом на две половины: в одной – жилые комнаты, в другой половине – небольшая кухня с русской печью. Со стороны двора к дому примыкала большая терраса, где в летнее время Марфа Дмитриевна и её гости пили чай, завтракали, обедали. Крыльцо, наподобие балкона, выходило в сад. Сад был большой, вдоль ограды обсажен большими тополями, сохранившимися до наших дней. Вдоль сада проходила сиреневая аллея, где царил образцовый порядок. Большой участок занимала малина. Папа в течение нескольких лет арендовал сад: рабочих рук стало достаточно (сыновья выросли, старший Пётр – женился). Условия аренды были таковы: все работы садовые (окопка яблонь, опрыскивание, подрезка малины) и охрану сада выполняли мы, урожай делился так: треть яблок – нам, остальное и малина – Марфе Дмитриевне.

Один год сад арендовал Пётр Иванович Афанасев, потом Вёхова доверяла его только папе, человеку исключительной честности и трудолюбия. Папу она знала хорошо и высоко ценила эти качества в нём. Папин брат – Григорий Николаевич – работал у отца Марфы Дмитриевны, потом у неё. Тогда таких работников называли батраками.

Хрисанф Николаевич и Мария Елисеевна Егоровы с дочерью Екатериной и внуком Львом. 1948



Когда 8-летним мальчиком папа остался круглым сиротой, брат его взял на барский двор. На барском дворе в качестве батрака ему суждено было поработать 18 лет!

Батраки между собой жили очень дружно, называли друг друга «братками» (раньше так уважительно называли старшего брата). Помню, как в послевоенные годы один из бывших батраков заезжал к папе, вспоминали свою молодость и по-прежнему называли друг друга братками. Никто из них не курил и не пил. Папа рассказывал, что когда нанимали работников, то первым делом отец Марфы Дмитриевны просил показать руки. Если пальцы жёлтые (от махорки, от курения) – не брал, хоть золотой будь. А объяснялось это просто: курящий может стать причиной пожара, да и отвлекает курево от работы. Папа всю жизнь был некурящим, что передалось сыновьям и даже внукам.

Хутор размещался за Грязным Ключом, у леса, оттуда был перевезён и пересажен сад. Я до сих пор помню, где какие яблони росли, ведь мы с младшим братом Гришей составляли «военизированный отряд», охраняли (как тогда говорили, караулили) сад. Гриша на правах старшего командовал: «Иди к Андрею боку, посмотри, иди в Сугутиху (название овражка)... и т. д.» – бежишь, смотришь, не залез ли кто, не рвут ли яблоки.

Сорта яблок: апорт, анис алый, анис полосатый, скрижапель (удивительный сорт, яблоко всё пронизано красными жилками, как наливное всё, просвечивается), дёлга, стебёлка (я пишу названия сортов так, как мы произносили их, как слышали от родителей), мирончик (около шалаша было такое дерево), антоновка, хорошавка белая и хорошавка красная. Хорошавка – зимнее яблоко, снимали осенью, осторожно, руками. Сад занимал большую площадь. Яблоко липовка – как медовые были.

Когда был сильный ветер, нам с Гришей работы хватало. Все опавшие яблоки нужно собрать, снести к шалашу, где были отгорожены досками сучеки. У шалаша продавались яблоки, в роли продавцов были мы. А основная масса яблок развозилась на лошади по деревням.

После ужина нас сменяли взрослые – папа и братья. С того времени и до конца жизни папа не мог жить без ружья. С ружьём папа был осторожен, а вот Федя как-то пошёл в сад, но сначала шутя целился в маму (а мама ружья боялась, хоть она и говорила «Феденька, брось баловаться!» – где там!). Потом бежит домой, весь белый от страха: «Мамочка, ружьё-то было заряжено! Ведь я бы убил тебя!». Оказывается, решил пострелять собаку – и получил хороший урок: с ружьём шутики плохи.

В марте 1965 года брат Пётр писал: «Вера Васильевна иногда заходила к нам в дом и вела добродушные разговоры, с каким-то близким и располагающим к себе добрым чувством. Наш отец был постоянным, как бы «избранным» человеком, который в установленное время привозил Веру Васильевну и других гостей их города и отвозил обратно на своей лошади. Даже когда отец был взят на войну (1915–1917 годы), заменив его, мать ездила сама с гостями.

По-честному говоря, бывали такие моменты, когда у меня на сердце появлялась какая-то лёгкая и приятная, по-детски наивная гордость. Я тогда думал: «Вот ведь, только к нам зашла Вера Васильевна. Наш отец достоин чести всегда ездить с ней. Зачем бы ей к нам... Никаноровы побогаче нас, а нет...». Мне хотелось, чтобы она всегда заходила к нам. Особенно приятно мне вспомнить одно из таких посещений, которое глубоко запало и осталось у меня в памяти навсегда.

...Это было в середине июля 1914 года. Наша семья работала на гумне.

Шёл первый обмолот ржи к севу озимых. Время было далеко за полдень, к вечеру. Совсем неожиданно на ток пришли Марфа Дмитриевна и Вера Васильевна. Поэтому работа тут же на время была приостановлена. Для всех, кто работали на току, было интересным и приятным появление таких посетителей. Однако чувствовалась некоторая общая неловкость, стеснённость при виде столь высоких и уважаемых людей. Но такое состояние было, пожалуй, недолгое, мгновенное, когда послышались приветственные голоса:

– Здравствуйте, бог на помощь, – улыбаясь, сказали одновременно обе гостьи. – Вы извините нас, что мы оторвали вас от работы, но мы долго не задержим. Сами знаем, время сейчас дорого, – быстрым, несколько гнусавым голосом завязала разговор Марфа Дмитриевна.

– Ну что вы, мы не знаем как рады вашему приходу, зашли навестить нас, даже не верится, – с каким-то большим чувством произнесла мать.

– А мы больно довольны, что вы прервали нашу работу, всё малость передохнём, за день-то намахались, – добродушно, не спеша, заговорил отец. Дальше Марфа Дмитриевна завела разговор о том, что мне с осени надо поступать в гимназию (я окончил начальную школу).

– Конечно, это бы очень хорошо, Марфа Дмитриевна, плохо ли хоть одного бы до дела довести, поучить, да только хватит ли у нас средств содержать его, семья-то очень ведь большая... Мы уж не раз об этом думали, – медленно и необычно спокойно сказал отец.

– Нет, вам ничего не потребуется тратить и резать себя. Все расходы на учёные беру на себя. На мои средства он будет учиться, – проговорила Марфа Дмитриевна. – Я выучила Сахарова из Погребов на свои денюжки, доктором станет. А теперь первый инженер с Бирюча – вот здорово будет! – воскликнула она каким-то резким, возвышенным голосом. Все улыбались, кивая, одобряя. А я от этих слов стоял словно ошеломленный. Не знаю, что происходило в тот момент в моём детском сердце, но мне было как-то невероятно радостно и просторно.

Ко мне подошла Вера Васильевна, положила руку мне на плечо, и внимательно смотря на меня голубыми, чуть-чуть прищуренными глазами, ласково, по-матерински спросила:

– Ну, как ты, Петя, хочешь учиться в гимназии?



Слева направо: Фёдор, Пётр, Григорий и Василий Егоровы. Москва, 1938

Вероятно, от сильного волнения и от переполнявших чувств, нахлынувших на меня, я не своим голосом ответил:

– Да, я очень хочу в учёные! Спасибо Вам!

– Это замечательно, что у тебя такое желание учиться дальше, – добродушным, слегка заикающимся голосом произнесла Вера Васильевна и провела рукой по моим шершавым волосам.

– Петя у вас способный мальчик. Мне говорила об этом его учительница Александра Николаевна. Давайте готовить его к поступлению в гимназию, а потом пойдёт в университет; мне хочется, чтобы он стал дальше учиться, – убедительным и спокойным тоном говорила она, обращаясь к родителям».

Мечте моего брата учиться в гимназии не суждено было осуществиться. Первого августа 1914 года началась война. Через несколько месяцев отец был призван на фронт, где пробыл вплоть до октября 1917 года. Четыре года войны, Октябрьская революция, Гражданская война. В 1920 году, по совету Веры Васильевны, брат поступил в политехнический институт, который располагался в здании на ул. Кирова (позже здесь разместились противотуберкулёзный диспансер).

В 1926 году Пётр был призван в Красную Армию, в 1930 году поступил в Военную академию им. Фрунзе. В годы войны работал в Генштабе, позже преподавал в академии Генштаба. «И мне особенно приятно вспомнить сейчас добрым словом Веру Васильевну Кашкадамову за все те хорошие, искренние и полезные мне для жизни советы и помощь», – писал Пётр Христанфович в марте 1965 года.

Работая в областном архиве, я случайно обнаружила интересный документ за 1900 год. Вот он:

Копия.

Я, Марфа Дмитриевна Вёхова, выдала настоящую подписку Симбирской уездной земской управе в нижеследующем:

1. Я, Вёхова, передаю в собственность Симбирского уездного земства деревянный, крытый железом дом в д. Грязном Ключе, выстроенный мною на земле Грязноключевского общества, для помещения в нём начального училища с квартирою учителя, со всеми холодными дворовыми постройками, а также со школьной мебелью и всем учебным инвентарём, заведённым мною.

2. Я, Вёхова, принимаю на себя впредь, до переезда Грязноключевского училища в ведение министерства народного просвещения, школу эту отоплять и здание ремонтировать на свой счёт.

3. Обязуюсь кроме того внести в обеспечение содержания Грязноключевского училища одну тысячу рублей в Симбирском отделении государственного Банка.

4. На даримую мною в пользу той же школы одну десятину земли обязываюсь представить Управе законно составленную купчую крепость. Передаётся в собственность земства, которое должно передать всё это в ведение министерства народного просвещения.

г. Симбирск, февраль 25 дня 1900 г.

*Подлинную подписала
Марфа Дмитриевна Вёхова.
(Ф.99, оп.1, ед.549.)*

Подготовил **Лев Нецветаев**
по воспоминаниям
Екатерины Нецветаевой



«Делайте добро, и всё у вас будет!»

19 января 2014 года исполнилось 85 лет со дня рождения почётного гражданина Ульяновской области, архитектора, краеведа, профессора УлГУ Бориса Васильевича Аржанцева. Яркий общественный деятель и автор уникальных исследований в области родословия и исторического краеведения, Борис Васильевич на протяжении многих лет был автором журнала «Мономах».

Сразу же после смерти Бориса Васильевича Аржанцева началась работа единомышленников по созданию общественного фонда его имени. Главной целью фонда стало строительство Троицкого собора – об этом более всего мечтал Б.В. Аржанцев. Кроме того, общественная организация занялась пропагандой в молодёжной среде духовно-нравственных и патриотических ценностей, которые были так близки учёному и педагогу. К 80-летию со дня его рождения общественный фонд имени Б.В. Аржанцева выпустил книгу «По горячим следам памяти», в которую вошло сокровище воспоминаний и эссе людей, близких знавших Бориса Васильевича.

Его биография может служить примером искреннего служения Родине.

Отец-бухгалтер был расстрелян по доносу, и 12-летний мальчик в тяжёлое военное время оказался у родственников. Жилось ему несладко: всё свободное от учебы время он проводил в длинных очередях за керосином и хлебом. Заботиться о подростке было некому, и вскоре Борис убежал на фронт к «нашим». Это произошло в 1943 году.

Скитания по стране, опалённой войной, затянулись до 1952 года. Вспоминать об этом времени Борис Васильевич не любил. Лишь редкие обмолвки с друзьями и близкими дают представление о его «боевом маршруте». Зато он неоднократно рассказывал о пребывании в Сталинграде во время жестокой битвы за город. В кипящем Сталинградском котле Борис был ранен осколками разорвавшегося снаряда. Попал в госпиталь. Его прооперировали – память о ранении осталась в шрамах на спине и плечах. Побывал он и в Кенигсберге во время решающей битвы, которая принесла победу советским воинам.

Борис Васильевич никогда не употреблял пафосных слов: «участвовал в боях», «ходил в разведку» – он скромно

замечал, что вместе с нашими солдатами пережил все бомбёжки.

После окончания войны юноша не спешил вернуться домой: он считал, что его там не ждут. Но когда получил письмо от матери, которая просила его вернуться, поспешил в Инзу.

К этому времени Борису исполнилось уже 23 года, и он решил наверстать упущенное время. За три года окончил с серебряной медалью вечернюю школу, поступил в Куйбышевский инженерно-строительный институт, стал высококлассным строителем.

Выбор этой профессии не был для него случайным, ведь за годы скитаний он видел множество разрушенных деревень, посёлков, городов – потому и мечтал возродить из руин всё порушенное.

В конце жизни все помыслы Бориса Васильевича были направлены на возрождение прекрасного Троицкого собора – главного украшения и символа дореволюционного Симбирска. В возрождённом соборе он мечтал

увидеть на мраморных плитах высеченные имена воинов, павших не только в войне с французами 1812–1814 годов, но и с фашистами – 1941–1945 годов, а также в войнах последних лет. Ведь о воинском долге и подвиге он знал не понаслышке.

Более 30 лет Борис Васильевич занимался памятниками истории и культуры Ульяновской области. Он и окружающих зажигал своей неутомимой энергией и страстной любовью к городу, его культуре и архитектуре. Он был автором и инициатором создания Ленинской мемориальной зоны в Ульяновске – эта идея воплотилась позже в музее-заповеднике «Родина В.И. Ленина». Реализованы были и другие инициативы архитектора: создан институт «Спецпроектреставрация», комитет по охране культурного наследия. Борис Васильевич бился за сохранение и реставрацию каждого объекта, имеющего историческое и культурное значение.

Исследования учёного нашли отражение в его книгах: «Архитектурно-исторические образы Симбирска», «Выдающиеся памятники истории и культуры города Симбирск», «От нищего до воеводы». Особую значимость он придавал теме «Симбирская ветвь родословной России». Эта тема была одобрена Комитетом по культуре Государственной думы РФ и в последние годы жизни стала для Бориса Васильевича главным предметом его научных изысканий.

Нам, его современникам, остаётся только благодарить судьбу за то, что она подарила встречу с этим неординарным человеком большого сердца, глубоких знаний и опыта. Свет его души и сегодня озаряет жизнь тех, кто готов продолжать дело Бориса Васильевича Аржанцева и бескорыстно служить своей малой родине.

Виктор Сахаров,
директор Фонда имени Б.В. Аржанцева



Б.В. Аржанцев с внучкой архитектора А.А. Шодэ. Ульяновск



Вдвоём по белу свету

Саяны. Горное озеро

Ветер странствий продолжает манить из дома туристов со стажем супругов Владимира и Веру Китаевых. Будучи пенсионерами, они не любят просиживать время на скамейке у подъезда. Их страсть – путешествия в самые дальние, красивые и нетронутые цивилизацией края России. Девиз жизни этой дружной пары неисправимых романтиков был и остаётся: «Пока я ходить умею, пока глядеть я умею, пока я дышать умею, я буду идти вперёд».



«Мы начали заниматься спортивным горным туризмом ещё в студенческие годы в начале 70-х годов», – вспоминают Владимир и Вера.

Они были тогда молоды, им хотелось ярких впечатлений. Первым увлёкся походами Владимир. Вера присоединилась к нему позднее. Так это понравилось, что захотелось путешествовать снова и снова. Увлечение не остыло, когда приехали после окончания вуза в Ульяновск и начали работать инженерами на Ульяновском машиностроительном заводе имени Володарского. Во время отпусков непременно отправлялись в поход, и не осталось гор в Советском Союзе, на которых бы они не побывали.

Как только подросли сын и дочь, стали ходить с ними по рекам Урала. В результате сын Китаевых Александр тоже увлёкся туризмом, и сейчас он, как и его отец, – кандидат в мастера спорта.

– Когда мы с Володей стали старше, – признаётся Вера, – начали путешествовать вдвоём. Молодым с нами

неинтересно. Кстати, парные походы, как оказалось, – это достаточно популярно в России. Мы с некоторыми парами переписываемся по Интернету, обмениваемся советами, маршрутами,

идеями, что-то берём на вооружение. Нам давно хотелось побывать там, где мы ещё не были. Мечтали увидеть тайгу, тундру. В 2010 году были в Эвенкии, в прошлом году – в Якутии,



Полярный Урал



Саяны. Ергаки. Парабола

а в этом году совершили уникальное путешествие по Саянам. Прошли пешком и проплыли на катамаране от района Байкала до Красноярска. Охватили все самые популярные районы Саян. Это Долина вулканов, Тува, Ергаки. Закончили на реке Мане, которая показалась нам отдыхом после всего прошедшего похода.

Допытываюсь у Китаевых:

– *Но ведь годы берут своё. Да и опасно всё это. Не пора ли остепениться, заняться, например, вязанием или чем-то ещё в том же роде?*

– Показывали тут по телевизору женщину 67 лет, она на велосипеде летом проехала от Урала до Петропавловска-Камчатского и обратно. В гордом одиночестве! – парирует Владимир.

– Убери эти походы, и у нас ничего не останется, – поддерживает его Вера. – Благодаря им мы всё время заняты. Снаряжение готовим для будущего путешествия. Осваиваем новые приёмы фотографии, чтобы воду, водопады красиво снимать на фото и видео. Мы беспрепятственно учимся, а когда человек учится, то он – молодой! Возвращаемся – надо просмотреть все фотографии, обработать их на компьютере, выставить на сайт. Нужно сделать фильм из отснятого материала, тоже его – на сайт. Между прочим, наши фильмы пользуются у любителей рыбалки бешеным успехом, особенно – о рыбалке в Эвенкии. А рыбалка на реке Бахта, притоке Енисея, –

великолепная. Правда, чтобы добраться туда, нужны большие деньги. А мы смогли обойтись малыми средствами. Проплыли по реке Подкаменная Тунгуска, прошли по тайге... Пока фильмами да снаряжением занимаемся, уже – Новый год. А что делать дома? Телевизор? Сериалы – убийства с расследованиями?

– *И зверья, медведей не боитесь?*

– Не боимся! – уверенно отвечают оба. – Мы даже оружия с собой не берём, есть только перочинный нож. Дикие звери умнее человека. Если ты зверю не угрожаешь, не вторгаешься в его жизненное пространство, относишься миролюбиво, он никогда не нападёт, наоборот: повернётся и уйдёт. Когда зверь нападает? Когда работает инстинкт самосохранения. Медведи, кстати, часто на охотников нападают: чувствуют их агрессию и страх. А у нас этого нет. Мы показываем, что мы в тайге – гости, а медведь – хозяин. И нас не трогают.

– В прошлом году в Якутии был интересный момент, – вспоминает Вера. – Ночевали мы в охотничьем домике. Вдруг Володя заметил, что мелькнула тень за окном. Мне не сказал, потому что подумал, что показалось, и решил меня не пугать. Я в это время собирала рюкзаки в дорогу. Открыла дверь наружу, а перед входом, метрах в 15-ти, – огромный медведь, чёрный, лохматый, в полтонны весом. Смотрим друг на друга, глаза в глаза. Первая мысль

в голове: «Где фотоаппарат?». Но мишка дожидаться съёмок не стал: развернулся и бесшумно ушёл в тайгу.

Сфотографировать медведей в той же Якутии им всё же удалось. Это произошло в Олекминском заповеднике, где медведи находятся под охраной и расплодились во множестве.

– Мы плыли по реке Олекме, – рассказывают Китаевы, – и видели, как каждый вечер медведи выходили на водопой. Однажды смотрим: мишка идёт по краешку реки впереди, нас не замечая. И мы вдоволь его посняли. Уже надоело, решили спугнуть, а как? Разговором! Медведи людей боятся, и как только косолапый нас услышал, ломанулся в тайгу.

Вдали от цивилизации Китаевы стараются жить, не нарушая законов природы. Но всё же некоторыми из достижений человечества не пренебрегают. Это, прежде всего, – хорошее туристское снаряжение. А в последнее время берут с собой в дорогу вместе с картой, как они называют, «игрушку» – GPS. Так, на экстренный случай. Хотя убеждены: ничто не поможет тебе, если случится что-то особенно серьёзное. Поэтому стараются заранее просчитывать все ситуации, в пути не спешат, останавливаются, чтобы изучить обстановку.

Супруги принципиально путешествуют только по России. «Красивее, – говорят они, – страны нет!». Турция или Египет – не для них.



Саяны. Ергаки.
Хребет Спящий Саян



Саяны

Владимир объясняет, как они выбирают маршрут:

– Жизнь человека коротка, так что стараемся каждый раз проложить путь в наиболее красивые неизведанные нами места. Ещё у нас есть два увлечения: рыбалка и съёмки. Поэтому нужно всё это одно с другим увязать. Раньше ходили в короткие походы, теперь они удлинились – до двух месяцев. Мы пенсионеры, и времени у нас много, поэтому не спешим, идём себе потихонечку, снимаем, рыбачим...

Ещё свежи воспоминания о двухмесячном путешествии прошедшим летом по Саянам. Супруги тогда пешком одолели около 160 километров и проплыли чуть больше тысячи километров.

Они по праву гордятся тем, что прошли по малоисследованным местам.

– Мы были первыми, – утверждает Вера, – кто снял на камеру быструю речку Чойган-Хем. Это был трудный путь. На реке – мощный водопад, по высоте – больше десяти метров. Если попадёшь, уже не выберешься. Мы причалили за 300 метров до водопада и обошли его. Долго не могли найти из чего построить новый катамаран. В округе был пожар, и от леса остались обгоревшие стволы. Только спустя время, когда появились редкие берёзы, мы смогли сделать катамаран и продолжить плавание.

Увы, но гораздо опаснее своенравных рек оказались... люди. На реке Бий-Хем в Туве с Китаевыми чуть было не случилась беда.

Как выяснилось, Тува – опасный край для путешественников. Было большим риском отправиться туда вдвоём. От нападений там не застрахованы даже небольшие по составу группы туристов.

А произошло вот что. К катамарану Владимира и Веры на Бий-Хеме пристыковалась «моторка» с четырьмя парнями. Разговор сначала пошёл издалека: откуда, куда? Вдруг просьба: «Нужна блесна!». У Китаевых, знающих, что в глухих местах в таком предмете может быть нужда, блесна была специально припасена, и они её подарили. Но парни не отстали. Начали требовать водку.

– Объясняем, что уже месяц, как в тайге, поэтому водки нет, – рассказывает Вера. – А в магазинах Тувы алкоголь вообще не продаётся, потому что у тувинцев нет гена противодействия ему. Стоит им выпить немного, и... Наш бесполезный разговор, казалось, продолжался бесконечно. Ребята начали заводиться, становились всё злее и злее. Стали свою лодку крутить, того и гляди резанут по нашему катамарану. Течение тут быстрое,



мы можем легко утонуть, и нам никто не успеет помочь. Пристали поскорей к берегу, они за нами. Опять: «Дайте выпить!». Один достаёт нож и начинает им махать перед лицом Владимира. Отобрали у нас три спиннинга, поломали. Мне пришлось пойти на чисто женскую хитрость. Села, закрыла руками глаза и сделала вид, что плачу. Они засуетились, сели в лодку и отплыли на некоторое расстояние. Пока бандиты не опомнились, мы – на катамаран и ушли в малую протоку, куда «моторка» зайти не может.

Но человек человеку – рознь. В столице Тувы Кызыле всё было иначе. Совершенно незнакомый прохожий помог измученным путникам найти квартиру для ночёвки, что оказалось гораздо дешевле гостиницы, где нужно было заплатить три тысячи за сутки. И хозяйка квартиры была доброй женщиной: отдала ключи, не тревожила, пока квартиранты отдыхали и заряжали свою технику.

И всё-таки, по мнению Владимира и Веры, самые лучшие люди живут в Красноярском крае! Путешественники в восторге от красноярцев:

– Доброжелательные, отзывчивые, душевные! Вот сидим мы у костерка, мимо проходит группа, от неё отделяется женщина и – к нам: «Возьмите, пожалуйста, хлебушка, нам уже не надо». Другая женщина подходит: «Мы тоже уходим. У нас осталась тушёнка – это вам». Газовый баллон предлагали, что-то ещё. Один рыбак охапку хариусов подарил. Или – спускаемся с крутейшего перевала в природном парке Ергаки: молодёжь преодолевает его запросто, а для нас, пожилых, он слишком тяжёл. Но рядом оказались молодые люди, взяли у нас тяжёлые рюкзаки, подстраховали на спуске. «Вы откуда?» – кричим им вслед. «Мы из Железногорска Красноярского края!».

Сейчас Китаевы заканчивают делать фильм об этом путешествии. Они вновь привезли множество снимков, которые уже есть в Интернете. На них высятся суровые горы, пенятся бурные реки, чернеет застывшая лава вулканов, дарят радость яркие цветы, зеленеет тайга и смотрят друг другу в «глаза» тихие синие озера и небеса. Там, в этой первозданности отдыхает душа, освобождённая от забот и проблем. Там ей легче взлететь в высокое небо, не задымлённое выхлопными газами и не заслонённое высотками и заводскими трубами...

А в голове у моих героев – новые идеи, куда отправиться в следующем году. Этих неугомонных супругов старость точно дома не застанет!

Ирина Морозова

Фото Веры и Владимира Китаевых



Саяны.
Водопад на реке Чойган-Хем



Саяны. Ергаки



Живопись от сердца

Неординарным событием оказалось открытие первой персональной выставки картин 72-летнего художника-самоучки Владимира Фёдоровича Миронова в Ульяновском областном музее народного творчества. Его живопись с уверенностью можно отнести к наивному направлению в изобразительном искусстве. Такие художники берут в руки кисть по велению своего сердца. Обычно – после выхода на пенсию, когда появляется больше свободного времени. Не имеющие специального образования, они рисуют так, как подсказывают им их чувства. Ещё лет 20-25 назад творчество «наивных» в нашей стране считалось маргинальным. Сейчас оно прочно обосновалось в сердцах зрителей и в музейных залах.

Кажется, что все такие художники уже взяты искусствоведами на заметку. Но время от времени появляются новые имена, и к их числу вполне можно причислить Владимира Фёдоровича Миронова. Открытием этот автор стал не только для Ульяновска. Творчество художника стало известно в Музее наивного искусства в Москве, в коллекцию которого вошла одна из его картин.

Миронов – программист и учитель физики по образованию – на протяжении жизни пробовал себя в разных сферах деятельности. На машиностроительном заводе работал наладчиком узлов ЭВМ, преподавал в электромеханическом техникуме, занимался конструированием в проектно-конструкторском бюро автоматизированных систем управления. Был даже грузчиком и охранником.

Он рисует со школьных лет. Любил копировать портреты великих учёных из учебника физики. В пионерском лагере выиграл в конкурсе рисунков: его тропические «кущи» понравились педагогам. Потом пошли стенгазеты – рисовал сатирические шаржи на двоечников. До армии и после занимался оформительскими работами. И всё же профессиональным художником Владимир Фёдорович не стал: так уж судьба распорядилась.

Когда в семье подросли дети, городская квартира Мироновых начала превращаться в мастерскую художника. Выросший в большой деревенской семье, Владимир Фёдорович, преисполненный почтением к предкам, создал первым делом живописную галерею родственников. Покрывал картонки тканью и рисовал портреты с фотографий: деды, родители, три сестры, брат, их дети и свои двое. Так на стенах

квартиры «выросло» генеалогическое древо Мироновых.

– Маслом, – признаётся художник, – я начал писать не сразу. Первые мои упражнения – копии с картин великих мастеров – тех, которых люблю. И обязательно – с участием женщин: «Юдифь» Джорджоне, «Спасение Арсинои» Тинторетто, «Мадонна пред Распятием» Энгра, «Мадонны» Да Винчи...

Интересно, что готовые работы Владимир Фёдорович выносил на лестничную площадку, чтобы не загромождать квартиру, и соседи их разбирали. Значит – нравились.

Период самостоятельного творчества Миронова пришёлся на 1990-е годы. Зрелый возраст стал для него временем размышлений на темы философско-религиозные и исторические. Работая над ними, он ощущал некие «подсказки» извне. «Поэтому не хочу всё мною написанное целиком взять на себя», – замечает Владимир Фёдорович.

Выставку под названием «Россиянка. XX век» в Ульяновском музее народного творчества художник посвятил русской женщине. Он объясняет: «Я видел, что прошедший век оказался необыкновенно тяжёлым для всего мира, особенно для России, а в России – особенно для женщин. Они приняли на себя большую часть трудностей и лишений. Да и вообще, как мужчина я женщин люблю, поэтому они – мои главные героини. Хотел таким образом поблагодарить их за труды тяжкие, за доброту и любовь к детям».

Картины Владимира Фёдоровича то погружают зрителя в полутьму крестьянской избы, то ослепляют белым снегом с синими от солнца тенями, то полыхают оттенками неземного лазоревого или тёмно-красного цвета. Лица



Владимир Миронов. Пожертвование Богородицы

и фигуры людей выведены будто рукой ребёнка, часто нет перспективы, однако этот примитивизм в изображении не мешает зрителю воспринимать полотна чувствами и умом.

Часть работ навеяна воспоминаниями о деревенском детстве в селе Андреевка Чердаклинского района Ульяновской области. Они несут в себе приметы XX века и нередко имеют этнографическое значение.

Счастьем, домашним теплом веет от картины «Пряха»: в крестьянской избе полногрудая молодая женщина, оставив прялку, склонилась над младенцем в зыбке. Она устала от дневных трудов и находится в полусне. Золотятся от закатного солнечного света печки – русская и голландка. Сушатся на верёвочке пелёнки, а в печурке –



варежки. Играет с валенками котёнок. Бабушка дремлет на печке...

– Специально постарался нарисовать здесь как можно больше предметов, которые были типичны в домах моих родителей, тётушки, – комментирует автор. – Это ушедший в прошлое сельский быт. В другой картине – «В чулане» – у меня даже есть мутовка. Этот редкий предмет теперь мало кто помнит, мутовка – предшественница миксера – делалась из ствола молодой сосёнки. От ветвей отрезались концы, оставались черешки. Мутовку употребляли для приготовления горохового пюре.

Иные впечатления детства стали темой картины «Похоронка». Беда буквально ощущается кожей, когда смотришь на неё: в тёмных стенах избы с мрачными тенями от керосиновой лампы, иконой в углу тяжким невидимым грузом придавлены три фигуры за столом. Это мать, читающая письмо со страшной вестью с войны и не верящая написанному, жест бабушки, закрывшей лицо ладонями, девочка, в волнении прижимающая к груди самодельную куклу...

– В войну я был мальчишкой, и многое сам понимаю, а что-то по рассказам узнавал, – говорит Владимир Фёдорович. – Например, что почтальонка сразу все письма раздаст, но похоронку носит до вечера. Поэтому на картине изображён вечер, даже ночь. Вволю

поплакать можно только в это время. А утром надо было идти ковырять землю. Ещё мне хотелось подчеркнуть, что та проклятая война затронула три поколения: бабушка, мать, девочка...

Маленькие, часто полные драматизма истории заключены почти в каждой его работе. Вот полотно «Мясоед – пора свадеб»: в сиянии солнца и снега с синими тенями тройка с бубенцами стремительно мчит в санях парочку – только домики мимо мелькают. По словам автора, это новобрачные едут после венчания. Но молодая жена на картине на мужа не глядит – отвернулась, и сам он, кажется, растерян. Что же случилось?

– Новобрачному не по себе, – поясняет автор, – потому что его бывшая зазноба на обочине дороги вместе с зеваками стоит и глаз не отрывает от пролетающего мимо неё счастья. Юная девушка любила этого парня, и он ухаживал за ней, даже был влюблён. Но – «красивая и смелая дорогу перешла». Вот любимая и прощается молча с ним. А в молодой жене вспыхнула ревность, но теперь у неё появилась власть, которую она спешит употребить – отвернулась от супруга и сама натягивает тулуп себе на грудь.

В этой фантазии Миронова, стремившегося запечатлеть колорит и приметы ушедшей крестьянской эпохи, немало реалистических деталей. Лошади несутся галопом мимо знакомой

Всехсвятской церкви, которая стоит в Ульяновске. Кстати, сам художник в ней часто бывает. Барский, но довольно скромный дом – из рассказов его бабушки. «Скромный потому, – сочиняет он, – что барыня пожелала, чтобы после постройки её дома остались деньги и на храм». Лавки, домик приказчика и другие здания напоминают о старом Симбирске.

С распадом СССР и последующими событиями Миронов, как и многие интеллигенты, не мог не задумываться о том, почему всё случилось так, а не иначе. Его собственная версия причин и следствий представлена в художественном воплощении в триптихе. Картина «Конец династии» изображает Дом Романовых в образе прикованной цепями к столбу женщины с упавшей короной, окружённой пламенем огромного пожара. Воздаяние за содеянное мы уже получили, а последующие покаяние и возрождение страны и народа, убеждён художник, возможно посредством православной веры. Потому у него на другом полотне сама Богородица-Заступница помогает России в образе крестьянской женщины вымолить прощение у Господа – за невинно убиенных, за порушенные храмы. Завершается триптих благословением России Божией Матерью – на грядущие свершения во имя Добра и Любви.

Сам он искренно верит, что такое чудо возможно, и даже пытается «срежиссировать» его. На одной из его картин Богородица с младенцем на руках, сойдя с иконы, является молящейся в храме девочке. Царица небесная как бы передаёт ей свой бесценный дар Веры, Надежды, Любви, который та, чистая душой, вскоре понесёт по жизни, делясь им со всем миром...

На открытии выставки творчество Миронова оценили профессионалы. Заслуженный художник России Борис Склярук отметил, что во всех картинах присутствует трепет души их создателя, его неравнодушие к окружающему миру. Он видит жизнь по-своему и воплощает её на своих полотнах, ни на кого не оглядываясь. А художник Людмила Слесарская призналась, что у неё пошла мурашки по телу, когда она посмотрела работы Владимира Фёдоровича. Её поразило его глубинное понимание нашей истории.

Заведующая музеем народного творчества Маргарита Смирнова назвала Владимира Фёдоровича самобытным явлением современного наивного искусства.

Ирина Морозова

Владимир Миронов. Мясоед – пора свадеб



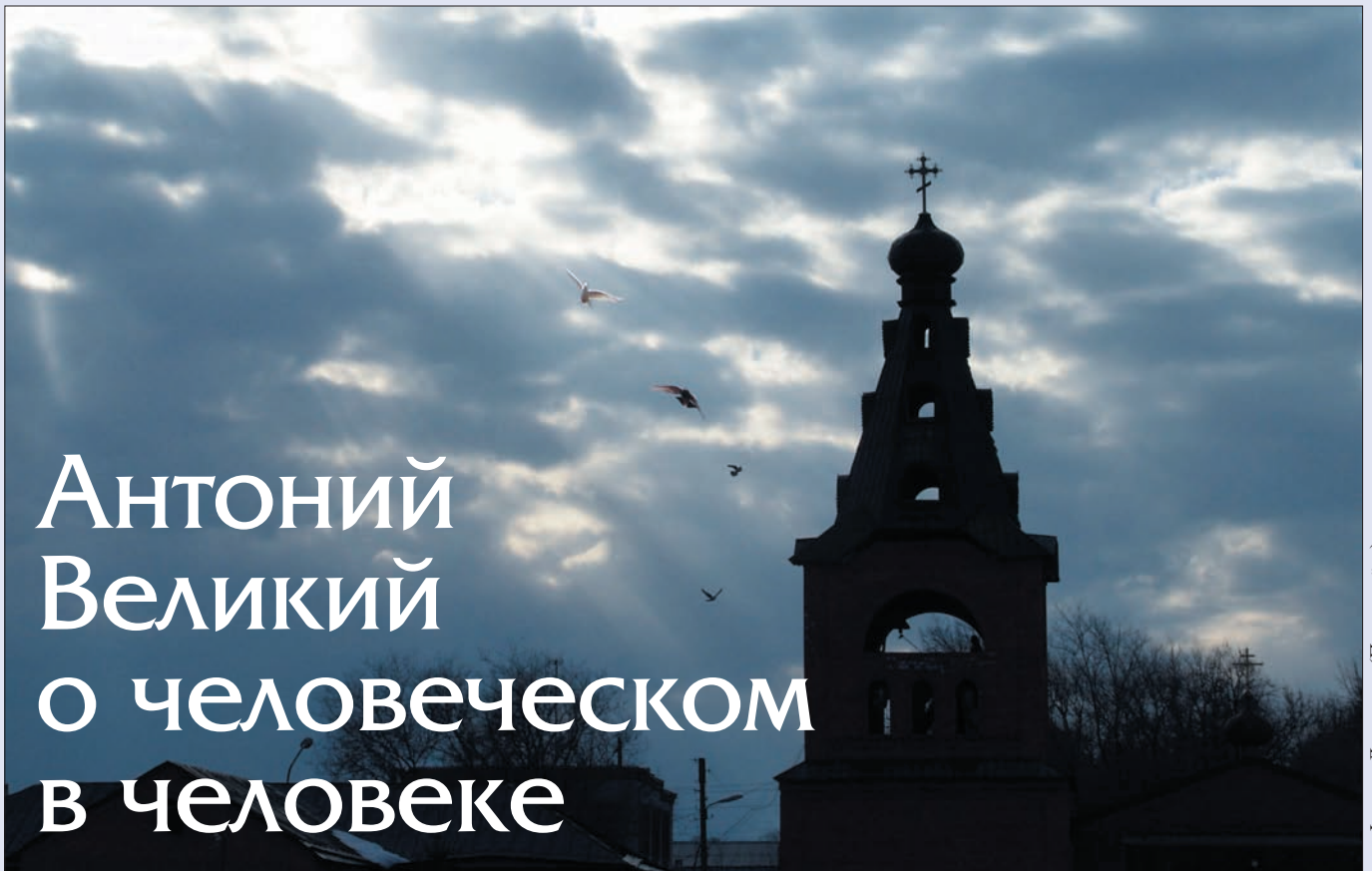


Фото о. Димитрия (Пономарёва)

АНТОНИЙ Великий О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ В ЧЕЛОВЕКЕ

Как было бы хорошо, если бы каждый человек твёрдо знал, что в нём специфически человеческое! И зная это, не упускал бы возможностей для его развития в себе и в своих близких, берёг бы это «нечто» от деградации в неблагоприятных условиях, активно защищал бы его от насильственных и иных «технологий» разрушения или извращения.

Нам говорили и продолжают говорить, что человек – существо общественное. Это, конечно, верно. Но только отчасти! Действительно, вне общества человек сформироваться не может. Но возможность того, что человек не утратит своих человеческих качеств (т.е. не перестанет быть человеком), живя в обществе, не гарантируется самим обществом. И нынешний, и прошлый века преподнесли нам множество примеров массовой деградации (порой можно говорить об «одичании») человеческих индивидов, а также больших и малых социальных групп. Вновь остро возникают вопросы: «что делает человека человеком?» и «каким образом развивается и сохраняется человеческое в человеке?» А вот более конкретный вопрос: «есть ли у современных родителей, воспитателей и учителей определённые критерии того, что в процессе воспитания и образования

у их подопечных правильно и гармонично раскрывается потенциал, заложенный в человеческую природу, что не упускается нечто необходимое для достижения вполне удовлетворительного результата?»

На эти вопросы будет сложно ответить не только рядовым воспитателям, но и – скорее всего – представителям т.н. «экспертного сообщества». Последствия десятилетий запретов и ограничений свободы слова, свободы мысли, свободы совести не преодолены до сих пор. Можно сказать: мы пока «не в теме». Чтобы погрузиться в неё, надо хорошенько изучить то, что по данному поводу писали и как жили великие люди прошлых эпох.

В этом выпуске журнала читателям предлагаются отрывки из одного сочинения преподобного Антония Великого (252–358), основоположника христианского монашества. Возьмём на себя смелость обратить внимание на то, что Антоний Великий двойным образом обесценивает расхожий тезис – «человек есть существо общественное». Во-первых, своим образом жизни. Из 105 прожитых им лет он 85 был монахом-отшельником и крайне редко прерывал своё уединение общением с людьми. За это время он не только не «одичал», но превратился из

благочестивого, но неопытного юноши в великого подвижника и мудреца, наставления которого благоговейно передавались из поколения в поколение на протяжении почти двух тысяч лет и служили руководством великому множеству христиан. Во-вторых, своим учением, согласно которому человек духовно совершенствуется, опираясь на «естественные силы», заложенные Творцом (а не обществом) в природу человека, и достигает при этом успеха («восходя к богоподобию») лишь при том условии, если сам этого очень хочет и, «не давая себе покоя», делает всё от него зависящее для достижения поставленной благой цели. Конечно, он верил в истинность библейского повествования, что Бог сотворил человека (не нуждавшегося в социализации), а общество возникло потом; но его учение – не простой логический вывод из постулатов веры, а результат обобщения многолетнего опыта работы над собой, к которой его подвигла вера. Очевидно, что Антоний Великий не ставил возможность своего духовного совершенствования в зависимость от совершенствования общества. Его любовь к добру не омрачалась, а благие стремления не связывались ожиданием «лучших времён».

Александр Корабельников



Из «Наставлений о доброй нравственности и святой жизни»

...Человек называется разумным животным, потому что имеет ум и способен приобретать познания. Прочие же животные – земные и воздушные, у которых есть голос, имеют дыхание и душу. Всё растущее и умаляющееся можно назвать живым потому, что оно живёт и растёт, но нельзя сказать, чтоб всё такое имело душу.

Живых существ четыре различных вида: одни из них бессмертны и воодушевлены – каковы Ангелы; другие имеют ум, душу и дыхание – каковы люди; иные имеют дыхание и душу – каковы животные; а иные имеют только жизнь – каковы растения. Жизнь в растениях держится и без души, и без дыхания, и без ума и бессмертия; но и прочее всё – без жизни быть не может. (Из гл. 166)

Жизнь [человека] есть соединение и сочетание ума (духа), души и тела; а смерть есть не погибель этих сочетанных (частей), а расторжение их союза; всё это Бог хранит и по расторжении. (Гл. 93)

Смертные должны заботиться о себе, зная наперёд, что их ожидает смерть. Ибо блаженное бессмертие бывает уделом преподобной души, когда бывает доброю, и смерть вечная срывает её, когда она бывает злою. (Гл. 169)

Душа – в теле, в душе – ум, в уме – слово, коими созерцаемый и прославляемый Бог обессмертивает душу, даруя ей нетление и наслаждение вечное... (Из гл. 98)

Ум не есть душа, но дар Божий, спасающий душу. Богоугодный ум течёт впереди души и советует ей презреть временное, вещественное и тленное, а возлюбить блага вечные, нетленные и невещественные, так чтоб человек, живя в теле, умом представлял и созерцал Небесное и Божественное. Таким образом, ум боголюбивый есть благодетель и спаситель человеческой души. (Гл. 94)

Орган зрения телесного – глаза, а орган зрения душевного – ум. Как тело, не имеющее очей, слепо, не видит солнца,



Фото Геннадия Краснопёрова

освещающего всю землю и море, не может наслаждаться светом его; так душа, не имеющая благого ума и доброй жизни, слепа: не ведаёт и не славит Бога, Творца и Благодетеля всех (тварей), и войти в наслаждение Его нетлением и вечными благами не может. (Гл. 118)

Люди обычно именуются умными по неправильному употреблению сего слова. Не те умны, которые изучили изречения и писания древних мудрецов, но те, у которых душа – умна, которые могут рассудить, что добро и что зло, и злого и душевредного убегают, а о добром и душеполезном разумно радуют и делают то с великим к Богу благодарением. Эти одни, поистине, должны именоваться умными людьми. (Гл. 1)

(Настоящий) человек есть тот, кто понял, что такое тело: именно что оно тленно и маловременно. Таковой и душу понимает (как следует) – именно, что она божественна и бессмертна и, будучи вдуновением Бога, соединена с телом для испытания и восхождения к богоподобию. Понявший же душу как следует живёт право и богоугодно, не доверяя и не поблажая телу. Созерцая Бога умом своим, он зрит умно и вечные блага, даруемые Богом душе. (Гл. 124)

Душа, поблажая телу, омрачается удовольствием и погибает. Боголюбивый ум действует противно сему: он причиняет скорбь телу и спасает душу, как врач, рассекающий и жгущий тела. (Гл. 95)

Умный человек, рассматривая сам себя, познаёт, что должно и что полезно ему делать, что сродно души его и спасительно, и что чуждо ей и пагубно. И таким образом избегает того, что вредит душе, как чуждое ей. (Гл. 5)

Как из материнского чрева выходит человек, так из тела душа выходит голою; и бывает иная – чиста и светла, иная запятнана падениями, а иная – черна от многих прегрешений. Поэтому умная и боголюбивая душа, помяная и рассуждая о бедах и крайностях послесмертных, живёт благочестиво, чтобы не быть осуждённою и не подвергнуться им. А неверующие не чувствуют и грешат, презирая имеющее быть там, безумные душою. (Гл. 111)

Человеком должно называть или того, кто умён, или того, кто принял себя исправлять себя. Неисправного не должно называть человеком: потому что свойство это (т. е. несправимость) не человеческое. От такиховых должно бегать. Сживающиеся со злом никогда не будут в числе бессмертных (блаженным бессмертием). (Гл. 13)

Как всякий художник показывает своё искусство тем, что обдeldывает в прекрасные формы взятое им надлежащее вещество, как то: один дерево, другой медь, иной золото и серебро, – так и нам должно показывать, что мы люди, не тем, что так устроены телесно, но тем, что истинно умны в душе: тем, что покорствуем закону благожития, то есть добродетельной и богоугодной жизни. Истинно умная и боголюбивая душа знает всё, чему и как следует быть в жизни, и Бога любительно умиловивать, и благодарить Его искренно, к Нему устремляясь всем желанием и всею мыслью. (Гл. 15)

Одного человека Бог слушает, одному человеку Бог является; ибо человеколюбив есть Бог, и где бы ни был человек, там есть и Бог; один человек есть достойный Бога поклонник; для человека Бог преображается. (Гл. 132)

Лишь человек способен принимать Бога, ибо с этою одной живой тварью беседует Бог, – ночью чрез сновидения, а днём чрез ум всячески предсказывает и предзнаменует Он достойным Его людям будущие блага. (Гл. 159)

Воздержание, незлобие, целомудрие, твёрдость, терпение и подобные им великие добродетели, как бы силы (рагные) получили мы от Бога, чтобы они сопротивлялись и противостояли встречающимся с нами прискорбностям и помогали нам во время их: так что если мы будем упражнять сии силы и иметь их всегда наготове, то ничто из случаемого не будет для нас тягостно или болезненно, гибельно и несносно; ибо всё то будет преодолеваемо сущими в нас добродетелями. Этого не имеют в мысли те, у которых душа не умна: ибо они не верят, что всё сие бывает на пользу нам, чтобы просияли добродетели наши, и мы увенчаны были за них от Бога. (Гл. 3)

Благо получает человек от Бога, как Благого; а злу подвергается человек сам от себя, от сущего в нём зла, от похоти и нечувствия. (Гл. 100)

...Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым. А мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом, по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога, по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы бываем Божиими, а делаясь злыми, становимся отверженными от Него. А сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями – соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не то значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но – что посредством таких действий и обращения нашего к Богу, уврачевав сущее в нас зло, опять соделаваемся мы способными вкушать Божию благодать. Так что сказать: «Бог отвращается от злых» – есть тоже, что сказать: «Солнце скрывается от лишённых зрения». (Из гл. 150)

Не должно говорить, что невозможно человеку проводить добродетельно

жизнь, но – что это нелегко. И точно – не для всякого без различия удободостижимо это; но только те из людей приобщаются добродетельной жизни, которые благочестивы и имеют боголюбивый ум. Общий (обыкновенный) ум есть ум мирской и превратный; он даёт помышления добрые и худые, изменчив и склонен к вещественному; а ум боголюбивый есть казнитель зла, которое бывает в людях от произвольной их беспечности. (Гл. 7)

Стремящиеся к добродетельной и боголюбивой жизни ревнуют о добродетелях душевных, как о таком стяжании, которое составляет неотъемлемую их собственности и вечное утешение. Привременным же пользуются они лишь столько, сколько и как даёт и хочет Бог, употребляя его с веселием и всяким благодарением, хотя бы то было и очень умеренно. Ибо богатый стол питает тела, как вещественное, а познание Бога, воздержание, благодать, благотворение, благочестие и кротость оживляют душу. (Гл. 34)

Добрый и мудрым человеком вдруг сделаться нельзя, но сие достигается внимательным обсуждением, упражнением, опытом, продолжительным подвигом и (главное) сильным желанием доброго дела. Добрый и боголюбивый человек, истинно познавший Бога, покоя себе не даёт, делая всё без исключения угодное Богу. Но такие мужи редко встречаются. (Гл. 40)

Людям, не имеющим природных расположений к добру, не следует в отчаянии о себе, опустив руки, небрегать о боголюбивой и добродетельной жизни, как бы она ни была недоступна и недостижима для них; но должно и им подумать, и приложить посильное попечение о себе. Ибо хотя и не могут они достигнуть верха добродетели и совершенства, но, всячески думая о себе и заботясь, они сделаются лучшими или, по крайней мере, не станут худшими, – и это немалая польза для души. (Гл. 41)

Человек по уму соприкасается с неизреченною Божественною силою, а по телу имеет сходство с животными. Но немного таких, которые, как настоящие люди, умные, стараются обращать

мысль к Богу и Спасителю и иметь с Ним сродство и это показывают делами и добродетельною жизнью. Большая же часть людей, неосмысленные душою, оставив то Божественное и бессмертное всыновление, склоняются к мёртвому, бедному и маловременному сродству с телами и, как бессловесные, мудрствуя только о плотском и похотью разжигаясь, отлучают сами себя от Бога и душу с неба низводят в пропасть пожеланий. (Гл. 42)

Грех, быв понят душою, ненавидим бывает ею, как зверь зловоннейший; непонятный же, он бывает и любим не понимающим его, и, порабощая любителю своего, держит его в плену у себя. А он, несчастный и бедный, не видит, что для него спасительно, даже не думает о том; но, полагая, что грех красит его, рад ему. (Гл. 51)

Не то грех, что делается по закону естества, но то, когда по произволению делают что худое. Вкушать пищу не есть грех, но грех – вкушать её без благодарения, неблагоговейно и невоздержно; не грех – просто смотреть, но грех – смотреть завистливо, гордо, ненасытно; не грех слушать мирно, но грех – слушать с гневом; не грех – заставлять язык благодарить и молиться, но грех – позволять ему клеветать и осуждать; не грех – утруждать руки милостынею-подаванием, но грех – позволять хищение и убийство. Так каждый член грешит, когда по нашему свободному произволению делает злое вместо доброго, в противность воле Божьей. (Гл. 60)

Бог не есть виновник зла. Он даровал человеку разум, способность различать добро и зло, и самовластие; злые же страсти рождаются уже от нерадения и беспечности людей. Отнюдь не виновен в них Бог. По свободному выбору воли демоны сделались злыми, равно как и большая часть людей. (Гл. 89)

Для чего создан человек? Для того, чтобы, познавая творения Божии, он зрел Самого Бога и прославлял Создавшего их для человека; ум, любовь к Богу прилепленный (боголюбец и боголюбезный), есть невидимое благо, от Бога даруемое достойным за добрую жизнь. (Гл. 55)



Неси добро!

В июле 2013 года редакция журнала «Мономах» готовила материал «Живая традиция старчества» (№ 5–2013) и побывала в селе Красные Ключи Похвистневского района Самарской области, где служил и почил старец о. Павел Алексахин. В это же время в село, на подворье храма Архистратига Михаила, прибыла группа добровольцев, представляющих социальный проект «Неси добро». Ребята выглядели уставшими, но счастливыми: они преодолели пешком около ста километров. Руководитель проекта Алексей Сёмин рассказал нам, что цель акции «Неси добро» – ознакомление участников проекта с культурным наследием Поволжья, посещение исторических мест, восстановление памятников культуры, сохранение экологии. Участники оказались самые разные – музыканты, спортсмены, экологи. И не всем длительное путешествие и сложный сплав по рекам в летнее пекло оказались под силу. Некоторые не выдержали

физических нагрузок и ушли назад, а те ребята, которые добрались до Красных Ключей, на следующий же день взялись за строительно-ремонтные работы в Михаило-Архангельском храме.

Прошло несколько месяцев, и Алексей Сёмин прислал в редакцию журнала «Мономах» письмо и необычную фотографию. Вот что он написал.

«Во время перехода 3 июля, на середине пути от Самары в Красные Ключи, в группе сложилась нестандартная ситуация. Ребята страшно устали (за день было пройдено около 40 километров пути), а остановиться на ночлег оказалось нелегко: с одной стороны дороги была вода, а с другой – болотистая местность. Группа была расстроена ещё одним обстоятельством: три часа назад на наших глазах машина улетела в кювет. Я как организатор перехода тоже был удручён. Из 16 человек на данный момент осталось семь ребят. Я очень волновался и переживал: мы стояли на дороге в тёмное время.

Машинально я снял рюкзак и достал телефон: было начало двенадцатого. Я сделал фотографию неба...

В Красных Ключах меня впервые потянуло в храм. До этого я не ходил в церковь, а тут простоял у иконы Михаила Архангела минут 30 и словно почувствовал свою душу. Меня как будто встряхнуло.

Спустя две недели все события улеглись в определённую цепочку, и вот почему.

Совершенно неожиданно мне позвонили посторонние люди и сообщили о том, что на фото, которое я снял той ночью, необычное изображение: в небе идёт битва Михаила Архангела с сатаной. При увеличении снимка сомнений в том, что в небе проявилась битва Света и Тьмы, не осталось. И это была не только битва, но и победа Добра над злом. Недалом же наше движение называется «Неси добро!»

С уважением, Алексей».

